Вместе с Джанис

Пегги Касерта

Annotation

Вместе с Джанис Вы пройдёте от четырёхдолларовых выступлений в кафешках до пятидесяти тысяч за вечер и миллионных сборов с продаж пластинок. Вместе с Джанис Вы скурите тонны травы, проглотите кубометры спидов и истратите на себя невообразимое количество кислоты и смака, выпьете цистерны Южного Комфорта, текилы и русской водки. Вместе с Джанис Вы сблизитесь со многими звёздами от Кантри Джо и Криса Кристоферсона до безвестных, снятых ею прямо с улицы хорошеньких блондинчиков. Вместе с Джанис узнаете, что значит любить женщин и выдерживать их обожание и привязанность.

- Вместе с Джанис
  -
  - Часть первая Ночные ласточки
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
  - Часть вторая Способность летать
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- 27
- 28
- 29

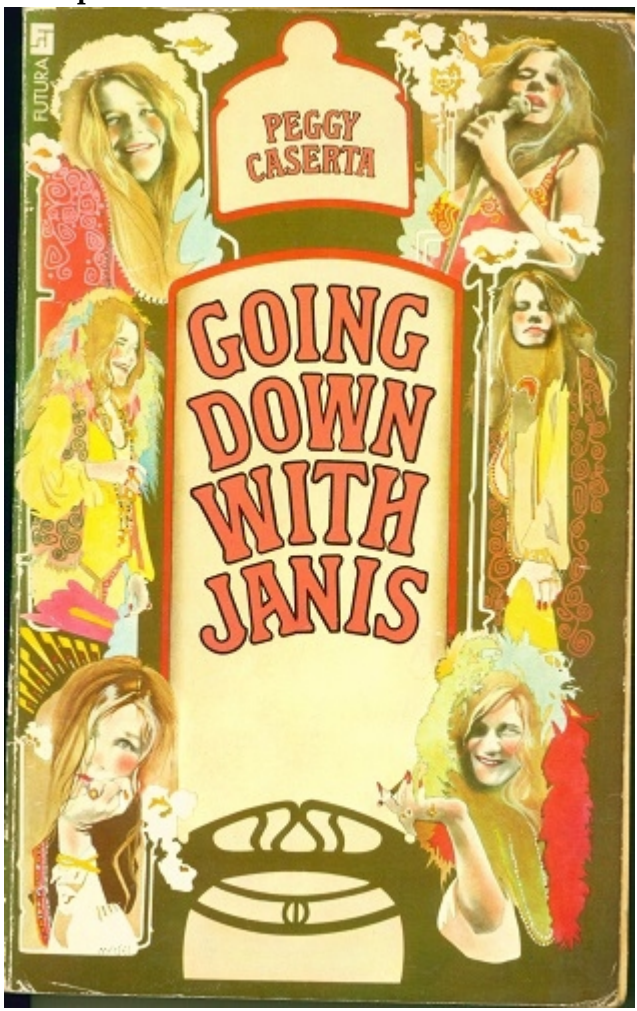
○ Часть третья Сломанное крыло

- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35

○ Индекс

Вместе с Джанис

Пегги Касерта



Часть первая Ночные ласточки

1

7

Я без одежды, с затемнённым героином сознанием, а девушка между ног моих ещё и добавляет тумана моей голове. Она тоже как и я сильно нагружена, но дрянь, растекающаяся по её венам, пропитывающая её мозг, не уменьшает искусности, с которой её язык впивается в мою плоть. И если что–то и можно добавить к этому, так это то, что не найти во всём мире человека более отдающегося чувству, и нет такой силы, которая могла бы сдержать её эмоцию, конечно, я не говорю о тех моментах, когда Жени трезва. Чуть пенящаяся, чуть тёплая, пастельного цвета жидкость — виновница этого, нагретая до кипения в металлической крышечке от пепси. Игла номер 25. Перевязанная рука, вздувшаяся вена. Блеск стекла. Меньше грамма сделают то, что не могут сделать галлоны Южного Комфорта или текилы. Хватает на час–два, затем снова, но уже меньшая доза, помогает отогнать от себя глубоко засевший в душу гноящийся, изматывающий страх, никогда её не покидающий. Если она выражала желание — её отвергали, если любила — ей причиняли боль.

8

Мы лежали в постели какого–то номера мотеля Лендмарк неподалёку от Голливудской Чаши. Определённо он годился только на один пересып. Но нам он нравился. Мы там и прежде бывали, вдвоём, а однажды даже со знакомыми парнями. Лендмарк был нашим лос–анжелесским пристанищем, нашим домом. Всякий раз, когда Джанис записывалась на Коламбии или выступала в Чаше, или если мы просто приезжали в город ради приключений, мы останавливались именно там. Лендмарк. Уродливое строение, таких множество было построено в пятидесятых годах — типичная для Америки второсортная придорожная гостиница. Гастролируя по всей стране, мы так часто останавливались в подобных местах, что что–нибудь другое нас просто бы смутило. Когда ты трезв, в нос тебе ударяет стойкий запах прокуренных вещей, пота старых носок и использованных презервативов. Никакими силами его невозможно вытравить из этих номеров.

Но не в этот вечер. Виной тому героин. Этот чёртов, мать его, король. На жидком золоте, а не на простынях мы отправились в плавание. На тумбочке в углу не дешёвая лампа в пластмассовом абажуре, а ласковое солнце, согревающее наши хрупкие косточки и уносящее нас в благословенный край, где всегда тепло и уютно.

Работает телевизор. Первое, что всегда делала Джанис, когда собиралась отдохнуть — включала телевизор. Итак, работает телевизор. Бывало, просыпаешься среди ночи от какого–то назойливого жужжания. Ну конечно же, это он жужжит, оставлен включённым: либо мерцает белесыми полосами, либо просто тестовая таблица. Не могла она обойтись без этого милого одноглазого бога, казалось, вселяющего в её сердце некое успокоение — хоть кто–то за ней присматривает, пока есть крыша над головой.

Этим вечером голоса из ящика были невразумительны, а звуки даже более невероятны, чем издаваемые губами и языком Джанис. Не впервые мы с Джанис сплелись клубком. Никто их не считал. Все три года из тех четырёх, прошедших с нашей первой встречи в далёком 1966 году, было так много таких встреч, что я просто не в состоянии всех их проследить. Скажу только, что чаще только мы были одни, вдвоём, редко один мужчинка на двоих, а иногда — два; это было прежде, в самом начале нашего пути, после непрерывной вереницы парней прошедших через её постель, с которыми она кувыркалась целыми днями. Несчётное количество испачканных простыней и десятки тысяч долларов, истраченных на бесконечные дозы, на все эти шикарные гостиницы, лимузины и бутики Нью–Йорка, Филадельфии, Нашвилла, Лос–Анжелеса, а водоворот Вудстока, он до сих пор захватывает воображение своим разнообразием красок, ярких цветов, словно заимствованных с датского пудинга. Вот так, мы большее время старались проводить в постели, лёжа вместе нагишом, уже давно прошла неловкость, уступившая за годы общения дружескому взаимопониманию.

9

Стоял тёплый сентябрь. Ранние часы понедельника. Если быть точной — 28 сентября 1970 года. В июне мы обе после месяца неописуемой депрессии влюбились в одного и того же сладкоречивого дьявола. Обычно мы влюблялись в разных парней, а некоторое время, достаточно долгое, я жила, и, надо сказать, Жени это очень не нравилось, с одной девицей. Но никогда прежде мы не тусовались с одним и тем же мужчинкой — у нас были разные вкусы на этот счёт. Так или иначе, но всё лето мы почти не виделись. Она была занята разъездами по всей стране со своими рок–концертами, а в августе начала нарезать свой четвёртый — Pearl. Но хуже всего, что почти всю первую половину года она просто опрокинула. В марте на отдыхе в Бразилии месяц она сидела на метадоне. Никакого напряжения, никаких болей. Тело не горело и не лихорадило, никаких агоний. Метадон так благотворно повлиял на неё, что хотя и были пара–

тройка возможностей — но она устояла, и — флаги на башнях, победила и, не поддавшись жестокой зависимости, соскочила. И снова, полная светлых надежд и устремлений, она рванула вперёд, что послужило одной из причин нашего с ней разрыва в последние дни июня: не найти во всём мире более праведного человека, чем бывший нарк, и нет человека, не упускающего ни малейшего повода, чтобы не прочесть эти чёртовы нотации, чем Джанис в период между погружениями, вот таким я получила то лето.

10

Итак, мы жили вдали друг от друга, страшно сказать: целых три месяца. Не счесть звонков, которые она делала из каждого города, каждой, хоть крошечной, в пять минут, остановки в пути. Грубоватый виски–пропитанный голос преодолевал сотни миль проводов, чтобы в тысячный раз найти поддержку или услышать совет, встречаемый неизменным молчанием. Один раз даже (звонила она из Луисвилля) звонила, чтобы я помогла ей с одной глупой юной цыпочкой, которую она подцепила, привела к себе в номер, а потом не знала, как от неё избавиться. Я всё лето терзалась, страдала, думала о ней, скучала, а временами, утратившая её любовь, я превращалась в сплошную ноющую боль. И как если бы этого мало было Богу, моё истерзанное сердце душила ещё одна проблема. Имя ей — Ким Чаппелл; пятый год эта, в прямом смысле болезненная, любовная связь сопровождалась бесконечными ссорами, драками и сломанными рёбрами — я исчезала для Ким, проводя время с Джанис.

Но вот в сентябре я по делам еду в Сан—Диего забрать там сотню килограмм травы для одного моего друга, чтобы отвезти ему её в Сан–Франциско. Ничего нового, я уже и прежде ездила так несколько раз. Хорошо зная меня, торговцы доверяли мне. А с тех пор как у меня появился магазинчик, они были и вовсе уверены, что я не соскочу никуда с Хайт—Ашбери с их деньгами. Но для меня главное, что такие путешествия были каждый раз возбуждающими, они щекотали нервы: я представляла себя резидентом какой–нибудь иностранной разведки, перевозя в багажнике моего Шелби целый центнер марихуаны. На фоне денег, которые я имела на своём бутике, та капуста, которую я получала от этих парней, была просто не видна. И я посчитала в этот раз, что имею полное право по дороге в Сан—Диего задержаться в Лос–Анжелесе дня на три–четыре, так как слышала, что Джанис как раз в это время там писалась, ведь не видела я её уже более двух месяцев.

11

Мои надежды провести с ней хоть пару минут слились в

сточную канаву в первые же двенадцать часов моего пребывания в Лос–Анжелесе. Во–первых, я направилась в лесбийский клуб на Мелроуз–авеню, Вакханки-70, где подцепила одну хорошенькую девятнадцатилетнюю цыпочку по имени Дебби Нюцифаро и провела с ней остаток вечера, а ранним утром в субботу двенадцатого я сдержала слово и завершила свои дела с килограммами. Вернулась в Сан–Франциско я уже поздно ночью в воскресенье, и с Джанис мне удалось повидаться только мельком, не боле часу.

Пару дней спустя она мне позвонила и разразилась бранью в мой адрес, я, мол, виновата, что мы виделись так недолго. Проговорили уйму времени, призналась, что полная дура, что увлеклась Крисом Кристоферсоном и забыла обо мне. А ведь тогда мы обе замутили с ним.

— Солнышко, ну, ради бога, — сказала она. — Ни ты, ни я не видели его всё лето. Он не стоит нашего внимания. Вокруг него и без нас вьётся много цыпочек. И уж точно не такого как он, ты хотела бы увидеть, возвращаясь домой. Ну, и разве стоит терзать наши сердца из–за этого сукина сына? Я влюбилась в него. Ты влюбилась в него. Но ни ты, ни я никогда не собирались связать с ним свою жизнь, вот как я всё это вижу.

Мы расстались на том, что назначили свидание в Лос–Анжелесе через пару недель. И вот я здесь, снова с Джанис, и всё сначала, как три года назад.

*

На последней стадии жаркого, всеобъемлющего, содрогающего всё тело оргазма, что даёт тебе героин, и что до сих пор чувствую я на своём теле, это её поцелуи. Начиная с лёгкого прикосновения к моим губам. Затем погружаясь глубоко языком. Затем — мочку уха, следом извилины ушной раковины. Её рот необъятен и всегда такой горячий и влажный. Её поцелуи безграничны. Но описать я их не в силах, единственное, что могу вспомнить, это одно бесконечное наслаждение, и что мне всё время чудилось, что однажды она заглотит меня всю.

12

Но она на этом не останавливается. Переходит к ключице, затем ещё ниже, приостанавливаясь через каждые шесть дюймов. Едва сдерживаюсь, а она, словно задалась целью отправить меня за точку возврата.

Минутку, куколка моя, думаю я. Всё хорошо и полное расслабление и, похоже, всё станет как прежде. За одним исключением. Жени ведёт.

Мы никогда не настаивали в наших любовных играх на определённых ролях, но признавали за мной право быть

инициатором — и по некоторым соображениям я не хотела в наших отношениях что–то менять. И я сгребла её — она была как пушинка — и положила её поверх себя. От удовольствия она даже взвизгнула. Она любила быть сверху, с ума сходила, если чувствовала, что ты собираешься поступить с ней грубо. Казалось, она хотела, чтобы ей причинили боль, изнасиловали. Не удивляйся, но это с её стороны лишь притворство, помню, раз один парень попытался с ней проделать такое, видели бы, как её всё это взбесило!

Затем она захихикала, её было не остановить, превратилось в дикое гоготание, в какое–то истерическое мычание и вопли.

— Уууууу–ууууу, солнышко моё. Не останавливайся, сделай это для меня!

Я никогда не тратила времени на прелюдии. Я брала её сразу, и она начинала бешено вертеться, что делало почти невозможным контролировать действия моего языка, губ и зубов, а я безумно боялась причинить ей боль. Тогда она начинала скулить, как какое–то дикое животное. Умоляла меня остановиться, и я откатывалась от неё, обдаваемая жаром её дыхания и давая волю её неземному пронзительному воплю.

2

13

Накануне вечером мы тоже оставались одни, но Джанис вела себя скромно, будто боясь своей реакции. Нам обеим было трудно осознавать, что снова оказались наедине так близко. В этот же вечер за исключением нескольких минут неловкости, это была прежняя Жени, которую я знала раньше. Не то чтобы совсем, но достаточно, чтобы узнать её, в надежде, что она выразит желание восстановить связь, от которой мы обе уже успели отвыкнуть, и что время только пошло нам на пользу, как выдержанному вину.

Накануне всё прошло как–то механически.

— Будешь? — спросила она меня.

— Да, — ответила я, даже не подумав насколько всё это иронично, ведь совсем ещё недавно я выслушивала от Джанис благочестивые нотации, от той, которая сама познакомила меня с героином, и вот теперь снова подсаживает меня на смак.

На следующий день было воскресенье, двадцать седьмое, и мы проснулись около трёх пополудни. Снова немного покувыркавшись и выпустив все девять футов, завтракать мы отправились к Голодному Тигру. Джанис он нравился из–за того, что там не было ни единого окна.

— Тебе понравится там, — уверила она меня, — особенно днём.

Там стояла всё время ночь, время, которое она любила более всего.

14

Затем, покружив по городу в её машине, мы зашли в бистро у Барни, жалкое, расцвеченное фонариками местечко с дурной едой, типичное скорее для района Миссисипи, одно из самых постыдных вонючих нор, где обитали поп–рок тусовщики, записывающиеся музыканты, их жёны и подружки, и бесконечные, вездесущие и надоедливые их обожатели. Ты бы никогда не пригласила туда никого, даже если бы он был ранен на голову, несмотря на то, что находилось оно в самом сердце Западного Голливуда совсем рядом с бульваром Ла—Сьена. Там мы и осели, и пили до двух ночи. Джанис уничтожила добрую часть кварты текилы (обычное её количество за день), с меня же было достаточно одной коки (хотя чуть–чуть пригубила и ликёра). До самолёта ещё оставалась уйма времени.

В один момент, помню, около полуночи, Джанис зацепилась языками с одним парнем, сидящим у стойки бара. Он пересел к нам за столик, и она не упустила возможности подразнить меня,

выдавая себя за мою мать.

— Солнышко, я всего–лишь дурачилась. На самом деле безумно хочу тебя, родная моя. Хотелось чуть–чуть тебя подразнить, и всё.

На обратном пути в Лендмарк (а мои руки так и тянулись её обнять, а губы поцеловать, прямо в машине) её поведение начало меня несколько сковывать. Я чувствовала неловкость всю дорогу вплоть до дверей нашего номера, но и она испытывала схожие ощущения — что–то вроде пространственной дезориентации.

Но как только за нами захлопнулась дверь, вся неловкость испарилась, как если бы её и вовсе не было, и прежняя сила вновь притянула меня к ней. Нырнув в один из своих саквояжей, она выудила оттуда небольшой пакетик смака и крышечку от пепси, такую, знаешь, металлическую с винтовой нарезкой, вокруг которой она из проволоки сделала подобие ручки. И уже повернувшись ко мне, на её лице сияла радостная улыбка.

— У–у–у, солнышко, — говорила её улыбка. — Сейчас мы с тобой подкрепимся, и ещё кое–чем займёмся. Кое–чем почти неописуемым.

15

Она никому не позволяла себя колоть. Даже мне. Но всегда настаивала на том, чтобы ей самой сделать это мне, впрыснуть эту дрянь в мою вену. Что–то сексуальное было в том, как она колола себя, и тревожное, но скорее, волнительное, когда она проделывала это со мной. Любящее, заботливое, хотя по её стремительности, позе, выражению лица, можно было бы сказать, что игла в её руках, входящая в моё тело, напоминала больше не только некое подобие мужского пениса, но и смертельное, разрушающее всё на своём пути оружие.

Обычно я была первой, она любила наблюдать за моей реакцией. Но в этот раз она изменила своим правилам, и не стала устраивать любимую свою прелюдию игры. На крошечный пузырёк из–под глазных капель насадила иглу и зачерпнула ложкой немного порошка, налив чуть–чуть воды из бутылки. Для меня она всегда делала отдельно, особенно если мы собирались покувыркаться. Она подходила к этому настолько серьёзно, как если бы готовила себя (и меня тоже) к ответственному концерту или выступлению.

Когда жидкость начала пузыриться, она через лоскуток с палец величиной хлопчатобумажной ткани (заменяющий фильтр) наполнила этот импровизированный шприц. На минутку отложив его, внимательно посмотрела на меня, и с губ её соскользнула незаметная усмешка. Затем несколько раз сжала пальцы в кулак, поёрзала на стуле, несколько раз потопала ногами и развязала

тонкий шёлковый поясок, который часто повязывала поверх локтя. Да, это была моя прежняя Жени, могу уверить тебя. Множество раз она разыгрывала передо мной эту сцену, и каждый раз меня от этого голова шла кругом. У неё в такие моменты было такое выражение лица, какое бывает, когда тебя собирается трахнуть кто–то, кого ты ужасно хочешь. Вот такими вещами она увлекалась. Казалось, она трахает саму себя. Настолько игла в её руках оживала, будто это было то самое, что делает мужчину мужчиной.

Как только она вытащила из себя иглу, началась обычная для неё в таких случаях муть. Сначала она вела себя, как если бы меня рядом совсем не было, я ждала, умирая от желания присоединиться к ней. Но вот она взглянула на меня и улыбнулась. И я поняла, что она хочет меня.

— Солнышко, разве ты не хочешь, чтобы мы чем–нибудь занялись?

Я промолчала.

— Ну же, солнышко. Ты-ы, и не-е хочешь?

— Ну, конечно же, хочу, — произнесла я, стараясь не нарушить с–таким–трудом–выстраиваемую цепочку, начало которой уже было положено, или спугнуть её слишком разыгравшимся моим желанием.

— Давай, солнышко, теперь твоя очередь.

Она насыпала героина (примерно вполовину меньше своей порции), вскипятила в крышечке, наполнила пипетку и медленно направилась ко мне. И положила её на один из столиков. Взяв мою руку, потёрла её и, немного пошлёпав, впилась ногтями рядом с двумя шрамами чуть поверх моего локтя, от чего это пятно безобразно потемнело и расползлось почти на три дюйма. Так что теперь даже в увеличительное стекло их бы я не нашла.

Обняв меня, поцеловала в щёку.

— Солнышко, ты готова? — спросила она меня, отстраняясь, оттягивая момент и дразня меня изо всех сил.

— Ты готова, моё солнышко?

— Да, родная, готова. Совершенно готова.

17

Она была артистом, виртуозом иглы. Никогда не промахнётся. Ну вот она и во мне, и лицо Джанис расплывается в довольной улыбке, видя как кровь заполняет объём пипетки. Верный признак. И я чувствую эту нежную молнию, бегущую по моим венам, сливаясь в одну огромную оргазмическую (затрудняюсь подобрать подходящее слово) волну, достигающую самых дальних уголков моего тела.

*

Скоро уже два часа, как я с ней. Наши любовные игры с Джанис (либо почти мертвецки пьяной, либо сильно нагруженной), продолжаются всю ночь. Но действие героина постепенно выветривается и мне приходится её немного подкачивать. Стоны, вздохи и другие неподдающиеся описанию любовные мотивы, но вот она начинает извиваться и подходит к финалу. Это как в опере, её сознание, как натянутые Матерью— Природой струны, начинает вибрировать от кончиков ногтей, готовясь вырваться из объятий постели, на которой она лежит. Получилось и в этот раз, вплетаясь, ввинчиваясь в финальной сцене, её тело свесилось с кровати, а длинный вьющиеся волосы волнами разметались по ковру.

Когда всё кончилось, я подняла её и, любовно уложив её голову на подушку, нежно поцеловала в ослабевшие губы. Тебе может покажется это наигранным, театральным. Но это не так. Всё с более продолжительными интервалами её тело пронизывали любовные вздрагивания, передающиеся в мою лежащую на её груди руку. Через ладонь, повторяющую её любимые мною формы.

К нам вернулось то взаимопонимание, то единение, которое мы испытывали друг к другу прежде. На этот раз её чувство ко мне, лежащей рядом и обнимающей её как родное дитя, пока она, повернув голову в строну ящика, смотрела какой–то старый чёрно–белый фильм, какие обычно показывают поздней ночью, это чувство не дикое, не необузданное, как прежде. Но затмило оно предыдущий день, озарив любовью воскресный вечер. Всё стало как прежде. Мы снова вместе…

18

Успела сказать, что люблю её, и провалилась в сон — выдохлась полностью. Обычно, когда Джанис под кайфом и после оргазма, она тоже засыпает, но не в этот раз. На то была причина. Движения её губ и языка вырвали меня из сумерек и швырнули меня в область блаженства. Сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее. Нет. Не в её характере. Только утром она призналась мне, что ей вдруг нестерпимо захотелось попытаться проделать такое же со мной. Она знала, что мне нравится, и хотела, чтобы я испытала не меньшее чем она. Но я всегда стремилась быть ведущей, активной стороной, и всегда уходила уйма времени и сил, чтобы привести её к финишу. И я была уже почти в бессознательном состоянии, полностью физически выдохшейся. Я старалась вернуться, но сил пробудить себя у меня не было.

Внезапно она остановилась, подняла голову и, взглянув на меня, нахмурилась.

— Чёрт возьми, — выпалила она. — Я не собираюсь просто

так трудиться над тобой, если ты не хочешь сама постараться помочь мне!

С трудом я приоткрыла один глаз.

— Ты, мать твою, в отключке, и я только зря теряю время, — произнесла она раздражённо.

Я настолько выложилась, что до меня не дошла вся горечь произнесённых ею слов. И хотя я и продолжала лежать без движений, но всё же почувствовала, как она стала растирать мои руки, ноги и плечи, делая мне успокаивающий массаж. Вспышка её гнева прошла, а я, почувствовав, как ко мне вернулись силы, приподнялась и, обвив руками, уложила её, почти уже спящую, на себя…

И лучшего мы не могли сделать. Прошло совсем немного времени, как мы вернулись к тому с чего всё началось, а именно — нам обеим вскружил голову этот Крис Кристоферсон, сделав нас на время соперницами. К тому же, мне тогда было всего тридцать, а ей двадцать семь. Мы обе был в капкане, сидели на смаке, но никогда мы так себя лучше не чувствовали. Странное действие оказывал героин на Джанис. Когда я впервые встретила её, это была печальная, потерянная, довольно полноватая девушка с испещрённым рубцами лицом, теперь же она сильно изменилась. Героин сжёг излишки жира в её теле. Теперь она была при деньгах — делая тысяч 300, а то и больше, в год, — и покупала себе всё, что хотела. Не преувеличиваю — она заметно похорошела. Не знаю, то ли это от похудения разгладились рубцы на коже её лица, то ли это героин каким–то фантастическим способом сделал это с ней, но, могу уверить тебя, цвет лица её улучшился. Совершенно точно, но многие старые рубцы исчезли совершенно.

Одно нам обеим стало ясно: наступает время нашего с ней обновления, мы счастливы, с радостью смотрим в будущее, а главное, снова вместе. И, в дополнение ко всему, неожиданная новость. Невероятное стечение обстоятельств привело к тому, что Джанис познакомилась с одни молодым человеком по имени Сет Морган и тут же повелась.

Дело в том, что именно его я приберегала для себя. К тому же мне рассказали, что с Джанис он закрутил ради её денег. Мордашка его была так себе, но в нём было определённо много мужественности. Я уже разглядела его со всех сторон и впечатлена особенно не была, но ей он нравился, более того, думаю, даже влюбилась. Дошло до того, что они расписались, но вскорости развелись, и надо отдать ему должное, имущественных претензий к ней у него не было. В те выходные, о которых я сейчас пишу, до которых мы не виделись почти три месяца, она

как раз и рассказала мне, что только что вышла замуж. (И месяца не прошло с их знакомства!) Но она тут же уверила меня, что это никак не может повлиять на нас, если мы хотим продолжить наши отношения. Даже предложила, что на будущей неделе мы могли бы «побыть вместе», Сет со дня на день должен был быть уже в Лос–Анжелесе.

— Было бы неплохо покувыркаться вместе, а? Нам всем втроём? — бросила Джанис.

Я была представлена формально, если этим словом можно описать, что произошло где–то ближе к концу той недели. Так как не прошло и трёх дней, как наше «побыть вместе» состоялось. Как я понимаю, они уже успели переговорить об этом по телефону, и Сет с радостью согласился. Он, как и я, тоже прежде уже положил на меня взгляд, и эта комбинация обещала быть интересной.

20

Мы светились счастьем, медленно погружаясь в сон. Уверена, были бы сотни, может быть, тысячи рассветов, такие как тот, нежно проникающий своими лучиками сквозь шторы в нашу комнату. Скажешь, нет? Почему? Кто мог бы описать, сколько радости доставили мы тогда друг другу?

«If it feels good, do it» — таков у Джанис был девиз.

Вот тут–то и оно.

Разве кто–нибудь мог предположить, разве кто–нибудь мог подумать о ней, такой цветущей, молодой, что не пройдёт и недели, как Жени не станет?

3

21

Когда мы все проснулись, близился уже вечер понедельника, двадцать восьмого. Такой счастливой Джанис я давно не видела. Помимо того, что выходные прошли под знаком нашего с ней воссоединения и нетерпеливого ожидания приезда Сета, удачно проходила запись. Как всё это так непохоже на прошлые годы, когда она оставалась пришибленной и скептически относящейся к своей всё возрастающей известности! Весь прошедший год она с недоверием вчитывалась в восторженные слова, написанные в её адрес в многочисленных критических статьях и обзорах. В начале 1969 года она попала на обложку Ньюсуик, и с этого момента она стала испытывать неодолимую потребность в комплементах, разговорах о себе, и о том, что делает, и о том, хорошо ли у неё это получается, казалось, кривая желания взвивалась ввысь в парадоксальном соответствии с ростом её популярности и успеха.

Но в действительности меня мало интересовали её разговоры про её новую пластинку, так как мы проводили всё свободное время, кувыркаясь в постели, вплоть до тех минут, как ей уже нужно было бежать на студию.

22

— Она, мать твою, думаю, будет лучшей, — говорила она, лёжа рядом со мной и уходя в себя, не замечая жужжащего уже давно пустого экрана телевизора. — Со мной никогда ещё не было таких как Full Tilt Boogie. Они, как единое целое, солнышко. Не поверишь, что этот, мать его, Кларк Пирсон вытворяет для меня на своих барабанах! Я нашла его в стрип–баре. Бум, у-ум, ба-а. Сногсшибательно. Да, и все остальные тоже. Слушай, подруга, они каждую секунду подстёгивают меня, пока я на сцене. Старшему Брату до них, плыть и плыть. Мне они нравились, но, чёрт возьми, им никак было не сыграться. А Squeeze… Дерьмо. Просто беда какая–то. Тебе, солнышко, обязательно надо прийти на репетицию послушать их. Я познакомлю тебя со своим новым продюсером, Полом Ротшильдом. Он — великолепен. Может быть даже, тебе захочется с ним переспать. Освободи на этой неделькe хоть один день. Не пожалеешь.

Я сказала, что постараюсь, и мы стали одеваться, ещё сказала, что уверена — на этот раз она совершенно права, и Pearl станет её лучшей пластинкой, что критики будут в восторге и что ещё важнее — она будет хорошо продаваться. Пока мы спускались к её машине, я не могла отвести от неё глаз. За последний год она сильно похорошела. По крайней мере, для меня. Стоило мне

взглянуть на один из её многочисленных облегающих её фигуру бархатных жилетиков и влитых брюк, на эти её сумасшедшие шарфы или меховые боа, накинутые на её плечи, как меня снова и снова захлёстывала горячая волна любви.

— Солнышко, мне очень тебя не хватало, — сказала она в ту субботу. — Ты даже не представляешь как, мать твою.

Медленно вырулив на авеню, она разогнала свой ярко раскрашенный Порш по направлению к Коламбии–Рекордс, и эти её слова всю дорогу пульсировали в моей голове. И всё же, даже в такой момент я думала про другую. Другую девушку. С которой провела всего час в каком–то далёком мотеле. С которой прокувыркалась не менее дюжины раз за те молниеносно пронёсшиеся дни, пока Джанис куда–то исчезла. Цыпочка, с которой я проводила время, пока я не потребовалась Джанис.

23

Я встретила Дебби Нюцифаро в Вакханках-70 в те выходные, когда мельком виделась с Джанис в Лос–Анжелесе, играющую на барабанах в одной из женских рок–групп, которые имели обыкновение выступать там. Несмотря на мою давнишнюю привязанность к Жени (мы долго не виделись до того дня) и мои извилистые (хотя и не сбрасываемые с рук) отношения с Ким Чаппелл, я в мановение ока была ею очарована. Дебби была чертовски привлекательна, и ты бы видела, как сексуально она молотила по своим тарелкам и обтянутым кожей барабанам!

С помощью одного знакомого из этого бара меня с ней познакомили, и через секунду стало очевидно, что я понравилась Дебби, также как и она мне. Выяснилось, что у нас много общего, ну хотя бы то, что она тоже из обеспеченной семьи (её отец преуспевающий коммерсант в Саузенд—Оукс), а в мои тридцать я старше её на одиннадцать лет. И в нежном, девятнадцатилетнем возрасте она уже успела полностью посвятить себя своим лесбийским наклонностям. Дерзкая, загорелая — типичная калифорнийка, и хорошенькая вопреки всем.

Мы уединились в тот же вечер, сразу после того как открылось, что она так же как и я сидит на смаке. Чуть позже мы уже были в постели дома у одной из её многочисленных подружек, у той, у которой ночевала чаще всех. На следующий день она пригласила меня на свой день рождения, ведь девятнадцать лет бывает один раз в жизни. Это ещё более сблизило нас — ведь мы и родились в один день. Двенадцатого сентября.

То были удивительные выходные, несмотря на то, что наш поставщик кинул нас, а свидание с Джанис не состоялось. Когда же две недели спустя я вернулась в Лос–Анжелес, и хотя уже

близился второй час ночи двадцать шестого, я стремглав понеслась в Вакханки-70, сгораемая желанием увидеть Дебби, но клуб был закрыт, и мы разминулись. Но назавтра, после всех описанных выше субботних событий в гостинице (помнишь, я же рассказывала, как сняла номер, затем встретив Жени, переехала к ней), я позвонила Дебби.

24

В понедельник, сразу после телефонного звонка, я помчалась на квартиру очередной её подруги с желанием забрать её оттуда. К счастью она была ещё там и, по пути, заправившись мороженым в Баскин–Роббинсе и приобретя пару пластинок, мы подрулили к Пет–Бойз выбрать новый чехольчик для руля моей Шелби с открытым верхом. Мы сняли номер в Шато–Мармон, что на Сансет–стрип, пыхнули, покувыркались, затем, перекусив, помчались в Вакханки-70, чтобы засесть там на весь вечер.

На следующий день, это был вторник, уже без Дебби я бесцельно кружила по городу, когда у Лендмарка на его парковке заметила машину Джанис. Ты бы ни за что не спутала её ни с какой другой. Её Порш был подобен цветным спагетти туго переплетённым в тесной прозрачной упаковке, самых невообразимых цветов. Нашла я её у бассейна на ней был купальный костюм, но сама она, по–видимому была сильно нагружена. Забавно, но мы обе всегда беспокоились друг о друге, не переусердствовала ли каждая. Перебросившись парой колких замечаний в адрес нескольких групиз, сидящих на противоположной стороне бассейна и бесцеремонно разглядывающих Джанис, я вдруг выпалила:

— Знаешь, куколка, прошу тебя быть поосторожнее с этим дерьмом. Мне бы не хотелось, чтобы ты снова подсела на иглу. Не хочу, чтобы с тобой произошло то же, что с Джими.

Две недели назад, в Лондоне, умер Хендрикс, и поговаривали — передозировка. Но Жени только рассмеялась. Но убедившись, что я не вижу в этом ничего смешного, она посерьёзнела.

— Солнышко, — произнесла она, не предполагая, что следующие её слова принесут скоро всем нестерпимую боль несправедливостью своей детской логики, — разве ты не понимаешь, теперь меньше чем когда–либо тебе стоит беспокоиться? Смерть Джими от передозировки сослужила уроком мне соскочить. Разве не так?

Весь день она была сама не своя, но грустные мысли, навеянные смертью Джими, постепенно ушли, вытесненные её сильным духом.

— Слушай, я сочинила новую песню, и тебе обязательно нужно её послушать. Я назвала её Mercedes Benz.

И, не взяв в руки дорогущую Хаммингбёрд, купленную ею для себя накануне нашего расставания, она встала с шезлонга и запела.

25

Где–то на середине я заметила, что она не отрываясь смотрит на меня и ждёт, что я скажу, а я стояла буквально на краю бассейна всего в трёх футах от неё. Мне всегда нужно было послушать несколько раз то, что она писала или пела, прежде чем ответить ей. В противоположность мне для неё ожидание сравнимо смерти, и мой приговор Жени хотела слышать немедленно. Это нас всегда веселило, и было между нами вечным предметом шуток. Мысленно она подгоняла, готова была клещами вытаскивать из меня, и бесилась моему сопротивлению. Мы обе знали, что каждая из нас в такие моменты на взводе, так и в этот раз мы не удержались, чтобы не рассмеяться — вот стоим мы друг напротив друга, а она продолжает петь.

Она замолкла, а я, не проронив ни слова, продолжаю стоять почти вплотную к ней.

— Ну–у–у? — нетерпеливо воскликнула она, скорчив гримасу в лучших традициях У. К. Филдса.

Я не удержалась, и меня прорвало, я рассмеялась до слёз, но для неё это было уже слишком. Придвинувшись ещё ближе ко мне, она вскричала:

— Нет, разве нет!?

Она дико рассмеялась, сверкнув глазами, и со всей силы толкнула меня в бассейн.

— Почему ты не захватила с собой купальник? — услышала я, прежде чем грохнуться в воду. На мне были джинсы и маленький облегающий зелёный хлопчатобумажный свитерок. Я вынырнула, смахивая с лица воду.

— Тебе никогда не утонуть, — взвыла Джанис, давясь от смеха. — Утонуть тебе не дадут твои громадные сиськи! Они всегда удержат тебя на поверхности, ха–ха!

Я рассмеялась.

— Обернись, — сказала Джанис, указывая в сторону групиз. — Покажи этим глупым сучкам там, как умеют плавать твои сиськи.

Моя мимолётная вспышка гнева тут же улетучилась, и я сделала то, о чём просила Джанис. Я сделала глубокий вдох, нырнула и выгнула спину, так чтобы на поверхности остались видны только сиськи.

— Вы видели, вы видели, — сказала Джанис в воздух. — Её сиськи как крылья на воде.

26

— Надеюсь, твоя душенька довольна, — произнесла я, выбираясь из бассейна и морально готовясь к длительному процессу сушки моей мокрой одежды в лучах сентябрьского калифорнийского солнца.

— Солнышке следует пройти в раздевалку и феном высушить и уложить свои чудные волосики, — ласково произнесла Джанис.

— Зачем? — удивилась я.

— У тебя не так много времени, солнышко, вот зачем, — сказала она, посмотрев на часы. — Через два часа тебе предстоит встреча с Сетом. Он прилетает в Лос–Анжелес четырёхчасовым самолётом.

И она принялась расхваливать Сета, а я, о чём я тогда думала, да о том, как сказать Джанис насколько сильно я люблю её. Всё в Сете меня беспокоило. А более всего, что его присутствие может повредить нашей с ней с новой силой проявившейся связи, нет, не подумай, не полностью или навсегда, но может нанести ощутимый удар по нам обеим.

— Тебе он, что, так нужен? — услышала я свой голос.

— Да, солнышко, — восприняла она этот вопрос, как нечто конструктивное.

— Время покажет, как ты неправа, — произнесла я в пустоту. Джанис даже не услышала их. Её глаза оторвались от маленького клочка бумаги, и взгляд устремился куда–то вдаль, поверх глади бассейна.

— Знаешь, Пегги, что он делает со мной? Начинают происходить какие–то странные вещи. Каждый раз, когда оргазм вот–вот наступит, он отстраняется и с силой шлёпает меня по заднице, и скажу тебе, очень чувствительно.

Вспоминая, она вся задрожала.

— И, мой дружок, — добавила она, — я затрудняюсь описать тебе, как мне хорошо становится после этого.

*

Сет уже был там, когда в шесть я вошла в её номер. У меня произошёл неприятный разговор с Дебби, когда я вернулась в Шато—Мармон переодеться в сухие джинсы и блузку, но только клятвенное обещание, что в конце недели обязательно познакомлю её с Джанис и заеду за ней в Вакханки-70 чуть позже, её немного успокоило, и она временно сменила гнев на милость. Прошло менее недели нашего знакомства, и она уже проявляла вспышки несдерживаемой ничем ревности. Джанис, напротив, была не из тех, кто проявляет такого рода чувства, и воспринимала мои исчезновения, как само собой разумеющееся.

27

— Солнышко, у кого ты так долго задержалась? — спросила

она в тот день.

— У одной подруги.

И услышав такие простые слова, она не стала меня дольше расспрашивать.

Но должна тебе сказать, что этот ответ её сильно задел, точно так же как и мои отношения с Кимми всегда были источником её плохого настроения. И меня снова начинают терзать дурные сомнения, не повредит ли моя связь с Дебби заново родившейся любви между мной и Жени. И вот в такой момент она меня знакомит с Сетом.

Одну из стен номера занимала крошечная кухонька, и она варила крепкий куриный бульон с лапшой, пока я оценивала размеры её нового любовника. Она как всегда была увлечена своей стряпнёй (она считала, что накормить своих близких друзей — её самая главная забота, и по–матерински отлично справлялась с этим), а Сет тем временем втирал мне, что прилетел в Лос–Анжелес с единственной целью — встретиться с местными дельцами насчёт крупной партии марихуаны. Я не знала верить ему в этом или нет. У него была репутация среди знакомых мне людей, которые его хорошо знали, патологического лжеца. Одно, о чём он всегда упоминал в разговоре со всеми, и что было достаточно трудно проглотить, это то, что у него в Восточной Европе остались очень состоятельные родители. И что когда, через три года ему будет двадцать пять, он станет совладельцем такого капитала, который позволит ему не работать всю оставшуюся жизнь.

«Вот заливает, — думала я, — каков подлец. Да, ещё, чёрт, он, возможно, и ревнивец! Так, узнаю, что он учился в Беркли, ага, так вот почему у него не закрывается рот! А Джанис, похоже, верит всему, о чём он трещит, ну, поверю, да, он не урод, он, как и Джанис, любит выпить, а она, тоже хороша, горит идеей устроить ночь на троих в полном смысле этих слов».

— О! Он так меня заводит! — говорила она, лёжа рядом со мной в постели в прошедшее воскресенье. — В этом он почти такой же как и ты.

Тогда она меня этим рассмешила, ведь в её устах это звучало не пренебрежением — ей хотелось сделать мне комплемент.

— Да, и он отличный любовник.

Я почувствовала вибрации, направленные в мою сторону, очевидно до моего появления они уже снова обговаривали идею «побыть вместе». Он буквально пожирал меня глазами, не в силах оторвать взгляда от моих сисек, пока Джанис была занята куриным бульоном для нас. В какой–то момент она обернулась, я

уже прежде видела этот её взгляд, когда какой–нибудь из её семнадцатилетних блондинчиков–студентов, которых она цепляла на улице, при ней пялился на меня, хорошо помню, как сверкали гневом её глаза. Но не забывай, она — лесби, и что–то бубня себе под нос, она с энтузиазмом начала проговаривать тему вечера, ведь это она решила, что он должен стать для нас всех троих началом незабываемой недели, проведённой в постели. Приближалась пятница, время осуществления её планов. Мы договорились встретиться ближе к полуночи в её номере, но если она будет не успевать вернуться с записи к этому времени, то мы должны её дождаться. Она уверила нас, что постарается вернуться не позднее часа ночи. А если обстоятельства её всё–таки задержат, тут у неё вырвался её высокий, гортанный смешок, как лезвие клинка, вкладываемое в ножны, то чтобы мы накувыркались всласть до её появления.

Ничего особенного не происходило после того разговора. Мы с Дебби зависали в Вакханках-70 пока те не закрывались, как всегда, в два ночи. Так и в ту ночь на среду мы вернулись с ней в Шато—Мармон, где играли своими губками и пальчиками, пока не забрезжил рассвет, и небо на востоке не порозовело. Но Джордж, наш поставщик, снабдил нас каким–то слишком сильным и подозрительно несколько коричневатым смаком. Нас сильно зацепило в ту ночь, и мы надолго отключились.

Проснулись уже после полудня и, кое–как приведя себя в порядок, мы с Дебби не спеша позавтракали в одном из замечательных местечек, которых так много на Сансет–стрип — в Старом Свете, основанном ещё Джимом Бейкером и Лайлой Стюарт. С час мы болтались по магазинам, купив для Дебби новые джинсы и блузку в Хэд—Ист и у Фреда Сигала. Накануне Джанис напомнила мне, что я обещала познакомить её с своим «другом», с которым провожу так много времени, и мне не терпелось выполнить это обещание. Но, несмотря на то, что Дебби сама изъявила желание познакомиться с Джанис, её вдруг охватил страх, когда я сказала ей, что сейчас поедем в Лендмарк. Сказала, что она не может сразу ехать, что должна прежде заехать в Мармон «попудрить носик».

29

Джанис была в дурном расположении духа, когда мы приехали. Толком ничего ей не объяснив, Сет утром, когда они проснулись, сорвался и уехал в Сан–Франциско. Дела. Сказал только, что постарается вернуться к пятнице, на которую у нас было запланировано «побыть вместе», и Джанис была в депрессии и, что ещё хуже, одновременно озлоблена. Только два человека могли унять её сексуальный голод в такой момент, это Сет или я.

Но Сет был далеко, а я ночевала в другой гостинице.

Стоило Джанис взглянуть на Дебби, как тут же она всё поняла. Будто она уже всё видела глазами той мухи на потолке гостиничного номера в Мармоне, где мы с Дебби вели наши «подробные переговоры». Всего один взгляд и всё. С самой первой секунды она ни смотрела в её сторону, ни проронила и слова. За те полчаса, пока мы были у неё, ни одним намёком Джанис не дала понять, что с нами в комнате находится ещё Дебби, что она вообще существует на этом свете. К счастью мой «друг» была настолько нагружена, что не способна была понять, что происходит.

Пора было уходить. Джанис, похоже, сильно выложилась на записи, так что этот вечер пройдёт впустую. И как только подвернулся подходящий предлог, мы с Дебби ретировались. Немного покатались по Голливуду и решили сходить в кино. Шёл фильм про какого–то мелкого воришку, и как только в зале потушили свет, мы взялись за руки, как две школьницы. Фильм оказался полным говном, и, не досмотрев и половины, мы ушли. Нам вдруг нестерпимо захотелось вернуться в гостиницу, скинуть с себя одежду и покувыркаться.

30

Ты можешь подумать, что всё это для нас будет хорошим уроком, и что мы впредь уменьшим количество употребляемого нами смака, чем то, каким мы подкрепились по возвращении. Глубоко ошибаешься, и минуты не прошло, как иглы воткнулись в наши руки и мы обе неуклюже сползли на ковёр, голые и бессознательные, как две безымянные, брошенные в угол сломанные куклы–марионетки.

По пути из кино, мне вспомнилась история, рассказанная мне Джанис. Также как и герой в фильме, Джанис какое–то время была нищей бродяжкой. И ни Парка–авеню, ни Уолл–стрит, ни какого–нибудь толстосума. Раздражённая, грязная, торчащая на метедрине, потерянная где–то на улицах Сан–Франциско начала шестидесятых Джанис заставила развернуться свою Судьбу лицом к себе и из уличной бродяжки превратилась в преуспевающего музыканта. Она старалась всю прошедшую неделю, но пользы это не принесло. По её словам, парни на улице посмеивались над ней или, в лучшем случае, проходили не взглянув, как если б была невидимкой. Она даже однажды решилась вернуться в Южный Техас, правда ненадолго. Всё это сейчас кажется невероятным, ведь она на вершине золотой горы.

Но тогда, размышляя над тем, как высоко ей удалось подняться, постепенно стали улетучиваться из моего сердца все те её жалобы и неудовольствия, обрушившиеся на меня

непрерывным потоком. Да, она одинока, не спорю. Но это не причина депрессии. Да, Сету срочно необходимо было вернуться в Сан–Франциско. Досадно, но это же не конец света. И сама она в порядке, сильна как бык. Да и запись занимает почти всё её время. А я здесь, в городе, если конечно она во мне нуждается, как я думаю, а Сет вернётся дня через два. И что могло бы меня особенно обеспокоить, ничего такого нет, поэтому я подгоняю машину на стоянку у Мармона, рядом со мной на переднем сиденье крошка Дебби, а её пальчики так и снуют по моему телу, и я думаю, неужели кроме Сета, или меня некому позаботиться о Джанис. У неё и так есть мы оба. Но вот как всё повернулось — ни Сета, ни меня не было рядом, когда всё кончилось.

4

31

Не поверишь, но почти год прошёл между тем днём, как впервые познакомилась я с Джанис и началом нашей связи. Однажды, это случилось в начале 1966 года, ко мне в мой магазинчик на углу Хайт и Ашбери в Сан–Франциско вбегает одна девушка с которой я жила уже почти месяц, Кимми Чаппелл, этакое восторженное ко всем жизненным проявлениям создание.

— Эй! — запыхавшись, кричит она мне. — Что ты делаешь сегодня вечером?

— Не знаю… У меня нет никаких пока планов…

— Вчера я увидела необыкновенную цыпочку, — прервала меня Кимми. — В Матрице. Знаешь, та, что в Марине. Её зовут Джанис Джоплин. Она поёт блюзы, и должна тебе сказать, у неё это здорово получается. Я никогда прежде не видела, чтобы белые так пели. Хочешь, пошли сегодня вместе?

— Не знаю… — заколебалась я. — У меня нет никаких планов на вечер, но что–то не очень хочется туда идти.

— Вот что я тебе скажу, милочка, — подбоченившись, сказала Кимми. — Почему бы нам не запастись травой, пыхнуть вдвоём и не пойти посмотреть на неё, а?

32

У меня действительно не было настроения никуда идти, но я была влюблена в Кимми, и, что за чёрт, если это сделает её ещё немного счастливее. Ей хотелось показать мне эту Джанис Джоплин. Очень хотелось. Ну, так я и пойду. И я сказала, окей. Это маленькое словечко, часто приводящее людей к наркотической зависимости, окольными путями избавило меня от многих сотен тысяч долларов, почти стоило мне одного глаза и впутало нас с Кимми в муки и страдания, которые преследуют нас и по сей день.

Ничего не предвещало, что может последовать за этим вечером, ни тем более, что случится в следующие триста пятьдесят вечеров после этого. Кимми заехала за мной около восьми, и мы, быстро плотно перекусив, направились прямиком в Матрицу. Небольшое уютное местечко, расположенное неожиданно на самой окраине милого района Сан–Франциско, под названием Марина. Все четыре стены были обшиты деревянными панелями, из некрашеных широких досок. Мы заплатили по доллару и вошли внутрь.

Оглядевшись, мы сели за столик, за которым увидели кое–кого из знакомых, и даже не обратили внимания на девушку,

принявшую у нас заказ. Наши уши, как только мы вошли, и затем наши пары глаз приковала к себе невероятно эксцентричная и бедно одетая цыпочка, стоящая на возвышении и издающая какие–то первобытные звуки, несущиеся в нашу сторону с этой крошечной клубной сцены. Сразу за ней, не сравнимая ни по звучанию, ни по существу своему с никому ещё неизвестной, в самом начале своей карьеры Джанис, рок–группа Старший Брат и Держатели Акций мучилась в безуспешных попытках придать себе единое целое. Они очень старались, но как показало будущее, они просто не были готовы к коренастой, немного полноватой, домашнего вида молодой девушке, имя которой не было даже вписано в их афишу.

33

Мы сидели совсем рядом с ней, и мне удалось хорошенько рассмотреть это нечто среднее между человеческим образом и каким–то божьим созданием, которого ещё не открыли учёные и не занесли в свои каталоги. «Дикарка», — тогда я для себя решила. Одетая в стоптанные сандалии и джинсы, которые уже нельзя стирать, иначе они просто развалятся на части и их уже нельзя будет даже надеть, не то чтобы в них куда–нибудь пойти. На ней был истёртый до дыр кружевной пуловер, думаю, центов за восемьдесят купленный на Гудвил. Вокруг талии, как если бы нужно было отвлечь внимание от всего остального, был повязан в разноцветных разводах широкий мужской галстук. Что–то сырое, шероховатое было в ней, образ дополняла дикая, похожая на птичье гнездо, копна длинных беспорядочно спутанных волос. Весь вид показывал, что она прошла долгий путь. И если по одежде и её общему состоянию, нельзя было сказать сразу, что на её душе отпечатался весь поглощённый ею метедрин и алкоголь, то выдавал её голос. Как ей удавалось извлекать из себя устрашающие перекатывающиеся внутриутробные низкие звуки одновременно с высокими, сравнимыми с писком самых мелких животных, издаваемым в момент опасности. Ей было всего двадцать три, а голос, как у сломленного, побитого жизнью калеки.

*

Хочу заметить, что желание убежать оттуда, которые у меня вызвали бездарные омерзительные инструментальные номера Старшего Брата, сдерживалось только возможностью снова услышать её, настолько поразила меня сила её пения. А Джанис всем своим видом показывала уже, что пора выпускать на волю её голос, и дикий вопль снова снёс нам крышу.

Номер назывался Bye, Bye, Baby, Goodbye, и, ты же знаешь, как выкладывается она, когда поёт, и мы получили порцию

гортанных звуков рождающихся в самых недрах её тела, в её матке, в её кишках. В песне было всё: крушение надежд, плач, умопомешательство, всё, что испытывает каждый, когда любовь кончается.

За время их выступления она спела ещё несколько номеров — непрофессионально, без репетиций, но уже в неповторимой, уникальной, присущей только ей одной манере. Когда группа ушла на перерыв, она подошла и села за наш столик. С нами сидела Нэнси Гёрли, жена басиста Старшего Брата, Джеймса Гёрли, и объединяло нас полное единодушие, ладони наши покраснели, а особенно сильно хлопала Нэнси. Как выяснилось, Джанис во всём подрожала Нэнси, одежде, манерах, конечно, насколько могли позволить её скромные средства. Она пожирала глазами Нэнси, и Нэнси это знала, поэтому не удивительно, что Нэнси аплодировала громче всех. Кроме того, её муж был в группе, а сама — подругой Джанис. Но мы с Кимми внесли и свой посильный вклад признательности, и Джанис, вглядываясь сквозь расцвеченные цветными прожекторами слои дыма, плавающих над головами пятнадцати человек, не могла не заметить этого.

34

Ты бы никогда не поверила по её внешнему виду, что она только что затронула

самые глубины сознания, где рождается объяснение, или точнее, оправдание нашего существования, эта девушка, не замечая никого вокруг, пробирающаяся к нашему столику и весело приветствующая нас: «Привет, девочки».

Мы наперебой стали хвалить её Bye, Bye, Baby, Goodbye, чему она искренне была удивлена.

— В самом деле? Правда?

В её словах отчётливо слышалась неуверенность в себе, подтвердила, что совсем недавно стала петь с этой группой.

— Сколько тебе платят за выступление в таком маленьком месте как этот? — поинтересовалась я.

— Ну, двадцатку за вечер — на всех нас, на пятерых. Получается по четыре доллара на каждого — и в придачу бесплатное пиво.

То был вечер пятницы. Мы вернулись увидеть её и в субботу, и в воскресенье. Джанис поразило, что кто–то хотел послушать её три вечера подряд.

— Боже… это снова вы, девочки, — сказала она, подсев к нам в третий вечер. — Я так рада видеть вас каждый вечер. Прямо мои поклонницы. Настоящие мои поклонницы!

Потом, приподнявшись на каблуках и недолго помолчав, видимо, взвешивая, что только что сказала, расплылась в улыбке

и произнесла:

— Ясно как день, вы мои единственные поклонницы.

Она села и выпила с нами, а я тогда уверила её, что наступит день, когда она будет получать пятьдесят тысяч за выступление, делая ровно столько сколько здесь, в Матрице. Но мои слова восприняла она как что–то нереальное.

35

— Нет, — сказала она. — Никогда. Это не про меня, знаешь. Мне никогда не стать такой знаменитой.

— Давно ты стала петь блюзы? — спросила её Кимми.

— Ха, блюз у меня в крови, всю жизнь это настроение сопровождают меня. Я пробовала петь фолк, но у Джоан Баез это получается лучше. И думаю, там нет места ни для какой другой женщины.

Услышав имя Джоан Баез, Кимми взглянула на меня, понимающе улыбаясь. Будто говоря, «Джоан Баез, милочка. Она говорит о моей бывшей любовнице».

Я повернулась и увидела Мими Фаринью, младшую сестру Джоан Баез. По удивительному совпадению в этот вечер она пришла сюда тоже послушать Джанис.

Я и прежде слышала об этом от разных людей, но от Кимми — (также как, по крайней мере, от трёх других подруг или компаньонок Джоан), вот что со временем рассказала она мне: Кимми была любовницей Джоан Баез за год до встречи со мной. Не то чтоб это было новостью для меня, но из того, что я услышала от неё, оказалось, Кимми стала тем единственным ключом, открывшим Джоан дверь в бисексуальный мир. По рассказам многих они уже были любовницами уже некоторое время, когда Джоан увлеклась Бобом Диланом. Такой двухъярусный треугольник быстро повлёк за собой кучу проблем, потому что Кимми была и остаётся яростной собственницей. Так или иначе, Кимми ездила с Баез на гастроли по Восточным штатам, гастроли, в которых участвовал также и Дилан, там и разыгралась настоящая любовная баталия. Когда пыль осела (не без помощи ребят из группы Band), Джоан отослала Кимми домой в Кармел, где на пару снимали жильё. По возвращении с гастролей домой Джоан нашла Кимми в полном ауте. Кимми и до этого уже экспериментировала с кислотой, теперь же начала пить не просыхая, крушить автомобили и устраивать погромы всюду, куда бы ни ходила. Не без помощи матери Кимми и её отчима, преуспевающего кармельского ортодонта, Джоан засадила её в Ленгли—Портер, сан–францисскую психлечебницу.

36

Там её держали в изоляторе под замком, но месяца через три

стали отпускать на выходные домой. Прошла лучшая часть года, в течение которой Кимми начала встречаться с сыном Алистера Кука, Джоном, который позднее стал роуд–менеджером сначала Старшего Брата, а затем и самой Джанис. Кимми уже была знакома с Куком в начале шестидесятых, когда она, Джоан, Дилан, он и ещё несколько таких же как они, уже состоявшиеся фолк–музыканты, представляющие Кембридж, штат Массачусетс, в конце концов, осели в Сан–Франциско.

Таким образом, ирония, висящая в воздухе в тот вечер в Матрице в апреле 1966 года, оказалась толстая как слой парафина. Однажды, за два месяца этого контакта с Джанис Кимми зашла в мой магазинчик. К тому моменту она уже жила с Куком, но с первого взгляда мы с ней поняли, что созданы друг для друга, и, ясно стало, как Божий день, что что–то должно очень скоро поменяться в корне. Всё случилось даже быстрее, чем я могла предположить. Кимми, которой в Лэнгли—Портере дали справку, что она совершенно здорова, съехала от Кука… в маленькую квартирку, мою маленькую квартирку над моим магазином… даже не сказав ему, куда пошла. Не правда ли патетично? Кук вне себя, а Кимми скрывается от него, где? В моей квартире! В придачу с тех пор как мы с Куком были знакомы, он всегда приходил ко мне за утешением или советом. А тут он даже не знает, что мы с Кимми стали любовниками. Часами я с ним разбирала по косточкам его любовь, крушение его надежд, и ни разу, ни одним намёком не выдала мои с ней отношения. Когда же он, наконец, вдруг узнаёт, что это именно я забрала её у него (не приложив к этому ни грамма усилий с моей стороны), то объявляет мне молчаливую войну, которая ещё более усугубилась, когда я увлеклась Джанис.

37

Ничего не предвещало, да и думать даже я не могла о Джанис тогда, как о потенциальной любовнице. Мы с Кимми предавались щенячьему безрассудному счастью — наркотикам, взаимной любви, даже парней мы иногда вовлекали в наши игры. Мы избегали ситуаций один–на–двоих. Гораздо чаще, Кимми или я, уединялась в нашей спальне на Ашбери 635 с каким–нибудь студентиком, обычно это происходило днём, пока другая в гостиной смотрела телевизор, или готовила что–нибудь на кухне, или отправлялась в кислотное странствование. И потом, когда одна из нас, насытившись, выходила из спальни, а парень оставался лежать там, мечтая о своём, или покуривая сигаретку, или травку, то подходила к другой со словами, «Послушай, дружок, не бери в голову, он полный дурак». Или, наоборот, «Дорогая, если есть желание, зайди к нему. У этого джентльмена

из соседней комнаты его бархатное копьё словно подключено к электричеству».

Вот такое оно было, это начало 1966 года. Район Хайт вырос из безликой колонии из каких–нибудь двадцати уродцев до авангарда, который все скоро будут называть субкультурой. Остался год до того времени, когда глупых туристов начнут пачками привозить сюда на экскурсионных автобусах, крикливых, суетливых, обвешанных своими Кодаками. Но ты уже чувствовала пульс во всём, что происходило вокруг нас. Здесь зарождались новые музыкальные направления, новые формы выражения — находящимися ещё в бедственном положении новыми рок–группами, такими как Аэроплан Джефферсона, Благодарный Мертвец, Кантри Джо и Рыба, ищущих своих собственных путей, а так же и Старший Брат и Держатели Акций.

Джанис я почти не видела в том году. Однажды я пересеклась с ней в Панхендл–парке, где она выступала со Старшим Братом, да ещё в каких–то крошечных клубах, разбросанных по всему Сан–Франциско. Но чем чаще стали говорить о ней, тем реже мне удавалось её увидеть. Но всё же, Судьба нас сталкивала, и раз от раза наши встречи становились всё ярче. Однажды, примерно с месяц, как я увидела её впервые в Матрице, она забрела в мой магазинчик и, узнав меня, слова понеслись со скоростью миля в минуту. Но чем я могла помочь ей? Просто хотелось сделать ей что–нибудь приятное, она казалась такой потерянной, одинокой. Казалось, звук моего голоса ей был так же важен, как для другого сочный кусок мяса.

Не прерываясь, она рассказала мне, как тяжело достаётся ей в Старшем Брате, чёрная пахота, репетиции, поиск себя как солиста. Мне вспомнились разговоры некоторых моих подруг о ней, что они замечали что–то странное в её поведении. И тут она, приблизившись ко мне, взяла обе мои руки в свои. То ли придав особое значение этому, то ли для жеста, она отпустила одну из моих рук. Затем, вместо того, чтобы снова взять её, она легонько прикоснулась к ней и стала поглаживать мои пальцы.

38

У меня уже был прежде опыт со всякими женскими штучками, но что–то особенное удержало меня, чтобы не отстраниться, хотя… со стороны все эти её прикосновения, её поглаживания выглядели довольно фамильярно. Чувствовалось что–то девственно чистое во всём, что она делала. У меня и мысли такой не было, что она мне подходит. Я только подумала, ну, вот ещё один уродец, ещё одна маленькая хиппи, которая умирает от недостатка человеческого внимания. (В то время я носила строгие костюмы пек–н–пек или сшитые на заказ

небольшие итальянские шортики с обязательными туфельками на шпильках.)

Несомненно, Джанис была осведомлена уже о моих наклонностях. Как–то в том году она разговорилась с Питером Альбином, он тогда играл на гитаре в Старшем Брате. Альбин часто встречал меня с Кимми на Хайте, и наш вид его очень интриговал. Вот он и спросил Джанис:

— Э, что не так с этими двумя цыпами? Они, что, лесби?

— Не знаю, чел, — поспешила она его прервать. — Не знаю, да и знать не хочу. Ну, а что, если и так, то, что тогда? Они клёвые дамочки, как я вижу. И что это меняет?

Но в тот раз она вошла в магазин, по причине, которую мы никогда уже не узнаем. Перед тем как уйти, она взглянула на пару джинс, которые ей, видно, приглянулись. Она потрогала ткань, погладила, как если бы они были сшиты из самого редкого в мире шёлка. Я бросила взгляд на всё те же самые грязные, потёртые, линялые джинсы, в которых она была в Матрице месяц назад, и покачала головой.

— Эй, — бросила она. — Не могли бы вы оставить эти для меня? Я скоро получу денег и приду за ними.

Эти чёртовы джинсы стоили всего каких–то семь долларов. Я не могла поверить, что может найтись в мире человек, для кого трудно наскрести такую небольшую сумму. Но вот, такой человек стоял передо мной, и я чуть не разревелась.

— Слушай, — сказала я. — Можешь забрать их сейчас.

— Всерьёз? — спросила она, ещё не веря, что кто–то может отнестись к ней с вниманием. — Могу прямо сейчас?

Я утвердительно кивнула, восхищённая её безыскусной простоте.

— Позже я обязательно заплачу, — сказала она, проявляя чувство гордости, с которым мне ещё придётся очень близко познакомиться. — Позже я обязательно за них заплачу, когда получу деньги. Клянусь.

— Нет, что ты, не надо, — ответила я. — Мне так понравилось как ты поёшь, тогда, в Матрице, что позволь мне сделать тебе подарок.

Много позднее оказалось, что она навсегда запомнила этот пустяковый жест внимания с моей стороны. Но тогда, она просто улыбнулась и, вновь меня поблагодарив, исчезла на Хайт–стрит, растворившись в потоке хиппи, дрейфующих по течению жизни.

5

40

Оставшаяся часть 1966 года начала ускоряться и проходить мимо нас, дни растворились и быстро переливались один в другой, как это всегда бывает у влюблённых. Мы с Кимми не скрывали своих отношений, и Кук полностью уяснил для себя картину, в которой, как я понимаю, мы с Кимми — две половинки целого, и что два человека могут полностью подходить друг для друга сексуально. И пока мы были верны друг другу, никаких других женщин у нас не было, парни в счёт не шли, и неважно сколько их было, обманутых, снёсших нам голову, или просто на один пересып. Среди тех парней, которые перебывали в постели Кимми за тот год, одного я запомнила особенно, Билл Кобурн, юноша, косящий под хиппи. Запомнила потому, что был он из очень известной семьи в Пеббл—Бич, и, как мне говорили, обладал вторым контрольным пакетом акций Истман—Кодака. Думаю, я спала даже с большим количеством парней, среди которых могу выделить Марти Боллинса, художественного руководителя и сердце рок–группы Аэроплан Джефферсона. После него у меня был Билл (хоть убей, не вспомнить его фамилию), барабанщик другой рок–группы, Благодарный Мертвец; и Вес Вильсон, пионер психоделического плаката; и, по крайней мере, ещё с полдюжиной других спала.

41

Но ни я, ни она, никто из нас не спал с другими женщинами. Мы так были увлечены друг другом, что даже мысль об этом была невозможна. Другими словами, это была та редкая связь, при которой просто нет места кому–то другому. Мы думали только об одном, как сделать друг друга счастливее. Нам очень нравилось делать разные мелкие подарки. Но однажды мне захотелось большего. Я слышала, что Джоан Баез в своё время подарила Кимми мотоцикл, и мне страшно захотелось увидеть её, мчащуюся по шоссе. Слышала, что Кимми попала в аварию почти сразу, как прервался их зыбкий роман. Мой бутик, на углу Хайт—Ашбери процветал, популярность его росла с каждым днём, и дела шли всё лучше и лучше. В банке у меня на счету лежало пять тысяч долларов, и я решила купить Кимми новёхонький Триумф-500 в виде сюрприза.

«Что за чёрт, — подумала я. — Это всего лишь деньги, а он сделает мою половинку чуть–чуть счастливее».

Триумф мне доставили прямо домой, и я спрятала его в одну из примерочных, в самом дальнем углу магазина. Не прошло и

двух часов, как его привезли, пришла Кимми развязной походкой меднозадой львицы. Я сказала, что для неё лежит какой–то пакет во второй примерочной. Я предполагала, какая последует реакция, поэтому сказала, что выйду ненадолго, нужно проверить и переложить на уличном прилавке джинсы.

— Что это? — услышала я голос Кимми.

— Откуда мне знать? — ответила я. — Это кем–то оставлено для тебя.

— Ну-у, — протянула Кимми, слегка поджав губы. — Что за шутка, кто–то забыл ковёр, не она ли?

Я прикусила язык, чтобы не рассмеяться. Я вышла, а она, развернувшись на каблуках, направилась в кабинку. Тут раздался её громкий грудной выдох, так как она, видимо, сбросила тяжёлую ткань и увидела Триумф. Она обернулась ко мне, совершенно оттаяв. И секунды не прошло, как вся её психологическая броня была сброшена.

42

— Ого! Родная моя! — воскликнула она. — Ты его купила для меня?

Я кивнула.

Она бросилась ко мне и стала целовать, но отстранилась, когда заметила, что на нас смотрят посетители. С минуту она преданно, влюблённо и с благодарностью в глазах смотрела на меня, затем вскочила на этот чёртов байк и завела мотор. Двигатель взревел раза два–три, и она рванула прямо к входным дверям. Я подумала, что с полдюжины вешалок уж точно она снесёт с собой, но не тут то было, она лезвием ножа проскользнула через входные двери, как если бы выполняла этот трюк ежедневно всю свою жизнь. Я только успела услышать, как взревел под ней её железный конь. И вот она уже на середине Хайт–стрит, вычерчивает круги, один меньше другого.

— Ты сумасшедшая, мать твою! — завопила я, подбегая к дверям. — Ты убьёшься!

— Чёрта с два, — расплылась она в такой улыбке, что ещё немного и щёки её окажутся на затылке. Она развернулась и направила свой Триумф прямо на меня, остановив его буквально в полуярде от входных дверей, где стояла я.

— Как думаешь, по этой улице, мать её, ездят когда–нибудь машины или грузовики?

Она была перевозбуждена, но тут же напустила на себя серьёзный вид.

— Ну, давай же, цыплячий помёт, — проигнорировав мои слова, произнесла она. — Запрыгивай, и я покажу тебе, как, чёрт возьми, по–настоящему объезжают этих чёртовых матерей.

Я вскочила позади неё, трусливо озираясь. В несколько секунд мы с рёвом промчали всю нашу Хайт–стрит. Только мы развернулись около Оука, как проехали мимо Джанис в её полуразваливающемся белом Санбиме с открытым верхом с небрежно накаряканном названием группы по обоим бортам: «Big Brother and the Holding Company».

43

— И–и–исуси-и-и! — вскричала Джанис, когда мы остановились рядом с ней на красный. — Откуда, чёрт возьми, у вас такая штука?

— Пегги купила мне, — обернулась Кимми, обнимая маня руками и светясь от счастья.

Я посмотрела на Джанис. Она переводила взгляд то на Кимми, то на меня, в какой–то момент мне показалось, что её широкая улыбка разорвёт края губ.

— Помереть, не встать, — произнесла она, пытаясь отойти от первого шока.

Зажёгся зелёный, и мы понеслись в разные стороны. Почудилось ли мне — Джанис ревнует меня? Но и когда она стала чаще заглядывать ко мне в магазин, я не придала этому значение. Спустя месяц или около того она переехала в коммуну прямо напротив, через улицу, так что её посещения не казались чем–то необычным. Она жила там, по крайней мере, некоторое время с Кантри Джо МакДональдом, чья рок–группа, Кантри Джо и Рыба, занимала примерно то же положение (плывя навстречу общему коммерческому потоку), что и Старший Брат. Кантри Джо со своей группой были лучшими музыкантами, чем парни из Старшего Брата, но и они не продвигались ни на шаг вперёд. Время шло не в его пользу. И очень может быть, что именно по этой причине он доставил Джанис столько неприятностей и что именно поэтому он не стал оставаться с ней дольше, чем на несколько ночей.

Случилось так, что я пересеклась с другим парнем из их коммуны, Брюсом Хеллмером, и у меня был повод часто там бывать. Иногда проходя мимо комнаты Джанис, я видела, как из–под одеяла торчали ноги Кантри Джо. А иногда она там была одна, курила, или просто пялилась в потолок. Часто она приглашала зайти, поболтать, но болтать намерения у меня не было — я спешила упасть в объятия моего сладенького милого дорогого семнадцатилетнего Брюса, комната которого была как раз напротив.

44

Мириться с этим Джанис не стала. Всё чаще она навещает мой магазин, чтобы выговориться или выплеснуть на меня свои

беспокойства. И я решила пригласить её на посиделки, устраиваемые мной и Кимми в ближайшую субботу, и попросила привести с собой Кантри Джо. Это был не более чем приятельский жест вежливости. Я была почти уверена, что в этот вечер они с Кантри Джо где–нибудь выступают вместе. К моему удивлению, они нарисовались оба, и я испытала похожее неудобство, которое почувствовала, когда мы с Кимми встретили её на светофоре.

— Ну как, Джо, они тебе? — произнесла Джанис, после того как я буквально за шиворот вытолкала Кимми им навстречу, выдавив из себя слова любезных приветствий. — Разве они не клёвые?

Последовали комплементы, но глаза Джанис заставили меня почувствовать нечто большее. И снова я не придала этому значения.

«Простой обмен любезностями», — подумала я тогда.

Продолжая поддерживать светский разговор, мы рассказали, что в восторге от её пения. Мы действительно были её верными поклонницами, а она была по–прежнему голодна до людей, которым нравилось всё, что бы она ни делала.

Посиделки прошли без приключений и плавно растворились в рабочих буднях наступившей недели, и я не стала напрягаться о возможности каких–либо чувств ко мне со стороны Джанис. Но сейчас, когда я вспоминаю подробности тех событий, должна сказать, что один из работяг из моего бутика стал замечать, что Джанис каждый раз как заходила к нам, приглашала меня к себе.

— Пегги, думаю, вы ей нравитесь, — сказал мне однажды утром продавец, когда Джанис ушла. (Стоит заметить, что он был голубым.)

— Конечно, — ответила я. — Мы уже давно знакомы.

— Нет, — возразил он, не решаясь продолжить и боясь не обидят ли меня его слова. — Я имею в виду нечто большее. Я чувствую, когда кому–то действительно кто–то нравится.

— Брось, — сказала я, начиная раздражаться. — У тебя просто разыгралось воображение.

— Такому маленькому гадкому цыплёнку, как она, обязательно нужно в чём–то выразиться.

— Сомневаюсь, — сказала я, желая прекратить этот разговор. Он стал мне досаждать.

— Думаю, я знаю Джанис, — ответила я, — и она, похоже, совсем не интересуется цыпочками.

45

«Боже, — подумала я. — Джанис? Хочет меня трахнуть? Этот уродец Джанис? Которая ни о чём другом не говорит, как об утюжении Хайт–стрит в поисках какого–нибудь парня, любого

парня, который бы трахнул её и вывел бы из состояния отчаяния? Все разговоры только об этом, да ещё об этих из Старшего Брата, да как она собирается сплести себе бусы или то, как она носит одежду, не снимая, и не в состоянии купить себе новую?»

Уверяю тебя, я не раз испытывала эти разноречивые, тяжёлые чувства, связанные с ней. Но ещё чаще я слышала от неё рассказы о всяких неряшливых молодчиках, с которыми она знакомится ради одного перепиха. И сколько сочувствия я растратила, слушая её жалобы на симпатичных студентов, которые отшивали её, едва взглянув. И я видела её опущенность в том, какую неопределённую боль чувствует каждая женщина, когда любит кого–нибудь, а он отмахивается от неё, как от назойливой мухи, внося сумятицу в её голову.

Как–то мы договорились поужинать всем вместе — Кимми, Джанис и я — в Голден—Каст, небольшом ресторане невдалеке от моего бутика. Сначала надо было уговорить Джанис. Она находилась у нас, когда мы сказали, что приглашаем её поужинать, но она, казалось, хотела остаться здесь. Она всё время поглядывала на дверь своего дома напротив. Наконец, одержав над ней победу, мы были в ресторане, но и тут она постоянно вскакивала из–за стола.

— Что за чёрт такого важного есть для тебя, что тебе всё равно остынет твой ужин или нет? — спросила я после её третьего путешествия к телефону–автомату, висящему на стене.

— Ничего, — сказала она с такой грустью в голосе, что я почти почувствовала это на себе. — Я просто думаю, неужели нет никого во всё мире, кто хотел бы полюбить меня. Я надеялась увидеть Джо, но его нигде нет.

— Звонила ему домой?

— Я пробовала найти его и там. Но его там тоже нет.

— Тебе бы самой сходить, — сказала я.

— Ходила, но он не появлялся.

— Может, он сам ищет тебя, или завис где–нибудь в гостях.

— Нет, — последовал её ответ. — Просто я ему надоела. Никто со мной надолго не остаётся.

— Полное дерьмо, — попыталась подытожить Кимми.

— Не делай хуже, чем оно есть на самом деле, — решила я спасти положение. — Я не могу утверждать, что он любит тебя, я просто этого не знаю. Но он знает тебя, спит с тобой. Одно это говорит о том, что ты ему интересна, Джанис.

— Эх, — вздохнула она. — Может быть, ты права.

Бывает так, когда слова — пустой звук. Мы старались, как могли, но ни Кимми, ни я не смогли вывести Джанис из этого

состояния. Наконец, после очередного возлияния, почти не дотронувшись до ужина, она извинилась и ушла.

Оставалось подытожить сказанное:

Любая, брошенная своим парнем, похожа на ту, которую мы видели в этот вечер; не забудем её печального маленького личика; усилия, которые она совершала, чтобы не разреветься при нас; и все эти её сказки о попытках найти его. И никто не смог бы переубедить меня тогда, что Джанис — никто, кроме как искренняя маленькая цыпочка, которая хочет встретить мужчину, даже любого мужчину, чтобы полюбить его.

6

47

К началу 1967 года спокойная, размеренная жизнь старухи Сан–Франциско, высокомерно мнящей себя Городом, была прервана, у старухи задрожали колени от первого непостижимого выступления Джанис. Отцы города, а также и матери, просто не могли для себя даже осмыслить, что происходило в районе улиц Хайт и Ашбери. Тысячи молодых людей со всех уголков нашей стран стекались сюда, жили коммунами из–за недостатка дешёвого жилья и ломали все устоявшиеся у среднего класса представления о жизни. Кислота была доступна в таких количествах, как твой апельсиновый сок, а хиппи в немыслимых одеждах в открытую курили дурь прямо на улицах.

Чтобы устоять в социуме, они, эти Дети Цветов, основали свою организацию, назвав её Обществом Копателей, в задачу которой входила организация сети бесплатных магазинов, где бы молодёжь, если у кого не было с собой денег, могла получить бесплатно еду или одежду. И когда они потерпели неудачу, идею подхватили двое предприимчивых молодых людей из местных юристов, официально основав её ХАЛО, Хайт–Ашбери Легальная Организация подростков.

48

Нелегалы. У них можно найти было всё, от ямайской травы, героина, спидов и депрессантов до золотых изделий и краденого. Возникла новая процветающая индустрия, работающая бесперебойно круглые сутки. Только штормовой ветер, дуя с Сан–Францисского залива, мог унести с улиц терпкий горьковато–сладкий аромат, исходящий от кальянов и косяков, выкуренных обитателями тысяч комнат этого района. Пестрота красок обрушивалась на посетителей Хайт–стрит с витрин магазинов, с фронтонов домов, раскрашенных автомобилей, со стен, казавшихся одетыми в психоделически расцвеченные отражения от раскрашенных стёкол, и от полуобнажённых тел прохожих.

Подростки, юноши и девушки, вся молодёжь страны, эти ещё совсем юные создания, казалось, все думали найти ответы на свои вопросы и искания здесь, на Хайт–стрит. Здесь, уверены они были — прибежище от удушающей реальности, обрушивающейся на них со страниц Тайма, Ридерс–Дайджеста и Лайфа — самых официальных рупоров этих Соединённых Штатов.

К этому времени, наконец, несмотря на неудачи, несмотря на пиявок и хищников, видящих в них в будущем свою добычу, Любовь, Мир и Гармония, казалось, восторжествуют. Никто ещё

не мог предсказать, к чему это всё приведёт: горькое психологическое наследие 1968 года, пепел альтруистического костра этих молодых людей — огонь ещё только разгорался, согревал их души.

Плывя в ощущениях приближения 1967 года, я превратила свой небольшой магазинчик в модную лавку, решив удовлетворить жажду сотен новых покупателей. Инстинкт меня и в этот раз не подвёл. Ещё зимние ветры не перестали завывать на вершине Русского холма, а я уже имела прибыли по десяти тысяч в месяц, и благодаря переменам в жизни ещё кое–кто обогатился и расцвёл в ту зиму. От одной встречи к другой молодёжь начала сбиваться в стаю, чтобы только увидеть её. Старший Брат всё по–прежнему снизу возглавлял афиши, но с самого первого их выступления вместе с ней, толпы, вскакивая со своих мест, свистели, вопили и скандировали: «Мы хотим Джанис! … Мы хотим Джанис!»

49

Странно, но её имени всё ещё не было на афишах — только название группы, хотя было совершенно очевидно, что единственно она одна полностью завладела сердцами слушателей. Это не она в них нуждалась, а они в ней. В начале 1967 года группа отправилась на Восток, договорившись с одной, как потом выяснилось, не заслуживающей никакого доверия чикагской компанией, называющей себя Мейнстрим. С точки зрения денег, он оказался живодёрней, этот Мейнстрим, компания даже не удосужилась позаботиться об обратных билетах для них до Сан–Франциско. Могу с уверенностью сказать, никто из группы до сих пор не получил ни пенни со своего первого альбома. И пока пластинка начинала продаваться, Старший Брат и Джанис присматривались к своей новой потенциальной аудитории: печальный опыт с Мейнстримом горько ранил. Группа трещала, раздираемая сомнениями. Никого из них так сильно не захватила паранойя, которая была следствием этой неудачной для них встречи с пираньями звукозаписывающей индустрии, как Джанис. Она во всех неудачах винила себя, видела себя единственной причиной коммерческого краха. А в это время продажа пластинки наращивала обороты, но Мейнстрим держал свой успех в тайне от музыкантов, и Джанис с ребятами из Старшего Брата считали себя полностью уничтоженными. Даже после того, как аудитория Авалона начала видеть в Джанис нового идола андеграунда, она продолжала уверять меня, что все её надежды рушатся одна за другой.

Видишь ли, неспособная разобраться, а скорее не желающая прислушаться к моим советам и не желающая увидеть

взволнованную ею аудиторию Авалона и других городских клубов, Жени углубилась в изучение Южного Комфорта и молодых блондинчиков, ища в них утешение своим страхам и своему шаткому положению. Попытайся бы она именно тогда, когда была на дюйм от того, чтобы вырваться из категории «Двадцатка за выступление»! Но вместо этого, я на всю жизнь запомнила её, полуголую, стоящую на углу и отдающуюся любому парню, улыбнувшемуся ей. Однако очень скоро она стала более избирательной — только хорошенькие белокудрые молодчики могли воспользоваться её телом… Но даже тогда число юных самцов, побывавших в её постели, оставалось как чрезмерным, так и показательным. Её душили сомнения. Симпатичный цыплёнок, весь мир был бы у её ног, протяни она только руку. Сковывал страх, что в любой момент её исключат из группы, и она останется одиноко лежать в своей постели, и лишь бесстрастный потолок будет её собеседником.

50

И вот однажды один из тех, кого она сняла на улице и, прокувыркавшись с ним несколько дней, привела ко мне, говорит:

— Эй, знаешь, Джанис только и говорит о тебе.

Даже многие, кого мы знали, не переставали интересоваться нашими отношениями. Одна такая, спросила однажды напрямую:

— Э, что за отношения у тебя с Джанис?

— Мы просто подруги, почему ты спрашиваешь? — односложно ответила я.

Она посмотрела на меня оценивающе и произнесла:

— Да потому, что каждый раз как она рядом с тобой, она сильно меняется.

— Что ты имеешь в виду?

— Рядом с тобой, она никуда не рвётся.

— Ну–ну, поподробнее, — поинтересовалась я.

— Она… она всегда такая… экспрессивная, всё время ей что–то надо, куда–то порывается идти — пока не увидит тебя. Ни с кем рядом она так не меняется. Она всегда делает, что хочет, никого не спрашивает. С тобой же только и слышишь: «Что ты хочешь?», да «Куда пойдём?»

И это — чистейшая правда. Но только теперь я начала замечать это сама, тогда же я никому не верила. Да, так они и было, всякий раз, когда мы оказывались вместе, Джанис старалась подстроиться под мои планы. До сих пор я чувствую её привязанность ко мне. И что бы кто ни говорил, я была её единственной и самой близкой подругой. А все эти её парни, с которыми она так или иначе была завязана, не шли ни в какое сравнение.

51

Моя слепая Судьба отвернулась от меня, влюбив в одного парня, который волочился за Жени, а она его даже не замечала. Длинноволосый блондин, Сэм Эндрю, тогдашний гитарист Старшего Брата, настолько сох по Джанис, что жалко было на него смотреть. Воистину Судьба играла нами, ведь популярность Джанис к этому времени уже перешла все границы разумного, и она положила глаз на другого гитариста группы — Джеймса Гёрли, мужа одной девицы, Нэнси, которую Джанис буквально год назад идолизировала.

Сэму она не оставляла ни лазейки. Я тогда ещё даже не догадывалась, что он был осведомлён о нас с Джанис и хитро пользовался этим. Мой же сердечный компас, если бы я вздумала провести время с женщиной, указывал лишь на Кимми. А из мужчин, я хотела только одного Сэма. Я любила его, это яснее ясного. Я, должно быть, уже давно любила его. Потому что даже после того, как я узнала, что он за один год умудрился бросить одиннадцать (думаю, это был год 1965) использованных им групиз, и что он не мог с ними добраться даже до половины пути, я всё равно хотела его. Однажды я побывала в его постели, и это было полнейшим разочарованием. Но меня вопреки всему по–прежнему тянуло к нему.

Сэм никогда в открытую не признавался мне в любви, но в своей особенной, мягкой манере, давал мне понять, что очень расположен ко мне. Я сходила с ума, он делал меня полной дурой, а я никак не могла понять, пока… Пока не узнала, какого сорта этот парень. Он никак не мог добиться Джанис. Но у него была я. А Джанис хотела меня, как я хотела Сэма. Так, держа меня на коротком поводке, Сэм думал, что она сменит на милость по отношению к нему своё полное безразличие.

52

Признаюсь, я из–за Сэма выплакала все глаза, снова и снова тонула в депрессии, потому что я понимала, его чувства, какие бы они ни были, ни в какое сравнение не шли с моими к нему, утешалась я только с Кимми. Наши отношения крепли и, желая уехать на некоторое время, я предложила Кимми устроить себе отпуск — целый месяц на Карибах. На Ямайке мы пробыли почти весь февраль 1967 года. Днём мы подставляли наши тела под мягкие лучи ласкового солнца субтропиков, а ночами в постели мы сами трудились над телами друг друга. Но ни Сэм, ни Джанис ни на секунду не оставляли меня в покое.

Покидая Виргинские острова, мы с Кимми вылетели в Нью–Йорк 24 февраля. И трёх с половиной часов не прошло, я узнаю, что как раз в это время Джанис со Старшим Братом выступают в

манхаттанском клубе Избавление. А почему бы и нет? Я предложила Кимми сходить на их выступление, прежде чем лететь домой, в Сан–Франциско.

В клуб мы пришли в самый разгар выступления Джанис, ребята по–прежнему выступали на разогреве. Нас тут же познакомили с Альбертом Гроссманом, занявшим место Чета Хелмса в качестве импресарио её группы. Это был хороший знак: с помощью Гроссмана уже многие из его клиентов сделали себе громкие имена, среди них и Питер, Пол и Мэри, и Боб Дилан. Он увлёк нас мимо бара к одному из пятидесяти или около того крошечных столиков, вклинившихся вокруг танцплощадки размером не более твоей ванной. На сцене была Джанис, она и рычала, и визжала, и ворковала. Исполняла она новую свою песню: Take A Little Piece Of My Heart, ставшую очень скоро невероятно популярной.

Спору нет, голос Джанис, её манера держаться, её подача, способ каким она доносит своё пение каждому — вот истинная ценность, особенно в сочетании. Это я ей пророчила пятьсот сотен за вечер, и вот–вот всё это подтвердится. С порога, увидев Джанис на сцене, посмотрев на окружающих меня молодых людей и девушек, я поняла, что мои слова начинают сбываются.

53

Эл Купер, замечательный музыкант, участвовавший в создании таких альбомов как Super Session со Стивеном Стиллзом и Майком Блумфельдом, а чуть позднее и Кровь, Пот и Слёзы.

Эл Купер сидел за соседним столиком, качая в такт головой, видно было, каждой фиброй своей души впитывал лучи, исходящие от этой хрупкой девушки, пытающейся прикрыть микрофоном своё невыразительное лицо. Вот она запела Ball and Chain, и грубоватый, молящий, блюзовый голос, поддерживаемый гитарой и барабанами, пронзительно вливается в восторженных слушателей. Джоан Оппенгейм, подружка Купера, а в скором будущем и его жена, наклонилась к Кимми. Мы все были знакомы тысячу лет. В Сан–Франциско, думаю, трудно не познакомиться друг с другом.

— Джанис, — начала она, пытаясь перекричать гул толпы, хлопающей в такт музыке, — Джанис — самая горячая штучка из новых во всём музыкальном бизнесе.

Продолжать разговор не было никакой возможности. Будто восстали из мёртвых и Билли Холидей, и Бесси Смит, обе реинкарнировались в её голосе, в нём слышались отголоски Лидбелли, Одетты и Бог знает кого ещё. Все мы были стиснуты, раздавлены как яйца в омлете, но было что–то в голосе Джанис, что принадлежало только ей одной. Это отличало её, даже в

самом начале её пути в звёздный пантеон, вне рамок, вне категорий, это помещало её среди избранных, кто обладал несравнимым ни с чем талантом и невероятной индивидуальностью.

Меня поразило, как Джанис владела публикой, особенно это стало видно, когда она запела Bye, Bye Baby, Women Is Losers, Light Is Faster Than Sound, Call On Me, All Is Loneliness и Caterpillar — стоит ли описывать рёв океана шёпотом.

Но когда она запела свой последний номер, толпа просто обезумела. Это была совершенно новая штучка, Down On Me, жгучий плач, недовольство деспотическим миром, с неоднозначным названием. Они повскакивали со своих мест, громоздясь на свои крошечные столы, падая и снова взбираясь, но из–за ужасной тесноты серьёзных ранений ни у кого не случилось. А выпивка переходила из рук в руки. Сидящих — ни одного, все хлопают в ладоши, топают или стучат по столам. Но теперь самым долгожданным, самым милым объектом её внимания стало одно из кресел, но в тех будто черти вселились, они подхватили стулья и начали стучать ножками о столы, снова и снова вызывая Джанис.

54

Уверена, спой она ещё хоть один номер, и поднимется настоящий бунт. Но Джанис со Старшим Братом уже сошли со сцены, и публике ничего не оставалось, как разобрать то, что осталось от стульев и усесться под яростными взглядами менеджера и официантов, безуспешно пытающихся подмести с пола щепки и обрывки обивки — остатки разбитой мебели. А Джанис, заметив со сцены нас с Кимми, поспешила к нам, пока ребята из другой заявленной в афише группы пытались проникнуть в комнату, где заперлись музыканты Джанис, чтобы излить на них своё возмущение и потребовать от них, усмирить эту бешенную маленькую леди, выведшую их из равновесия.

— Я думала вы на Ямайке, — начала Джанис.

— Мы как раз оттуда, и прилетели посмотреть на тебя, — ответила я.

— Вот и здорово.

— Ты была великолепна, — сказала Кимми, даже не замечая, что Джанис не сводит с меня глаз.

— Спасибо, как мило, — даже не повернув головы, скосила Джанис глаза в сторону Кимми.

— Ты оказалась права, — сказала она мне. — Я это сделала. Ты была чертовски права!

— А разве не об этом я тебе говорила, а?

— Вы где остановились?

— Нигде, мы только что с самолёта.

— Почему бы… почему бы вам не остановиться в Челси вместе с нами? — спросила она. — Мы все там остановились.

— Думаю, там уже нет свободных номеров, — произнесла я.

Джанис было не убедить. Она хотела нас видеть у себя и точка.

— Ну, если там не окажется, мать их, этих свободных номеров, я выбью из них один для вас!

55

Вот так всегда с ней, стоит мне только подзадорить её и в ней просыпалась невероятная вера в себя, в своё эго, вместе с умением привлечь к себе внимание своим видом, словами и своим пением. Так и в этот раз, стоило ей только сказать пару слов девушке за стойкой:

— Слушайте. Это мои подруги. Мои самые лучшие подруги. И я хочу, чтобы они остановились в вашей гостинице. Если вы сейчас же не найдёте для них свободного номера, можете поцеловать на прощание мою задницу. И в придачу всех из нашей группы.

Этого оказалось достаточно, и, несмотря на переполненную гостиницу, она моментально тут же нашла для нас свободный номер. И мы пробыли в этой старинной, роскошной и похожей на обветшалый дворец гостинице около трёх–четырёх дней. От Джанис нас отделял только общий холл. В этот холл выходила и дверь номера, где жил Сэм Эндрю. Боже, как мне хотелось открыть эту дверь, войти к нему и впиться губами в его бедный вялый стручок, и приложить всё своё искусство, чтобы хоть разок увидеть его во всей его красе! Может быть, думала я, если мне удастся поднять его, он полюбит меня! До сих пор не понимаю, почему я, думая о нём, становилась такой дурой. По–настоящему я любила Кимми. И это чувство не угасло за те три года, что я провела с Жени. Но я хотела Сэма. Все эти четверо суток, лёжа в постели рядом с Кимми и выкуривая сигарету за сигаретой, я ждала, вот раздастся стук в дверь, и он набросится на меня.

7

56

Первого марта мы с Кимми вернулись в Сан–Франциско, наше пребывание в Нью–Йорке с Джанис и Сэмом остаётся до сих пор одним из моих самых горьких воспоминаний. Для Кимми оказалось открытием чувства Джанис по отношению ко мне, а для Джанис (и она была в ярости от этого) — мои явные попытки сблизиться с человеком, с которым я едва перекинулась двумя словами за все те семьдесят два часа. Я пыталась загрузить себя работой в своём бутике в надежде забыть принёсшую мне одни разочарования поездку в Нью–Йорк. Но к концу третьей недели я не выдержала этих самоуничижений и впала в одну из гибельных ловушек, в которые попадает отчаявшийся человек, сам затягивая на себе петлю. Я позвонила Сэму.

— За каким чёртом ты собираешься вернуться в Нью–Йорк? — раздражённо спросил Сэм, только при одном упоминании об этой возможности.

— Я хочу прикупить кое–что для своего магазина, — соврала я в надежде, что он скажет, что мы могли бы встретиться. Но эта мысль оказалась невероятно далеко от его сознания.

— Но ты могла бы это сделать в свой прошлый приезд, месяц назад, почему не воспользовалась этой возможностью?

57

— У меня был отпуск.

— Ах, да, конечно, я понимаю.

— Слушай, — наконец я решилась. — Я звоню, сказать, что хотела бы приехать именно к тебе.

Молчание.

— Ты слышал, что я тебе сказала, Сэм?

— Да.

Последовала продолжительная пауза, пройдёт ещё много времени, прежде чем я пойму эту его черту, уходить, мать его, от прямого ответа.

— Да, — наконец промолвил он, прозвучало это так, как если бы он уже выкурил четыре или пять косяков. — Ладно, хорошо, это было бы здорово.

Я вылетела этим же вечером. Рано утром я была уже в Нью–Йорке, как раз, чтобы встретить его выходящим после тяжёлой репетиции. Альберт Гроссман заставлял их каждую ночь много репетировать, теша себя идеей заменить пару музыкантов в группе, и добавить ещё одного гитариста, чтобы звучание было сочнее. Мы оба были без сил и проспали до двух или трёх часов

пополудни. Лёжа рядом с ним, я ждала, как он проснётся, и первое что он должен был увидеть, думала я, это мой влюблённый взор, обращённый к нему. Когда он открыл, наконец, глаза, было ясно, что он ещё не доспал, и готов был досыпать ещё. Он опёрся на локоть и внимательно в течение нескольких секунд смотрел на меня. Затем улыбнулся.

— Ты точно этого хочешь?

Я настолько ошалела от съедаемого чувства любви к нему, что даже не поняла, насколько презрительным тоном были сказаны эти слова.

— Да, — сказала я. — Очень.

— Ладно, поехали, — произнёс он, направляя мою голову в сторону своего как всегда обмякшего младшего братика.

Мне было уже всё равно. Я спустилась вниз и набросилась на него, как если бы это было земляничное мороженое, найденное мною после многодневного кружения по раскалённой пустыне. Сосать! Время пошло! Запихнуть малыша Сэма полностью себе в рот, ох, мать–природа. И водить им у себя за щекой. Вперёд–назад, вперёд назад. Щекотать миндалями, на мгновение засадить его глубоко к себе в горло, затем быстро выдернуть и снова назад, обхватывая его своими крепкими припухшими губами и совершать ими магические движения вокруг основания его жёлудя. Может…

58

За это время камень в песок стёрся бы, но использовать его по назначению я так и не смогла. Однако, наблюдая за моими стараниями приподнять его стручок, в его взгляде появилось что–то человеческое. Вдруг он притянул меня к себе и поцеловал. Минуту спустя или около того, воспользовавшись заметно окрепшим дружком, он попытался вдуть мне. Но механизм не сработал. Только он вошёл в меня, как я почувствовала, что он обмяк. Складывалось впечатление, что его одноглазый братец знал, что проникновение на чужую территорию принесёт ему одни страдания и боль. Он снова попытался проникнуть в меня, но дух его снова покинул. Он сдался быстро и просто лёг рядом, закурив и отводя взгляд в сторону, даже убрал мою руку со своей груди.

Около шести, только он успел залезть душ, как постучали, и в приоткрывшейся двери появилась голова Джанис. Дверей Сэм никогда не запирал.

— Боже праведный, — вырвалось у неё. — Ты когда приехала?

— Сегодня утром.

— А почему ты у него, мать твою?

— Ну-у, — в затруднении протянула я, зная насколько она осведомлена о любовных похождениях Сэма, не пропускающего мимо себя ни одной юбки. И в этот момент выходит из ванной Сэм, растирая себя полотенцем. Джанис бросила на него пронзительный взгляд, и уголки её губ поползли вниз, будто готовясь выпустить из себя звериный рык.

— Что ты делала, мать твою, у него, когда ты могла остановиться у меня?

59

Впервые я увидела Джанис такой. Эго суперзвезды в своей самой ранней стадии. С удивлением и любопытством стала я рассматривать её, она, ещё несколько месяцев назад съедаемая страхом, что её вот–вот выгонят из группы, превратилась в самоуверенного полноправного члена коллектива. Затем бросила долгий взгляд на Сэма. Я не хотела вызывать его на откровенный разговор, нет, но в данный момент он повёл себя так, как если бы его это не касалось.

— Делай, что хочешь, — бросил он мне и снова скрылся в ванной.

Страстное желание лишило меня разума, и, думая своим передком, я приняла его реплику, скорее как серьёзное предложение к действию, чем выражение его безразличия.

— Я хочу остаться с тобой, — успела я выпалить до того как он закрылся в ванной.

Джанис уже дымилась.

— Мы уезжаем на репетицию через пятнадцать минут, Сэм, — окликнула она его. — Будь внизу, хорошо?

Затем, повернулась ко мне, взгляд её глаз ожёг меня холодом:

— Ух–ты, — сверкнула она глазами, — ты готова стать величайшей подстилкой мира, лишь бы быть рядом с ним!

Она резко развернулась на каблуках, да так что чуть пол не задымился, и вышла, с треском захлопнув за собой дверь. Удар был настолько силён, что со стены даже отвалился кусок штукатурки. Снова из ванны вышел Сэм.

— Опять она пьяна? — равнодушно спросил он. Он ни чуточки не злился. Он так же как я с ним, беспомощно стремился привлечь к себе её внимание. Войди она сейчас в номер и метни в него своими экскрементами, он и тогда бы не повысил на неё свой голос.

— Знаешь, я ничем не многу помочь, когда она злится, — сказала я. — Я понимаю тебя и хотела бы остаться здесь с тобой.

— Думаю, она хорошо тебя знает.

Ничего нового он мне не сказал, это было в точности именно так.

— Да, — подтвердила я, — так говорят все, кто нас знает.

Не успела я ещё прийти в себя от этой омерзительной сцены, как он, быстро одевшись, крикнул мне стоя в дверях:

— Жди здесь. Никуда не уходи.

60

Почему не сказать: «Я вернусь тогда–то и тогда–то». Или: «Встретимся в Коламбии», или «Встретимся в таком–то ресторане тогда–то». А он просто кинул: «Жди здесь. Никуда не уходи». У него была я, по крайней мере, на тот момент, и он мог заставить меня танцевать под свою дудку столько, сколько ему захочется.

И я ждала его. И ждала. Насколько я выучила его манеры, он мог выйти за сигаретами, затем вернуться и вместе бы отправились на студию. Не судьба. Вот так, уже к утру, проплакав семь часов, зазвонил телефон. Джанис.

— Чем ты занята, солнышко?

— Да сижу просто… телевизор смотрю, — солгала я. — Нет, — оборвала я себя, рыдая в трубку. — Сижу здесь, жду Сэма. Не знаешь, где он?

В трубке послышался тяжёлый вздох Джанис.

— Он здесь, дружок. Был здесь всю ночь. Мы репетировали, прослушали несколько новых гитаристов. Знаешь, ничего особенного, обычное наше старое дерьмо.

— Угу.

— Знаешь, что? Почему бы тебе не приехать? Мы в студии Коламбия, на Бродвее, недалеко от 42–й улицы. Прыгай в такси. Через десять минут будешь здесь.

Сэм даже не поздоровался, будто я была всё время с ним здесь, или будто меня и вовсе не существовало. Ни одного слова мне. Ни извинений, что забыл, мол, позвонить. Ничего. Не в пример Джанис. Она была рада мне, буквально приняла меня с распростёртыми руками.

— Эй, дружище, — произнесла она, проталкивая меня в операторскую, и, усадив на диван, стала знакомить меня с худым бородачом. Что–то уж очень знакомое было в его живом обаятельном лице.

— Это моя лучшая подруга Пегги, она из Сан–Франциско, — сказала она.

И я тут же узнала его! Она решила познакомить меня с моим самым любимым фолк–певцом, ну, конечно же, это был Ричи Хэванс!

61

Она обернулась к остальным, склонившимся над микшерским пультом.

— Вам обязательно надо познакомиться с этой цыпочкой, —

обратилась она к ним. — Во всём мире нет ей равной.

Загорелая под ямайским солнцем, весящая всего сто двадцать и ещё не подсевшая на героин, и поэтому, как я думаю, выглядела я тогда отлично. Один из парней, казалось, не мог оторвать взгляда от моих сисек, которыми в те донаркотские времена я могла вполне гордиться. Все немедленно стали меня обхаживать, дав понять, что нахожусь я у себя дома. Вся эта возня ещё более возбуждала во мне одно горестное чувство, пока я сидела, и как через замутнённое эмоцией стекло, видела себя, знакомящуюся, пожимающую руки, и Джанис, то и дело воркующую: «Это Альберт Гроссман, ты его знаешь, наш импресарио», «Это тот–то, это такой–то», мои глаза были устремлены в окно операторской, на Сэма Эндрю, настраивающего в этот момент какой–то усилитель. Он так ни разу и не повернул головы, не посмотрел в мою сторону, не шелохнулся.

Когда пробная запись оказалась завершена, вошла Джанис — к раздражению Альберта и всех звукоинженеров она всегда дотошно интересовалась моим мнением, вроде: «Что ты думаешь по этому поводу?» и «Тебе понравилось, как я завершила этот номер?», при этом каждый раз совершенно откровенно меня тиская. Я и в этот раз искренне ей отвечала, удивляя всех присутствующих своими профессиональными замечаниями, что стоит переделать, а что требует доработки. Мне многое нравится из того, что она делала. Но иногда не нравилось совсем, и тогда я прямо об этом ей заявляла. Её привлекала моя прямота. Поначалу я думала, что она старается сделать мне приятное, подбодрить меня, следуя моим пожеланиям, чтобы я подумала, что что–то для неё значу. Но позднее стала замечать, что ей на самом деле не обойтись без моих замечаний и советов. И на этот раз она занялась крошечными изменениями чуть ли в каждом номере, руководствуясь только моим впечатлением.

62

Ни Альберту, ни звукоинженерам такой поворот не нравился, но что я могла с этим поделать? Я уже вся извелась, когда в операторскую вошла Джанис и попросила меня сбегать за Южным Комфортом. Боже праведный! Три часа утра. В Нью–Йорке все ликёрные лавки и большинство, если не все, бары уже закрывались обычно к этому часу. Я прошла миль пять сплошных учреждений, прежде чем мне попался первый таксист, и мы с ним стали рыскать по всему городу. Мы победили, хотя заняло это часа полтора, где–то в Челси, среди Западных Двадцатых, в порту, мы нашли бар, всё ещё работающий, несмотря на потушенные огни рекламы над входом.

У меня с собой была двадцатка, и мне пришлось долго

уговаривать бармена сходить в кладовую за бутылкой. Но, в конце концов, он не устоял перед моим обаянием, и обратно на студию я летела с чувством выполненного долга. Но всё моё отличное настроение испарилось, как только я вошла в операторскую. Кто–то уже подсуетился и нашёл для неё бутылку. Она, уже на три четверти опустевшая, стояла на рояле. Жени, на которую пришлась изрядная доля выпитого, была так пьяна, что едва стояла на ногах, пытаясь спеть соло. Гроссман подал сигнал, что пора сворачивать запись, и Джанис зашумела, что придётся уходить и искать новое место, где можно было бы продолжить пить.

Гроссман, наклонившись ко мне, прошептал:

— Ты с Джанис?

— Да, надеюсь.

— Отвезёшь её домой, хорошо? Пожалуйста, отвези её в гостиницу и уложи в постель.

Зачем я здесь? Я в Нью–Йорке, чтобы быть с Сэмом. И вот, теперь, сижу здесь, сжимаю в руках светло–коричневый бумажный пакет с бутылкой Южного Комфорта, как если бы это было успокоительное. Думая о нём, вспоминались моменты прошлого и настоящего, слова людей, сказанные мне о нём, и мои собственные слова не давали мне покоя.

63

«Боже ты сумасшедшая. Он даже не может как следует трахнуться. Наплевать. Это для меня не имеет значения, пусть даже и есть у него стручок. Я люблю его, дружище. Мне нравится, как он говорит, мне нравится его красивое лицо и его длинные золотистые волосы».

Альберт выхватил бутыль из моих рук и терпеливо ждал, пока я что–нибудь ему отвечу.

«Ладно, мать его. Я люблю его, но с другой стороны очевидно у меня ничего не вышло, хотя я очень старалась. А он согласился и пошёл для меня на это сегодня ночью. Я до сих пор сидела бы там, ждала, как какая–нибудь идиотка, мать его, его возвращения. Сидела бы я на этой чёртовой кровати, будь она не ладна, пялясь на облупившуюся стену, и думала всякую сладенькую чушь по отношению к нему, терпеливо дожидаясь пока он не соизволит вернуться и не трахнет меня так, чтобы мозги мои взорвались к чёртовой матери. А что я делаю? Жду и надеюсь, что этот чёртов сукин сын, который даже не взглянул на меня, заберёт меня с собой к себе в номер».

Альберт терпеливо ждал от меня согласия. Видно, Джанис описывала ему меня в ярких тонах, и это сыграло. И всем остальным. Даже Майра Фридман, девушка по связи с

общественностью, нанятая группой, тёрла мне об этом все следующие несколько дней.

Один из сотрудников Коламбии помог довести мне Жени до лифта, провёл через холл, вывел нас на улицу и пошёл искать такси. Сама попробуй удержать Джанис в равновесии, да ещё в этих высоченных каблуках, её качало и кидало из стороны в сторону, как твою шлюпку во время тайфуна. Когда, наконец, такси это нашлось, я взгромоздила её почти безжизненное тело на заднее сиденье.

— Э-э, подожди… минутку, — пробормотала она. — Мамочке сейчас будет очень плохо… прямо сейчас.

Приоткрыв дверь кабины и высунувшись наружу, весь Южный Комфорт, некоторое количество пива и всё, что она успела съесть за ужином, оказалось на тротуаре. Из–за крыш показалось предательское солнце.

«Ну вот, и настал новый день, — подумала я. — Что, ради Бога, скажите мне, я делаю здесь с этой загнанной, уничтожающей самою себя цыпой, видя её согнувшуюся спину, одетую в какую–то дешёвую тряпку, купленную на ближайшей распродаже?»

64

Затем, взяв себя в руки, вытерла платком губы и улыбнулась мне.

— Поехали, найдём открытый бар.

— Нет, — произнесла я. — Ты пьяна. Я отвезу тебя домой.

— Нет, домой я не поеду, — заявила она.

Вот так всегда с ней. Я удержала её, закрыла дверцу и повалила на заднее сиденье. Думала, она отключилась, ан нет, уже подъезжая к Челси, задумав что–то, она стала ко мне приставать. Я едва сдерживалась от её зловонного дыхания, а она стала поцелуями покрывать мою шею, волосы, щёки.

— Прекрати, слышишь? — взмолилась я, когда она, изловчившись и обняв меня, попыталась притянуть меня к себе.

Таксист, один из тех обезличенных, бессердечных ублюдков, рыскающих по Манхаттану как моторизованные шакалы, бросил на нас взгляд в зеркальце заднего вида. Только он взглянул в нашу сторону в четвёртый раз, как Джанис запустила свою руку мне между ног.

— Ради бога, Джанис, прекрати.

— Что–с–тобой? — произнесла она, откидываясь назад и всем своим видом выражая удивление и невинность.

— Подожди до гостиницы, — прошептала я.

Алкоголь явно начинал действовать. Она вяло улыбалась и, сладко позёвывая, всё оставшееся время до гостиницы наблюдала

за проносящимися мимо нас тенями от уличных фонарей.

Несмотря на то, что она не тяжелее меня, сдвинуть выброшенного морем на берег кита легче, чем вытащить было её из машины и дотащить до лифта. Однако я справилась, причём без посторонней помощи, одна, протащив её мимо спящего за своей конторкой ночного портье, почти изнемогая под её обмякшим влажным телом. Приперев её своим бедром к стенке лифта, я отстранилась от неё буквально на пару секунд, чтобы нажать кнопку, обернувшись, увидела, как она медленно оседает, будто механическая кукла, у которой кончается завод.

65

Сначала она оставалась почти сложенной пополам в полусогнутом положении, но только лифт начал подниматься, от толчка её тело преодолело те несколько дюймов, которые его отделяли от пола, и опустилось на пол. Колени разъехались, голова склонилась на плечо, рот открылся, ноги, будто гуттаперчевые, распластались в разные стороны, а её маленькие ступни патетически отвернулись друг от друга.

Я обвела её взглядом. В тот момент я решила никогда больше не допускать её к своему телу, не позволять её рукам не только проникать в меня, но даже касаться, не давать ей повода вызывать внизу моего живота электрические разряды, представив себя занимающейся любовью с дохлой, разлагающейся лошадью.

Отвратное зрелище. Волосы сползли на лицо, а одна одичавшая прядь прилипла к краю рта. Платье съехало назад и задралось, демонстрируя не–слишком–чистые трусы. Бусы перепутались, и гроздями свисали сзади между лопаток. Но если и этого тебе оказалось недостаточно, то прибавь неприятный кислый запах тела, одержавшего победу над дешёвыми духами, которыми она поливала себя, заменяя ими обычный душ.

Двери лифта открылись и, борясь с нахлынувшим на меня отвращением и приступом тошноты, я втянула её в холл. Я подождала немного, опёршись на стену холла, и, пытаясь отдышаться, стала ловить ртом воздух. Наконец сделав глубокий вдох и просунув свои руки под неё, я замкнула их у неё на груди и поволокла эту задницу к двери её номера. Покопавшись в её сумочке, нашла ключ и отперла дверь. Она оставалась открытой, когда я водрузила её тело на кровать. Но тут она схватила меня и, повалив на себя, принялась целовать.

66

Вырвавшись из её объятий, заперла дверь и вернулась, чтобы раздеть её. Она не шевелилась. Её конечности свисали как неживые. Но как только мне удалось стянуть с неё платье и трусы, её руки вновь засновали по моему телу. Но она была так

пьяна, что глаза отказывались открываться, и она, промахнувшись мимо моего лица, громко чмокнула, поцеловав воздух. Она, должно быть, осознала насколько далеко она зашла, потому что остановилась, а я, воспользовавшись паузой, выкатилась из–под неё, вытянула простынь и завернула её как куклу, подоткнув со всех сторон. К тому времени как я вернулась из ванной с мягкой мочалкой в руках, намереваясь обтереть ей лицо и шею, она уже спала мёртвым сном, и только лёгкое сопение и чуть вздымающаяся грудь говорили о том, что она ещё жива.

8

67

Я потушила свет и разделась сама. Я вытянулась у самого края постели, подальше от Джанис, но так чтобы во сне не упасть на пол. Так я лежала некоторое время, с переменным успехом сражаясь с мыслями о Сэме, спящем в соседнем номере. Чтобы отвлечься и хотя бы немного успокоиться, я стала перечислять в уме предметы, находящиеся в её номере. Милая, родная Жени, что за беспорядок ты здесь навела! До какого состояния ты довела мебель! Эта же обстановка сохранилась здесь с тридцатых годов! Двуспальная кровать, несколько кресел, потускневшие краски картин, которыми были увешены все стены, даже на потолке был плафон, на котором с трудом угадывался сюжет, настолько от времени потемнел лак. Жарко. Окна, думаю, открывались в последний раз ещё до войны, а у подтекающей и тикающей чугунной батареи не было даже регулятора. И если бы не разбросанные повсюду её вещи, я бы подумала, что нахожусь в преддверии ада.

Её одежда была везде, на полу, где она её сняла, на спинках кресел, куда она её небрежно бросила, по углам, куда она её зашвырнула. Там, здесь, везде с полдюжины коробок с дешёвыми десятицентовыми бусами и застарелые пятна на вытертом от времени ковре от её свечей, принявших форму крошечных небольших озерцов. На одну из стен, с целью придать жилищу хоть капельку домашнего уюта, рукою Джанис был прикреплён обычными чертёжными кнопками дешёвый цветастый коврик в псевдоближневосточном стиле. В виде тента один, чаще несколько таких натягивала она через всю комнату при каждой остановке в её бесконечно кочующей гонке жизни.

68

Ещё один из её ковриков лежал подо мной на постели. Я закурила и поняла, что не засну. Подумала, что может не одна сотня тысяч мужских и женских особей из племени человеческого перебывала здесь, в этой постели, бок о бок с Джанис. Но не давала мне покоя одна мысль: желание быть в это время с Сэмом. Всего в каких–нибудь двадцати футах от меня через стенку, за тонким слоем штукатурки лежал он со скрюченным сморчком, приниженным мужской эмоцией, и чем больше разгоралось моё желание, тем явственнее проступало в сознании унижение, которое я испытала.

Солнечный свет просачивался в комнату через плотно завешенные старые, протёртые во многих местах шторы, и я

подумала о хрупкости нашего существования, но реальность была такова — вот лежит рядом со мною существо, страстно желающее, чтобы я любила её. Но запах! Запах, исходящий от неё, был настолько тошнотворен, что ни о каком физическом контакте не могло быть и речи.

Потом начала я думать о Кимми, затем, вдруг, мне стало ужасно стыдно за себя, что лежу я здесь. Перед моим взором выросла Кимми (ещё много лет пройдёт, прежде чем моя собственная героинозависимость приведёт меня к пренебрежению личной гигиеной), такая всегда ухоженная, сияющая. Не красотка с обложки модных журналов, но свежесть молодого атлетического тела, только что вышедшего из душа. Её, до неприличия похожую на молодого человека, спросили однажды при покупке билета на самолёт:

— Для кого вы покупаете второй билет, сэр?

Заговорчески посмотрев в мою сторону, она бросила ему:

— Для моей жены, для кого же ещё?

Я всё ещё хотела хранить верность Кимми, но лёжа в этом пропахшем, жарко натопленном номере, я чувствовала, что что–то произойдёт. И даже если наши отношения с Джанис переполнят мою чашу терпения… я понимала, что всё равно буду любить её. Несмотря ни на всё, я чувствовала необъяснимую тягу к ней. И пока она спала, я рылась в самых отдалённых закоулках моего разума. Почему? Никакого разумного объяснения этому я не находила. Я понимала, что наши отношения с Кимми рано или поздно изменятся и эти изменения принесут ей много боли и огорчения. Я понимала, что ради всех хороших чувств мне следовало сейчас же подняться, взять такси, мчаться в аэропорт и лететь ближайшим рейсом в Сан–Франциско. Но я этого не сделала. По какой–то необъяснимой причине я не могла. Как если бы была скована цепью.

69

Около восьми, после бесплодных попыток заснуть, я оделась и отправилась завтракать в одно место на углу 7–й авеню и 33–й улицы. Вернувшись, я легла снова, но не раздеваясь. Около полудня постучался к нам один парень из их группы.

— Джанис ещё спит, — зашикала я на него.

Но оказывается, она не спала. Я чуть не подпрыгнула, когда услышала её голос, так отдаются гулким эхом все звуки в каменоломнях.

— Ты занималась любовью со мной вчера вечером? — произнесла она, не отрывая головы от подушки и продолжая лежать с закрытыми глазами.

— Нет, — ответила я, — ничего не было.

— Что же тогда, чёрт возьми, произошло? — Спросила она, с трудом приподнимаясь на локте и щурясь на яркий свет. Белки её глаз были красные.

— Вы репетировали, сделали пробную запись, всё как обычно, затем ты напилась, и я отвезла тебя домой.

— И ты не занялась любовью со мной?

— Нет.

— Почему? — потерев глаза, она снова откинулась на подушку.

— Не думаю, что от этого бы тебе полегчало. Ты была слишком пьяна, чтобы что–то почувствовать. А если откровенно… я не намерена вкладывать свою душу, свою любовь и свою энергию в кого–то, кто так легко может их разбить своим…

— Э–э–эй …! — смачно проклокотала она.

— … и мне не нравится запах алкоголя или рвоты.

Эти слова пощёчиной отразились на её лице. На секунду она возмутилась, но тут же остыла. Она понимала, что именно она могла почувствовать, в каком виде она была вчера и, что я совершенно права.

— Ладно, но я по–прежнему хочу тебя, — произнесла она примирительным тоном.

70

— Хорошо, тогда прими этот чёртов душ и почисти зубы.

Слова почти произвольно срывались с моих губ. Никакого смысла я в них не вкладывала, никакого желания не было делать с ней что–нибудь.

Надув губы, она молча встала, позволила отвести себя в ванную и помочь сесть. Выдавив пасту на зубную щётку, я оставила её на раковине. Она отмокала некоторое время, но горячая вода не помогла успокоить её вдвойне раненные чувства.

Лёжа на кровати и слушая хлюпающие звуки, доносящиеся из ванной, я спрашивала себя, зачем, чёрт возьми, я ещё здесь. Единственное, что мне приходило на ум, это то, что сто тысяч со своими половыми инстинктами, готовы были занять моё место. И тут я осталась наедине с единственной мыслью. «А почему бы и нет? Для Сэма я пустое место, Кимми за три тысячи миль, Жени хочет меня и, кажется, любит».

Но её настроение уже поменялось. Вот не думала, что так глубоко могла задеть её чувства. Выйдя из ванной, она надела часы и произнесла:

— Я одеваюсь и ухожу. Уже поздно, а мне надо успеть сделать кое–какие дела.

Я даже не представляла, что за дела это могли быть. Особенно после ночи проведённой с ней, учитывая, в каком

состоянии она была. Ни те мысли, которые роились у меня в сознании.

— Прости, Джанис, меня. Я не думала испортить тебе настроение.

Хотя она уже не проявляла желания одеться, но всё ещё настаивала, что ей срочно нужно куда–то идти, и тут я поняла, что единственное, чего она ждёт, это моих извинений. Что–то вроде игры в кошки–мышки. Ну что ж, решила я, хочешь играть — давай. Поехали от противного. Я сняла обтягивающие трусики шортиками и топик с большим вырезом и стала с интересом наблюдать, как она с неохотой пытается надеть свои. Я принялась помогать её, но малышка глазами приказала мне прекратить игру. Проще простого. Я наклонилась и слегка лизнула один из её сосочков, затем нежно прихватив его зубками, стала любовно удерживать его секунд пять. Затем выпрямилась и поцеловала её в губы.

71

Характерная улыбка скользнула по её лицу. Удивление и радость, одновременно с недоумением и неуверенностью. Эта же улыбка появится на её лице ещё тысячи раз в последующие месяцы. Сидя на краешке кровати, мы продолжали целоваться, руками гладя друг друга. Мы посмотрели в глаза, и без слов обе поняли, что ещё не время.

— Может, отложим до вечера? — спросила я. — Так будет лучше.

Она кивнула и улыбнулась. Подарив ей ещё несколько нежных поцелуев, губы, ушки, грудь, мы встали и начали одеваться.

Обычный день Джанис. Позвонив в контору и выяснив, что Альберта Гроссмана не будет ещё несколько часов, мы отправились завтракать в одно местечко в Ист—Сайде под названием «Интуитивная прозорливость». Первым, чем Джанис решила побаловать свой желудок, было шоколадно–ореховое пирожное а–ля–мод. Я заулыбалась, но вид этого пирожного вызывал тошноту в моём пустом желудке. Позднее уже в конторе Гроссмана мне стало ясно, что она собиралась биться с продюсерами до последнего за свой следующий альбом Cheap Thrills. Я извинилась и провела остаток дня в Шератон МакАльпин, где проходил показ мод. Познакомилась с такими же как я покупателями, выпила с ними кофе и вернулась в Челси около восьми вечера. Портье направил меня в Эль–Кихот, мексиканский ресторан, примыкающий к гостинице.

Джанис была в баре, пила с одним из членов Старшего Брата и молодой парой из Сан–Франциско, Майклом и Пенелопой. Те

были дилерами. Однажды, рассказали они, продали мешок марихуаны, и это показалось им очень прибыльным делом. Теперь они занимались всем. Судя по их бросающейся в глаза крикливой одежде и весёлым комическим случаям из их практики, дела их шли хорошо.

72

Мы все расселись. И, пока они продолжали пить, я заказала мексиканский обед. Когда нам его подали, Джанис отослала его назад, устроив небольшой скандал. По её словам, еда была несвежая. Впервые я видела, чтобы она проявляла свою звёздность в ресторане.

Поев, мы вернулись в номер, полные сил. Мы уже готовы были отправиться на студию, как мне позвонила Кимми. Она узнала от кого–то, что я с Джанис, и была готова жалить как рассерженная оса. Начались упрёки с её стороны и оправдания — с моей, в итоге я разревелась. Джанис всё это время терпеливо ждала, пока я не повешу трубку.

— Ты действительно её любишь, или у вас с ней, так, ничего особенного?

— Да, люблю, и теперь я ужасно её расстроила.

Она обняла меня, и мы направились к лифту и, выйдя на скользкий от дождя тротуар, сели в такси. Понимая моё состояние, она всю дорогу молчала. Только в лифте в здании Коламбии она снова меня обняла и, поцеловав в щёку, прошептала:

— Не расстраивайся, солнышко. Мне больно смотреть на тебя. Любовь по большей части всегда приносит одни огорчения. Но даже получая удары, любовные страдания и способность любить и быть любимой много лучше, чем жизнь без любви.

В студии она усадила меня в операторской. После нескольких минут приготовления она вернулась и сообщила, что первую из песен, над которыми собиралась работать в эту ночь, она посвящает мне. Так вышло, что Little Girl Blue не попала в Cheap Thrills, но в конечном итоге была включена в следующий её альбом. Удивительный у неё был талант, никто никогда до неё так не пел. Она пела, думая обо мне, хрипловатым, но нежным, любящим голосом. Если даже и оставалось во мне неприязнь, если даже и не прошла горечь пренебрежения, то всё испарилось к тому времени, как она кончила петь.

73

Несмотря на непрекращающееся внимание ко мне со стороны Жени, весь вечер мне было грустно от грубых, неприятных слов, сказанных в мой адрес Кимми. Вдобавок к моему унынию в операторской нагнеталась напряжённая обстановка. Зашла

Джанис, и когда она как обычно поинтересовалась моим мнением, она спросила это таким по–матерински любящим тоном, что я сразу поняла, что на меня положили глаз эти звукоинженеры.

Дошло до того, что в какой–то момент, она обняла меня, уютно пристроившись на моём плече.

— Солнышко, не принимай всё так близко к сердцу, — прошептала она.

Затем помолчав, добавила:

— Почему бы тебе с ней не расстаться, раз она не даёт тебе и шагу ступить.

— Я люблю её, — вздохнула я.

— Но этот делает тебя такой несчастной — в определённых ситуациях.

Я промолчала, а Джанис снова пошла работать. Она пила, но уже не так как вчера. Она осторожничала. Когда запись подошла к концу, было уже четыре утра, и она потащила меня в одно местечко в Гринвич—Виллидже, открытое до утра. Пила она немного, а я потягивала свою коку. Всё что угодно, только не напиться, похоже, думала она.

Мы вышли из клуба с первыми лучами солнца, и небо быстро светлело над Ист–ривер. В такси по дороге в Челси она придвинулась вплотную ко мне, положив свою руку мне на оголившееся колено. Обычно я носила брючный костюм, почти эксклюзивное изделие для того времени. Но в тот запоминающийся вечер я надела очень милое платьеце.

— Вид тебя в платье, — прошептала она, — рождает во мне всякие фантазии.

— Рада, что оно тебе нравится, — сказала я, всё более и более осознавая, чем мы вместе займёмся дома. Странно, но, несмотря на томившее меня уныние, мысль эта несла мне облегчение.

9

74

Уже в Челси, стоя в ожидании лифта, меня вновь охватило беспокойство о том, что вот–вот начнётся грибная пора. Спиною чувствовала, что Джанис разглядывает меня. Вдобавок само здание давало мне время пробудиться властной черте моего характера.

«Чёрт, — думала я, — похоже, всё к этому и идёт, вопреки тому, что люблю я Кимми. Я более чем близка к этому, по какому–то роковому стечению обстоятельств. Ну так если этого не миновать, я должна выступить в роли инициатора, этим кораблём должен управлять искусный капитан».

Вот и лифт. Только за нами закрылись двери лифта, как она, положив мне свои руки на плечи, притянула к себе и стала меня целовать. Губы, язык, я не сопротивлялась. Меня начало штормить, но тут остановился лифт и мы вышли на нашем этаже. Взявшись за руки и прижавшись друг к другу головами, мы медленно шли, буквально плыли, как лунатики, две школьницы, сбежавшие с уроков, к себе в номер. У двери она стала рыться у себя в сумочке, ища ключ. Не найдя, она вывалила содержимое прямо на пол и, опустившись на корточки, стала рыться в груде рухляди, которую изрыгнула её сумочка.

75

Будто она не пропустила ни одного сто–йенника от Сан–Франциско до Нью–Йорка. Какие–то билеты; несколько цепочек для ключей; индийские колокольчики; два крошечных кошелька; мохнатый мячик с двумя выпученными глазами, нарисованные зрачки которых могли раскачиваться из стороны в сторону; ключи от машины; какие–то квартирные ключи; отвратительное, жёлтое пластиковое портмоне; две салфетки с напечатанными на них грязными шутками, которые она подобрала в одном из баров; пузырёк с машинным маслом; пара клочков бумаги с адресами и телефонами двух молодых парней, с которыми она недавно познакомилась и думала перепихнуться. Она перебирала этих кандидатов на выброс, скорчившись, как маленькая девочка присевшая пописать в лесу, и, наконец, нашла этот злополучный ключ.

Войдя, ненадолго включив свет, зажгла пару свечей, запас которых всегда возила с собой, и выключила электричество. Сбросив голубую с блёстками накидку, оставаясь одетой, стала кружиться по комнате, подбирая с пола вещи и разглядывая их, непрерывно щебеча о новых песнях, репетициях, критиках, обо

всём, что приходило ей на ум. Трогательное зрелище. Такая бывает вот Жени, напористая, пробивная, особенно после таких любовных переживаний, ласк и мокрого поцелуя в лифте, нервничая о том, что должно произойти, и не решаясь даже думать, чтобы нечаянно не проронить ни слова, которое могло бы хоть на мгновение задержать нас.

Наконец, остановившись у кровати, она перестала кружить по комнате, и я подошла к ней и начала стягивать с неё её облегающий топик. Но, похоже, она забыла всё, о чём мы только что говорили.

— Что ты делаешь?

— Я раздеваю тебя, — ответила я.

Моим действиям она не стала противиться, только тихо смотрела на меня. Я раздела её. Поцеловала грудь, и мы нежно опустились на кровать. Как ты понимаешь, я даже не успела снять свою кожаную куртку — ну так что ж, пусть я буду одна одета.

— Что ты делаешь? — снова повторила он свой вопрос.

— Ни слова, хорошо? Ни жеста против. Только не теперь. Сейчас не время.

Снова она промолчала. Я стащила с неё брюки и добралась до её тела, но она скользнула к подушкам, взбила одну из них, и взяла в руки Виллидж–Войс. Я чуть не взорвалась от смеха, глядя неё — на ней оставались только одни трусы — ей не хватало только развернуть газету! И что ты думаешь? Она увлеклась чтением какой–то статьи! Смешно ужасно. При свете двух свечей ей было почти ничего не видно.

Я потянулась к тумбочке и зажгла ночник. Было совершенно очевидно, что она страшно нервничала, ты скажешь, она стесняется многого, тогда я скинула туфли и, куртку повесив на спинку стула, бесцеремонно плюхнулась на кровать рядом с ней. Но так как по–прежнему горел красный, я положила голову её на плечо и притворилась, что тоже нервничаю. Так лежали мы несколько минут. Её неловкость прошла, и, наклонившись, я поцеловала её в щёку.

По губам Жени всегда можно прочесть, что у неё на душе. И вот теперь губы приняли знакомое мне очертание описывающее состояние нерешительности: чуть приоткрыты, ярко–очерчены. Положение губ где–то между «давай–я–жду» и «прекрати–не–хочу». Но я ошиблась, приняв за «поцелуй–меня». Нежно, скорее в дружественном, чем любовном поцелуе, я скользнула по её губам своими, затем снова вернулась к ним, но уже задержавшись чуть дольше, секунду–вторую удерживая их. Она не противилась и я, вынув из её рук газету, скинула её на видавший виды ковёр, даже

не взглянув на статью. Мягко спускаясь вниз, поцеловала животик и обвела языком вокруг пупка. Медленно изогнувшись, стала посасывать её бедро, подбираясь всё ближе к её выпуклым округлостям.

— Тебе нравится? — спросила я, но она предвосхитила мой вопрос энергичным вздрагиванием.

77

— Куколка, ты так вкусно пахнешь, — прошептала я. И действительно, с чем может сравниться запах свежевымытого тела! Я наслаждалась, всё более увлекаясь. Эта девочка, к которой вчера я внезапно почувствовала притяжение, безумно меня заводила.

Вырвался лёгкий стон, когда я начала нежно стягивать с неё трусики. Но внезапно её тело напряглось, хотя она и глубоко вздохнула во второй раз.

— Что–нибудь не так? — спросила я.

Она не ответила.

— Знаешь, — начала я, — тогда молчи, и это будет знаком того, что всё идёт хорошо. Я продолжу, хорошо?

Она по–прежнему не издала не единого звука, и я сняла их совсем. Я была уже почти у её ног, когда она подхватила меня за руки и притянула к себе.

— Я хочу, чтобы ты полежала на мне, солнышко, — тихо произнесла она. — Просто полежи, немного.

Я сделала, как она просила. Она обняла меня и начала целовать и посасывать мочку моего уха.

— О, моё солнышко, — прошептала она, заглядывая ко мне в глаза и обдавая меня жаром своего дыхания. — Мне так хорошо с тобой, моё солнышко.

Я приподняла голову и рассмеялась. Она поняла меня неверно, и, посчитав, что я смеюсь над ней и жестоко злорадствую над тем как она легко мне отдалась, оттолкнула меня и села на постели.

— Что случилось, куколка моя? Что я сделала не так?

Она помолчала, явно томясь сомнениями, затем спросила:

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Конечно! А ты разве нет?

Не дав ей продолжить, я поспешила добавить:

— Знаешь, не думаю, что это хорошая идея, нам с тобой так много говорить. Нам, думаю, совершенно нет необходимости в словах. Позволь мне продолжить, и, будь что будет. Ну а если ничего не получится, тогда ничего и не было.

Она чуть задумалась, и я без слов поняла, что она согласна со мной. Так мы молча лежали вместе, пока я не почувствовала

лёгкие подрагивания её тела. Ещё немного обождав, обняла её за талию и положила свою голову ей на плечо. Некоторое время мы не шевелились. В конце концов, будет неплохо, решила я, начать всё сначала. И приподнявшись на локте, наклонилась над ней и стала целовать её грудь, затем очередь дошла до её сосочков, лизнув их, начала покусывать. У неё была очень чувствительная грудь — моментально реагировала на прикосновение, и соски всегда напрягались, когда она заводилась. Она сделала слабое движение, как если бы хотела меня остановить, но меня уже понесло: «Хватит, — думала я, — ты сама этого хочешь, и ты это получишь, и неважно как часто ты играешь роль недотроги».

78

Если не считая того момента, когда она, обхватив меня руками, уложила на себя и стала целовать моё ухо, она не проявляла желания до сих пор прикоснуться ко мне. К тому же в этот вечер у меня не было ни намерения, ни желания — это я её хотела трахнуть. Итак, целуя и работая языком, я продвигалась всё ниже, пока моё тело не оказалось у неё между ног. Одной рукой по–прежнему поглаживая её животик, другой я раздвигала ей ноги всё шире и шире. Намерения у меня были самые серьёзные, и от удовольствия её начало потряхивать. Губы, язык, а затем то, что у меня получается лучше всего: посасывания, вылизывания, щипки и шлепки, пока сначала одним, затем двумя, а потом и тремя пальцами в самую глубину её норки.

Должно быть, так прошло минут пять, дыхание её участилось, стоны стали громче. Руки её скользнули вдоль живота, и пальцы вплелись мне в волосы, окутавшие её от талии до колен. И неожиданно она замерла.

— Да, солнышко. Да, родная. Да–да. О, Господи! О, Господи! Да! — вскричала она, и её тело изогнулось дугой.

79

Гораздо позднее, когда мы уже много раз доводили друг друга до оргазма, однажды я вдруг вспомнила, как быстро она тогда, в первый наш раз, кончила. И у меня зародилось подозрение, не притворяется ли она. Так и произошло позже: она призналась мне как то раз, что с парнями часто имитирует оргазм. Видишь ли, она считала, что если она не будет делать вид, что кончает, то как любовница она никому будет не нужна! У неё и в мыслях не было, что это могла быть вина парня (в моём случае — девушки), или же множество других факторов, которые могли бы сыграть не меньшую роль. Жени была убеждена, что неспособна кончать, и это её крест. И эта её чрезмерная самокритика, безнадёжность и ненависть к своему «я» как в кипящем котле пузырями стремилась вырваться наружу в почти

любом её начинании.

Со временем наши отношения крепли, любовные игры затягивались, не в пример желанию большинства её любовников–скоростелов, ведь перед искренней дружбой не устоять никаким барьерам. Поэтому с уверенностью говорю тебе, в нашу первую ночь она притворялась. Не то чтоб у неё были какие–либо сексуальные проблемы, со мной она всегда была способна на оргазм, да и с большинством из парней с которыми спала. Я знала достаточно парней, побывавших у неё в постели, и многие из них были опытными в этом деле и далеки от того, чтобы придумывать себе победы, и они не жалели диких эпитетов, описывая её поведение в постели. Всё говорит о том, что виноваты мораль и обычаи того общества, в котором она росла. Она так долго мучилась, что потеряла всякую веру, и во всём винила себя. Подтверждение этому её поведение со своими любовниками. И если она не кончала, то это исключительно было что–то не так в ней самой.

В ту ночь мы так и не сомкнули глаз. Мы просто лежали, обнявшись. Наконец, я поднялась, разделась и, оставшись в одних трусиках, снова легла к ней. Неповторимое умиротворение накрыло нас обеих. И отдохновение, спад эмоционального напряжения, к которому мы подбирались так постепенно несколько дней, а точнее сказать, уверена, несколько месяцев (если не всю жизнь), наконец наступило. Она стала нежной, открытой, любящей, там, где раньше была зажатой и невероятно парадоксально напряжённой.

80

— Я здорово удивилась тогда, обнаружив тебя в комнате Сэма, — были первые слова, которые она произнесла за весь вечер.

— Да что ты, — рассмеялась я, — скорее похожа была на разъярённую ревнивую львицу!

— Думаю, ты права, я сильно приревновала, — улыбнулась она.

Немного помолчав, по–матерински провела ладонью по моей голове:

— Вижу, ты в самом деле влюблена в него, я права, да?

— Да, — прошептала я, выдавая своим поведением себя с головой.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю. Даже не представляю. Кимми. Я её очень люблю. Но мне безумно нравится и Сэм.

— Не ты первая и не ты единственная, — спокойно произнесла она, без тени недовольства, учитывая наши с ней

отношения.

Я привожу этот разговор, чтобы показать, что, несмотря на то, что мы с Джанис не упускали ни единой возможности, чтобы не покувыркаться друг с другом, это оказывалось единственным, что я хотела получить от неё, а она от меня.

— Отнюдь не первая, у этого длинноволосого сукина сына, мать его, — повторила она.

— И много женщин ходит за ним?

— Толпы, — сказала Джанис. — Один Бог знает, чем он их так привлекает…. Некоторых я хорошо знаю, но рядом с ним они становятся стадом глупых овечек, вот так–то, солнышко.

— Почему такое происходит? Чем он на них так воздействует? Я это и на себе почувствовала.

— Никакого волшебства, солнышко. Сэм Эндрю, прекрасный Сэм с великолепными длинными светлыми волосами а-ля Дикий Билл Хикок умеет заговорить девушку. Он впускает свой яд в её мозг через её маленькие ушки, мать его.

Я замерла и тихо лежала так, переваривая сказанное ею таким спокойным, скорее таким равнодушным, голосом, что всё моё нутро воспротивилось поверить этим словам. Вдруг я заметила, что она, повернувшись ко мне и облокотившись на локоть, внимательно следит за выражением моего лица. Думаю, она поняла, что вместо того, чтобы думать о ней, как она хотела, я думаю о нём. Она сделала движение и легонько коснулась меня рукой.

— Ты не жалеешь, что трахнула меня сегодня ночью, солнышко?

— Нет, что ты, — поспешила прервать её я, удивлённая таким поворотом. — Конечно нет. А ты?

— Нет, конечно. Мне очень понравилось. Мне было хорошо с тобой.

— Зачем же ты тогда спрашиваешь?

Она, видно, колебалась, зависнув где–то между слабой улыбкой и ещё чем–то, что я никогда не смогла бы описать. Затем, притянув меня к себе, накрыла мне грудь своей ладонью и прошептала:

— Я лишь хотела удостовериться, солнышко. Просто хотела удостовериться.

10

82

Уже в Сан–Франциско несколькими днями позже меня стали преследовать вопросы о нас с Жени. Что за причины, сделавшие её такой? Что за одержимость к физической реализации мною, как женщиной? И что толкнуло меня, влюблённую в другую (и к тому же безнадёжно безумно влюблённую в другого) поступить так как я поступила? Что меня так тянет к Джанис? Возможно, исчерпывающего ответа нет. Но что–то общее, чувствовала я, было между нами, в том жизненном опыте, в том окружении, в каком росли мы обе, и это ли общее сблизило нас в тот вечер в гостинице Челси? Это проверить не трудно. Нет ничего в мире более естественного промелькнувшего в сердце реактивным самолётом мимо открытого окна воспоминания и холода уходящей зимы деревенских просторов, проникающего в твоё тело отовсюду.

Раз речь пошла о моей жизни, надо сказать, что мы с Джанис разные, такие же разные как обрывистый тихоокеанский берег Биг–Сюра и болотистая дельта Миссисипи. Только две травмы омрачили моё детство. Первая связана с моим самым ранним воспоминанием. Мне было три, может быть, четыре. Помню слёзы матери на нашей кухне. Нам пришлось переехать из нашего милого дома в одном из самых уютных районов Ковингтона, штата Луизианы, в обветшалое строение со множеством соседей. Мой отец был и есть — игрок. Думаю, мы из–за него потеряли наш дом. Думаю, проиграл в карты. Переезд не мог не отразиться и на мне, но последовали пять лет солнечной беззаботной детской жизни под южным солнцем прежде, чем я испытала новое потрясение.

83

Я была всего лишь ребёнком, и мои родители обращались со мной как с принцессой. Они поженились, когда ему было уже к сорока, а ей только исполнилось двадцать, и я была очень привязана к своей матери, а его я воспринимала скорее любящим дедушкой. Ну что ж, расту без отца. Так думала я и выросла в обаятельного, симпатичного подростка, невероятно популярного в нашей школе. Эту свою популярность я уже осознала к концу шестого класса, меня тогда выбрали королевой майского карнавала, что для подростка в этом тихом, сонном южном городке равносильно быть избранным в Президенты, а мне было лет одиннадцать–двенадцать, и прошло уже два года с того времени, когда в трёх кварталах от моего дома меня изнасиловал

один громила: рубашка–ковбойка, джинсы и высокие охотничьи сапоги.

Я играла со своими школьными подругами на пустыре — тогда он казался мне настоящим лесом. Заросшее высоким кустарником место. Мы собирали ветки, обломки досок, опавшие листья и строили из всего этого замки, крепостные стены и секретные убежища. До того дня, для меня «наш лес» был наполнен бесконечными играми в бесстрашных копов, безжалостных разбойников, кровожадных индейцев и ловких ковбоев, невинными играми с воображаемыми стрелами луками, ружьями и пистолетами. Было время ужинать и всех остальных детей разобрали по домам. Не помню почему, но я задержалась, то ли замечталась, то ли просто присела отдохнуть.

84

Сгущались сумерки. Мужчина вынырнул из ниоткуда. Он был невероятно громаден, но он был белый, и я не испытала страха, сначала, пока он не приблизился ко мне почти вплотную, и я не увидела необычный блеск в его глазах. Я побежала. Но он тут же меня поймал и заломил мне руку за спину. Меня охватил такой ужас, что я даже не закричала. Одним рывком он расстегнул блузку и сдёрнул с меня, затем так же быстро он расправился с моим ремнём, джинсами и трусиками. Одним движением руки он повалил меня на землю, развёл мне ноги и, удерживая их так ладонью, свободной рукой расстегнул молнию и высвободил своего джека на свободу. Несмотря на то, что я оцепенела от ужаса и страха, что кто–то может нас увидеть, меня поразила его величина, я в жизни до сих пор никогда подобного не видела.

Пять минут прошло в попытках пропихнуть всю его длину в меня. Мне казалось, он весь во мне. Но это не так. Я была ещё совсем неразвита. И я до сих пор не знаю, кончил ли он тогда или нет, поскольку после его диких дёрганий, причинивших мне только боль, он вдруг вскочил и убежал, оставив меня лежать там, рыдающую.

Меня трясло. Между ног было сыро и всё горело. Я наклонилась посмотреть, шла кровь. Собравшись с силами, подобрав одежду, я побежала домой и постаралась незаметно проскользнуть через заднюю дверь в ванную, чтобы только не увидели родители.

— Пора ужинать, — услышала я.

— Сейчас! — крикнула я, вытирая слёзы платком. В зеркале на меня смотрел тот мужчина. Ничего не чувствовала, кроме горящего своего тела и стыда.

— Родная, что случилось? — спросил отец, когда я присоединилась ко всем на ужин.

— Ничего, — произнесла я и быстро добавила, — Джек толкнул меня, когда мы играли. Вот и всё.

Они что–то заподозрили, но расскажу, всё по порядку. Позже, когда отец взял меня с собой в бакалейную лавку, расположенную в десяти кварталах от нашего дома, тот человек был там. Я ухватилась за полу отцовского пиджака и спрятала в неё своё лицо.

85

— Что с тобой, Пегги? — спросил отец.

— Ничего… ничего.

Тот человек, завидев меня, тут же вышел, и больше я его никогда не видела.

Как под копирку прошли годы средней школы. Я стала даже ещё популярнее и в первый же год победила в конкурсе «Любимица класса».

Я не понимала тогда многого, но Ли Харви Освальд вошёл в мою жизнь, когда я была в седьмом классе. Он то появлялся в школе, то исчезал — его матери приходилось мотаться все эти два года между Ковингтоном и Новым Орлеаном. Он был странным, плохо уживающимся со сверстниками, один из так называемых «проблемных детей», с которыми педагогам приходится «работать». Он был моим одноклассником, и для меня не было секретом, что беднягу всегда мучили какие–то сомнения (рос он без отца), но горечь и мстительная его природа не позволяли приблизиться к нему. Одноклассницы его раздражали, но и среди парней, похоже, у него не было друзей.

И с места в карьер — в первый же год — он заставил говорить о себе всех (и говорят всякое до сих пор, годы спустя, как он застрелил Президента).

Несколько недель от него только и слышно было, что он ненавидит нашего трудовика. Меня не было тогда в классе, но я слышала, как рассказывали. В одну пятницу, как только после занятий все учащиеся покинули школу, нашего учителя труда заперли в шкафу. Кто–то (а я не сомневалась, кто это мог быть, хотя ребята и говорили разное), впихнув учителя в шкаф, навесил снаружи большой амбарный замок. Бедный этот сукин сын просидел запертым в этом чёртовом шкафу все выходные. Каким–то образом вопли и стук бедняги не были услышаны вахтёром, а так как в школе не было ночного сторожа, обнаружили его только утром в понедельник, голодного и измученного. Учитель слёг и проболел всю неделю. Школьная администрация с пристрастием опросила каждого из нашего класса, но так ничего и не выяснила. На переменке я подошла к Ли Харви и спросила напрямик, как он в одиночку смог с ним справиться. Вместо ответа он только

широко улыбнулся.

86

Мне немного не хватило голосов в восьмом классе, и я утратила титул «Любимицы класса», но в следующем же году я победила снова и удерживала этот титул уже все оставшиеся до окончания школы четыре года. Я ничем не отличалась от других девчонок нашего класса: увлекалась мальчиками, участвовала в спортивной танцевальной группе поддержки (став вскорости капитаном команды) и прочно стояла на ногах, но в отличие от других я не меняла парней — на протяжение этих четырёх лет у меня был только один парень.

Его родители — убеждённые баптисты. По религиозным соображениям курение и алкоголь были под запретом. За все эти четыре года нашего общения мы не выкурили ни единой сигареты и избегали даже запаха алкоголя. Но к сексу (по крайней мере, ко всему остальному, но только вдали дома) было совершенно другое отношение. Надо сказать, до шестнадцати я не разрешала ему полноценную связь. Да и то, только единожды — в моё шестнадцатилетие. Но мы виделись с ним шесть дней в неделю, пока между нами не пробежала чёрная кошка. Мои родители, должно быть, думали, что один проведённый порознь день, может уберечь меня от нежелательной беременности. Если бы они знали подробности всех наших остальных шести вечеров, у них бы сердце остановилось.

И пока я «была паинькой», мы подробно проходили всё остальное. В пятнадцать я позволяла ему доводить меня до оргазма руками. И в последние полгода до моего шестнадцатилетия он ежедневно сносил мне голову. Как мне это нравилось! Я всё время находилась в предвкушении большего. Но от меня он ничего себе не получал — я уже была осведомлена о том, что вытворяли все мои одноклассницы, но отказывала ему каждый раз. А он так горячо любил меня, что был счастлив и тем, что я позволяла ему проделывать со мной.

87

За неделю до моего шестнадцатилетия мы с ним в очередной раз поссорились. Я узнала, что он стал встречаться с одной из моих лучших подруг — и она спала с ним! Но я за все эти годы сильно привязалась к нему, и после взвешивания всех «за» и «против» я, выслушав его оправдания «Как ты думаешь, почему я с тобой, ведь я всё могу получить от неё?», я решила отдаться ему. Я не думала, что это могло изменить полностью мою жизнь, я только думала, если хоть один раз он проделает это со мной, то тогда загорится ему зелёный, и если мы снова будем вместе, то будем уже настоящей парой. Так я смогу его вернуть.

Всё произошло накануне моего дня рождения на заднем сиденье его машины. Столько удовольствия я ещё не испытывала, и так как он проделывал это со мной много раз рукой, боли я не почувствовала, и леденящий душу страх испарился. Но когда он вошёл в меня, передо мной возник яркий образ того мужчины, который надругался надо мной, когда мне было всего девять лет. Но не он меня ввёл в такой ступор, что я почти ничего не чувствовала — страх забеременеть сковал меня. Я ничего не знала о безопасных днях, потому что у меня ещё не наступили месячные и только много позднее, когда мне уже было двадцать один, они начались. К врачу я никогда не обращалась, потому что моя мать была уверена, что это у меня наследственное. У неё самой менструации начались то ли в девятнадцать, то ли в двадцать.

Так или иначе, но следующие несколько месяцев я провела в страхе, так полностью и не получив должного удовлетворения от проникновения. На самом деле опасаться было нечего, но этого я тогда не знала. Я не забеременела. Но уже ни разу больше не позволяла ему проделать это со мной снова. И никому не позволяла. Пока не повзрослела настолько, чтобы выбирать самой.

11

88

До встречи с Джанис, помимо Кимми, я была влюблена в трёх женщин, а о той бесконечной череде самцов вообще не стоит и вспоминать. Первой была Пэт Нэпьер, моя подруга по Перкинсон Джуниор колледжу в Миссисипи. Красивая и чересчур популярная, да ещё ко всем её качествам — капитан танцевальной группы поддержки. Первое, что меня привлекло в ней, это её безудержная жажда жизни, не найти другого такого заводилы в нашем студенческом городке, как она, и я страшно гордилась её дружбой со мной. В первые же выходные после знакомства она пригласила меня к себе домой в Билокси, в тот вечер она повела со мной слишком откровенно, я тогда испугалась, я была более романтически настроенной тогда, и когда она стала приглашать к себе домой другую — мне было не удержать потоки слёз. Я представляла, вот в следующий раз она зовёт меня, а я… я отказываю ей!

Так прошли долгие четыре недели (или меньше? — они мне показались тогда вечностью) и я решилась поговорить с ней. Голос срывался, временами я истериковала, неужели я такая же как она? У меня в то время был один парень, который вскружил мне тогда голову так, что у нас могло бы что–то получиться в дальнейшем (но к своему телу я его так и не подпустила). Мне казалось это единственно естественным, и поэтому оставшиеся два года учёбы в Перкинстоне мы с Пэт оставались только хорошими подругами.

89

Пэт училась на курс выше моего и уже работала стюардессой на внутренних рейсах из Нового Орлеана авиакомпании Дельта, когда я ещё была на втором. Несмотря на то, что меня несколько шокировали её лесбийские подруги, почти каждые выходные я дополняла эту компанию до квартета, Французского квартета — как мы себя называли. По окончании учёбы я так же как она стала стюардессой в Дельте. В первый же день меня перевели в Майами. Не поверишь, но уже через несколько дней туда же перевели и Пэт, и нас поселили вместе. Она не приставала ко мне, потому что была увлечена другой стюардессой Дельты, оставшейся в Новом Орлеане. Но чем дольше мы жили вместе, тем ярче стали проявляться во мне старые чувства к ней. И вот в 1960 году мой возлюбленный, тот который на моё шестнадцатилетие забрал моё сердце, женится! В тот вечер, когда я узнала эту новость, я страшно напилась. В отчаянии я отдалась Пэт. Меня уже не

пугало, что я могу стать лесби! И кроме того по–прежнему Пэт исчезала на выходные в Новом Орлеане у своей подруги. Но наши с ней ночи любви продолжались и вскоре её исчезновения стали каждый раз разрывать мне сердце.

Так прошло полгода, и нас снова перевели в Новый Орлеан, вместе. Но Пэт вернулась к своей старой подруге. Я «окрепла», словно этот перевод стал для меня билетом во взрослую жизнь. Я стала посещать лесбийские клубы и влюбилась в одну дикую, пышущую здоровьем, яркую красавицу, звали её Линда Фриман. Её отец был каким–то важным тузом в Джаксоне, штат Миссисипи. Она жгла деньги, как если бы это были старые ветки виргинского снежного дерева, она почти на каждые выходные приезжала в Новый Орлеан на своём стареньком кабриолете, и кондиционер не справлялся с жарой, несмотря на то, что верх она всегда держала опущенным. Судьбе было угодно, чтобы вскорости у нас начались очень тесные взаимоотношения.

90

Она по–настоящему была безумна, но она мне нравилась, и я ей тоже. Мы боялись, что про нашу связь узнают в её городе, ведь Джаксон был расположен совсем близко, поэтому мы решили переселиться в Нью–Йорк. Мы жили там целых шесть месяцев и любили друг друга практический каждую ночь. Точнее, нужно мне сказать, она проявляла активность, не позволяя мне ничего по отношению к ней. Этот был её пунктик. Она набрасывалась на меня, словно дикий зверь, каким она и была на самом деле, удовлетворяя свою страсть с таким остервенением, что часто доводила меня до исступления наплывающими на меня один за другим оргазмами.

Линда почти всегда была немного грубовата со мной, доходило до того, что иногда размашисто шлёпала меня раз или два. Всё кончилось однажды вечером. Мне позвонила Пэт Нэпьер. Просто звонок — как дела, и всё такое. Но Линда жутко ревновала меня к Пэт. Она просто озверевала. Глаза наливаются кровью, лицо становится синевато–багровым — подбежав ко мне, она выхватывает у меня из рук трубку и со всего размаха ударяет ею меня прямо в ухо, так что я на некоторое время даже оглохла. Спустя полчаса слух постепенно стал возвращаться, и я сказала Линде, что всё между нами кончено.

Из Нью–Йорка она уехала, а я начала встречаться с парнями, с милыми еврейскими мальчиками, по большей частью изучающими медицину или юриспруденцию на Манхаттане. С конца лета 1961 как я поселилась в Нью–Йорке у меня уже было много знакомых среди голубых. Я по–прежнему работала в авиакомпании Дельта, но уже не летала, и часто после работы

проводила с одним из них время. Я просто тусовалась, время от времени проводя с ними ночь в постели. За те два с половиной года моего пребывания в Нью–Йорке, которые окончились в феврале 1964 года моим решением переехать в Сан–Франциско, я никогда не спала ни с одной женщиной.

91

Не помню, как во мне созрело решение отправиться на Западное Побережье. Думаю, я просто уже готова была к переменам. Мои взаимоотношения с Пэт и Линдой начали меня раздражать, а с Запада поползли слухи об удивительном Сан–Франциско… и увлекли меня. Я подумала, что, может быть, я смогла бы начать новую жизнь — жизнь без связей с женщинами, а что может быть лучше, — начать её в новом для меня городе?

Я влюбилась в Сан–Франциско с первого взгляда. Но в первые дни я испытывала жуткое одиночество. Одиночество и ощущение стерилизованности были уравновешены, однако, невероятным умиротворением, царящим вокруг и возможностью в тиши подумать над собственным я. Я часами просиживала перед телевизором и в одиночестве ходила в кино, размышляя над своим житьём–бытьём. Ведь мне уже было двадцать четыре. К несчастью, так случилось, что квартирку себе я нашла в районе Хайт–Ашбери. Но, тем не менее, я не превратилась ни в разговорчивую соседку, ни в какой–либо степени слившейся с толпой. Я со своими платьями в стиле пек–н–пек и брючными костюмами выделялась на фоне, сандалий, джинс и ковбоек хиппи, хотя со временем и я влезла в такую одежду.

После года полного одиночества, только в начале 1965 года у меня начали появляться друзья. И парни, но по большей части девушки, одна из них, сногсшибательная красавица–лесби, Кэрол Смит. Она родилась и выросла в Сан–Франциско. Но в описываемое время она жила в Лагуна—Бич, где у неё магазин антикварной мебели, но по–прежнему её можно встретить в городе, куда она регулярно приезжала повидаться со своими старинными друзьями. Со своими пятью с половиной футами и великолепной фигурой она побывала в Европе, где потерпела фиаско в модельном бизнесе. В это трудно поверить — её кожа, её зубки, её невозможно красивые длинные каштановые волосы, а её тёмно–фиолетовый глаза! Чтобы тебе легче было её представить, вообрази нечто среднее между стройной Элизабет Тейлор и другой одной актрисой, Барбарой Паркинс. Кэрол была так ярка, что мужчины, задерживая шаг, оборачивались, а проезжающие машины останавливались, чтобы лучше рассмотреть её.

92

До того как познакомилась с Кэрол, я никогда не пробовала

марихуаны, а о кислоте и в мыслях не было. Дело было так, у одного парня, которого все кругом звали Кислотным Королём, была подруга из химлаборатории университета Беркли, и у него всегда водились таблетки наподобие аспирина. Через запутанную «представительскую» сеть Короля LSD шла за двенадцать с полтиной. Однажды, в гостях у наших общих друзей, Кэрол предложила мне одну–две, но я струхнула, я ужасно боялась опять влюбиться, теперь в неё, так как я совершенно не представляла какой эффект произведёт на меня кислота. Уже позднее, из каких побуждений теперь уже один чёрт может разобраться, тоже на вечеринке, устраиваемой нашими подругами, я согласилась.

Не прошло и тридцати минут, как я отправилась в незабываемое путешествие. Галлюцинации, переосмысления, метаморфозы, эмоциональные взлёты и падения, соприкосновение с или, по крайней мере, осознание сверхбытия, увело меня ввысь, расстраивая привычные стандарты восприятия и расцвечивая окружение всеми цветами радуги. Где–то на полпути я рассмеялась от одной идиотской идеи — неплохо бы попробовать совратить Кэрол, ведь за плечами у меня был опыт подобных связей. Затем два других ощущения слились в одно, ведь я каждый раз вздрагивала от одной только мысли, что поутру надо идти на работу, так я ненавидела её, и ответ пришёл сам собой, как избежать в себе это чувство ненависти: я открою магазин модной одежды прямо здесь, на Хайт. И пока я с переменным успехом удерживала эту идею среди потока психоделических картин, возникающих в моём подсознании, мы с Кэрол обнявшись медленно продвигались в сторону задней комнаты, где нас дожидалось уютное ложе.

Никаких вопросов, никаких возражений. Никаких прелюдий. Кислота буквально втолкнула нас в мир любви, как какое–то неземное солнечное топливо. Чистое безумие. Раскрылись её уста, и я не понимала, что именно целую, даже по вкусу не могла различить. Напротив, какого вкуса они должны быть, думала я. Из кончиков пальцев, касающихся её тела, сочилось электричество. Они приобрели сверхчувствительность воздушного прикосновения. Погрузив пальцы в её норку и разгладив каждую складочку, мне казалось, что она увеличилась не менее чем в десяток раз. Восприятие абсолютно изменилось.

Инициативу перехватила я, руками её исследуя, облизывая, жуя или сося различные части её тела. Последовала ответная реакция, и чувства унесли меня в заоблачную высь. Затем — шестьдесят девять. Но я не испытала тогда к ней ничего кроме

сексуального влечения. Ну, может быть, и ещё что–то. Что–то тёплое, доброе, но совершенно ещё смутное.

С закрытыми глазами я видела цветастые взрывы, сопровождаемые волшебными звуками и ощущениями, каскадами обрушивающимися на меня. Вот её ухо, я внутри его. А вот я уже в её носу. Странный удар, прямо внутри живота. Я взглянула на догорающие свечи, вид струящегося оплавленного воска вызвал во мне нестерпимый ужас. Потоки были огромны и необычайно прозрачны. Где–то в доме прорвало трубу, подумала я, и мы все сейчас утонем.

Но тут в комнату вошла одна из наших подруг, посмотреть всё ли с нами в порядке после кислоты. Только позднее я поняла, что она была только в одних джинсах, а тогда она показалась мне кем–то средним между женщиной–кентавром, если, конечно, такие были, и единорогом. У неё точно было тело лошади, но оголённый торс — торс девушки, причём изо лба вырывался витой поток сладкого взбитого крема. За ней в комнату вошли остальные гости, но мы с Кэрол остановиться были не в силах. Одна из девушек была с лицом ангела, но когда она приблизилась к нам, её лицо вдруг исказилось в ужасной гримасе, а на голове выросли рога, вточь как у дьявола. Другая превратилась вдруг в громадную, с разноцветными крыльями бабочку–монарх.

Наконец нас с Кэрол сотряс оргазм (это ощущение оставалось в моём теле ещё несколько дней спустя). Затем, немного переведя дух, мы решили прогуляться и найти отдохновение ещё где–нибудь. Мы вышли и поехали по направлению к парку Золотые Ворота. Ехать было совсем близко, но для нас тогда дорога показалась ужасно тяжёлой. Представь только, в каком состоянии мы были, никто из нас не мог бы даже толком сказать, как далеко мы отошли от машины, которая на самом деле стояла прямо перед нами. Парк оказался именно тем местом, которого нам тогда так не хватало. Росинки на деревьях, свешивались огромными отполированными кусками мрамора. Заглянув в них, навстречу мне понеслись радужные отражения.

94

Как только забрезжил рассвет, патрульная машина притормозила около нас, вылез коп и спросил, чем мы здесь занимаемся.

— Просто гуляем, офицер, просто гуляем, — сказала я, так как Кэрол, а затем и я сама, заразительно рассмеялись.

Вдруг Кэрол рванула и побежала к деревьям.

— Что это с ней? — обратился коп ко мне.

— О, ничего особенного, просто она счастлива и полна

энергией.

— Ладно, но в этот час опасно находиться в парке, — добродушно побеспокоился он. — Что–нибудь нехорошее может случиться.

— Да, я знаю, — сказала я, и его лицо стало небесно–голубым. Голубыми стали его ладони рук. Казалось, это не коп стоит передо мной, а какой–то клоун во взятом напрокат полицейском костюме. Только осознание того, что он может нас посадить под замок, зашевелилось у меня где–то внутри, как его лицо стало меняться. Медленно его губы стали расползаться и стали огромными как у конголезских убанги. Взглянув ему в глаза, я увидела, как по капиллярам его мозга струится кровь, увидела все подробности спрятанные под его черепом.

— Вам следует немедленно покинуть парк, — услышала я под грохот его ресниц.

— Пойду, найду свою подругу, — ответила ему я.

Я поднялась и пошла. Нашла я её за ближайшими деревьями, прыгающую как кенгуру.

— Возьми себя в руки, тут рядом полиция.

— А? Что?

Мои слова на неё, казалось мгновенно, подействовали.

— Он понял? — спросила она. — Понял он?

— Нет, — взяла я её за руку. — Пошли, пошли, найдём нашу машину, он отвезёт нас, и будь что будет.

95

Вдвоём мы с Кэрол все следующие шесть месяцев не слезали с кислоты. Вплоть до начала июля 1965 года. В апреле того года я открыла свой бутик, продолжая работать в авиакомпании Дельта. Магазин был открыт только в выходные и ещё пару дней по будням. Он мог бы быть моим прикрытием, если меня уволят, но я ждала. Всё моё внимание было обращено на наши всё возрастающие взаимоотношения с Кэрол, и я набирала обороты.

Прошло всего несколько недель с того первого с Кэрол кислотного путешествия, как я попробовала спиды. Это случилось в Лагуне, куда я поехала, когда Кэрол не приехала в Сан–Франциско. Мы всюду были вместе с того самого дня, и кислота, принимаемая нами по выходным, сцементировала нас не хуже самого крепкого клея. (Кислота стала обыденной вещью на Хайт, и по будням я торчала вместе с другими своими подругами.) Наши отношения сдерживались временем и расстоянием. Но если нам с Кэрол удавалось воссоединиться, наши эмоции зашкаливали, ничто не могло нас удержать, думаю, в то время не было в этом нам равных.

Как ни мила она была, некоторые черты характера Кэрол

меня тревожили. У неё был один пунктик. Занимаясь любовью, она всегда пускала в ход разные предметы, будь то банан, или искусственный фаллос, или ещё какая–нибудь штука, всё что попадалось под руку, лишь бы размер подходил. Но в большинстве случаев я была категорически против; если честно, эти штуки меня никогда не заводили, более того, у меня пропадало всякое желание. Раз–другой она надевала на себя «кожаный нож» и трудилась надо мной как мужчина. А однажды, это было в Мексике, она стащила из ресторана большую наполовину пустую бутылку кетчупа и, наполнив горячей водой, взяла её с собой к нам в постель. И вот когда я уже была близка к оргазму в помощь к своим пальцам и языку, она схватила эту пластиковую бутылку и начала меня ею сверлить. Горячая вода излилась в меня, вточь как это бывает у мужчины после долгого воздержания.

Я не разделяла её энтузиазма по поводу разных предметов, к которым Кэрол питала такую страсть, но она была так красива и так мне нравилась, что позволяла ей убедить себя, что ничего страшного в этом нет. К тому же я уступала её настойчивости, так как долгое время она была верна мне, никого другого у неё кроме меня не было. Не думаю, что она знала, что для меня это так важно. И ещё, думаю, она даже не догадывалась, что мне тоже могло бы хотеться принять активную роль. И, в конце концов, я оказалась сыта по горло. Но я так от неё заводилась, что однажды, пусть я её и потеряю, но рискнула и совершенно её изнасиловала.

Она уже долго надо мной трудилась, и я не раз безуспешно пыталась поменяться с ней ролями. Доведённая до отчаяния, я в ярости оттолкнула её и выскочила из постели.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — вскричала я. — Мне всё это надоело, я не собираюсь повторять это одно и то же сотню раз снова! Думаешь, я не люблю тебя? Это одностороннее дерьмо абсурдно!

Видела бы ты её изумлённые глаза в тот момент! Перед ней стояла совершенно другая девчонка, которая с тех пор, как мы познакомились, ни разу, ни единого разу не захотела сама трахнуть её. Я всегда была излишне пассивной, и эта моя выходка стала для неё как удар молнии средь ясного дня.

— Мать твою, — разразилась я бранью, попав в самоё её уязвимое место и опрокидывая её на постель. — Я не собираюсь быть больше твоей куклой!

Она попыталась увернуться от меня, но я навалилась на неё всем своим телом. Но должна сказать, что в тот раз я только целовала её и сосала всюду, куда могли добраться мои губы.

С того дня наши отношения стали более, я бы сказала, естественнее, и удовольствие, которое мы получали от общения друг с другом, приняло новую форму. Мы сблизились ещё больше, но всё чаще и чаще я стала замечать необъяснимую грусть в её глазах, оказалось, она была недовольна своей работой, а точнее своим партнёром по бизнесу. Её подавленное настроение было связано с тем, что она всё время получала меньшие суммы, чем те на которые рассчитывала, и в июле 1965 года я получила от неё письмо, в котором она сообщает, что решает переехать в Сан–Франциско, чтобы быть уже всё время рядом со мной. Сперва я была своя–не–своя от радости, но к концу письма я уже рыдала. Письмо было отправлено восьмого, и шло оно целых два дня, а девятого я получила телеграмму от её родителей. Доведённая до отчаяния (думаю, не обошлось здесь без кислоты) Кэрол приставила пистолет 22–го калибра к своей голове и выстрелила.

97

Следующие несколько месяцев после смерти Кэрол я провела как во сне. Мне бы вынести урок из её трагедии, но я только продолжала отправляться в кислотные путешествия раза два в неделю. Начала курить дурь, пытаясь заглушить вселившийся в меня ужас, рождающий нестерпимую боль в сердце и временами превращающий моё тело в наэлектризованную субстанцию. К ноябрю я взяла себя в руки, ушла из Дельты и посвятила себя полностью своему магазинчику модной одежды. В течение первой половины тех семи месяцев, которые разделяли самоубийство Кэрол и мою встречу с Кимми в феврале 1966 года, я жила жизнью овоща. В полном одиночестве я заправлялась дурью и кислотой, и ни одного парня, ни одной цыпочки не было рядом со мной. Но с того дня как мой бутик был открыт ежедневно, я мало–по–малу отошла от своих дважды в неделю путешествий и полностью окунулась в работу. К Рождеству 1965 года с кислоты я соскочила окончательно. За месяц до того, как я спраздновала годовщину открытия моего магазинчика в День Смеха 1966 года, Кимми плавно вошла в мою жизнь. Уже через пару недель она поселилась у меня. И в течение всего следующего года, вплоть до марта 1967 года, наша дружба выросла в бесподобные и красивые отношения. Но в конце того года я встретила Жени, и они завершились после той первой случайной ночи в гостинице Челси.

98

К тому времени я была сильно влюблена в Кимми, как только может один человек любить другого. Не спрашивай меня, зачем мне нужны были парни в то время. Просто я такая. Но затем появилась Жени. Началась связь, которую я не в силах объяснить

или дать ей определение даже сейчас, спустя уже более двух лет после её смерти.

12

99

За все четыре года, как мы были с ней знакомы, Джанис почти ничего мне не рассказывала о своей жизни до нашей встречи. Она жила полностью настоящим, и с таким возмущением и негодованием упоминала о своём прошлом, что только в те редкие дни, когда её охватывала неожиданная беспечность (или когда что–нибудь ей напоминало) можно было услышать о событиях из её прошлого. Но даже в такие моменты желание Жени стереть из памяти те дни настолько овладевало ею, что рассказы её были настолько фантастичны, что я затрудняюсь даже в общих чертах обрисовать её ранние годы. Но были и другие, кто знал, кто кусочек, кто небольшую часть, а кто и огромный ломоть её жизни, до того как мы с ней встретились. Их рассказы позволили мне уложить разрозненные детали в более–менее связную картину. Её отец, во–первых. Затем Чет Хелмс, импресарио Старшего Брата, и Травис Риверс, кто раскопал её и вернул в Сан–Франциско во второй, а возможно и в третий раз. Потом Давид Далтон, журналист, написавший, в конечном счёте, о ней целую книгу, и Сэм Эндрю, который был с ней рядом все дни Старшего Брата, а затем последовал за ней в Squeeze, которую основала она сама. И многие другие…

100

Родилась Джанис Лин Джоплин 19 января 1943 года в Порт–Артуре, ныне небольшом городке с населением семьдесят тысяч, где большинство взрослого населения работает на местном нефтеперерабатывающем заводе. Всего в каких–нибудь пятнадцати милях от границы с Луизианой. А дальше, в одном вороньем перелёте, не более трёхсот миль, расположен и мой Ковингтон, в котором выросла я. Так что по ощущениям нас с Джанис выпекли, считай, почти в одном очаге. Но похоже, на этом и всё.

Её отец, которого по иронии Судьбы тоже звали Сетом, начинал в Техасской Разливной компании, когда Джанис была совсем маленькой. Теперь он (или уже был, но, по крайней мере, это последние сведения о нём) — главный инженер одного из трёх заводов в Порт–Артуре. Мать её — типичная домохозяйка Юга. Всё своё детство Джанис провела со своими родителями, младшей сестрой Лорой и ещё более младшим братиком, Майком. Жили они в небольшом, но уютном доме в тихой, относительно спокойной части города.

Кроме того, что у неё рано пробудился интерес к поэзии и

рисованию, я ничего не знаю о её раннем школьном периоде. Её удалось найти в вечно задымлённом, душном городе нескольких, помимо своего отца, человек, кто слушал бы Баха и Бетховена, у отца был друг, который поддержал интерес её к искусствам. Её отец, по выражению самой Джанис, был «тайным интеллектуалом». Он читал ей, вёл с ней беседы и многое рассказывал, пока ей не стукнуло четырнадцать, подготовив её тем самым к тому, что длится до сих пор — противоборству с конформизмом.

— Он много сделал для меня, — говорила она в интервью много лет спустя. — Он научил, нет, скорее заставил меня думать. Он старался внушить мне, что я есть такая, какая я есть. Много вечеров он провёл в беседах со мной. Самые большие события в нашей семье — когда ты выучилась писать своё имя, когда сделала первые шаги и записалась в библиотеку. Телевизор в нашем доме был под запретом.

Она не выделалась ростом, да и глаза её были на мокром месте — отличная мишень для частой среди детей жесткости и любви к насмешкам, что ещё более усиливалось тем, что она была младше на год всех своих одноклассников. Но более всего их раздражало, что она была равна им по интеллекту. Но на горе себе отставала в эмоциональном плане.

101

Остракизм и общественное неприятие только усилилось в старших классах. В четырнадцать она увлеклась идеями битников, а Джека Керуака идеализировала. Иногда в особенно невыносимые моменты, преследовавшие её в старших классах, она бросалась во все тяжкие — давили рамки установленные моралью южного города: школьная уставная форма, белые носочки, тупоносые туфли на широком низком каблучке, обязательные блузки и юбки ниже колен — она протестовала, одеваясь по своему желанию и распуская волосы — единственно–возможная позиция пре–хиппи–крестоносцев. Ей не было необходимости, что–то менять особенного в своём облике. Её шикарные густые спутанные волосы одни делали её естественной, когда ей хотелось выглядеть похожей на битников, и по утверждению её отца, она была единственным в их городе из первых революционеров, далёких ещё до законодателей мод. До Порт—Артура эта волна докатиться только к концу шестидесятых.

В довершении её выходящего за все рамки поведения и стиля, она отчаянно сквернословила. Неслыханно в середине–конце пятидесятых!

«Она была своенравным ребёнком, — рассказывает её отец, — дикаркой, непохожей на остальных детей».

Она во всех начинаниях опережала своих одноклассников. По рассказам её отца и судя по тем её работам, которые мне приходилось видеть, она обладала заслуживающим вниманием талантом, особенно ей удавались пейзажи и картины на религиозные темы. Не сомневаюсь, она пробовала писать всё и всех. К сожалению страсть к холсту и маслу лишь на время отдаляло её от того что происходило в школе.

В одну из последних наших встреч, нас неожиданно понесло и мы стали делиться воспоминаниями. Джанис вдруг посерьёзнела и спросила меня:

— Была ли ты популярна в старших классах? — и не дав мне времени ответить, продолжила. — А я — нет. Так оно и было, меня не любили. Думаю, даже боялись. У меня никогда не было столько ненависти, такого предубеждения к чёрным, как у них. Фашисты, пропахшие нефтью и бензином.

И так как она к этому времени сама стала преуспевающей, богатой и безумно популярной, добавила:

— А пошли они все, вместе с их вонючим Порт–Артуром. Знаешь, чего я хочу? Чтобы они даже мечтать не смели, чтобы когда–нибудь услышать снова обо мне.

102

Она не только ненавидела Порт–Артур, как город, но часто публично осмеивала не только его, но его жителей. И на это у неё были веские причины. Из фотографий, которые мне показывали, могу заключить, что у неё помимо проблем с кожей лица, был широкий нос и густые, неподдающиеся расчёске, непослушные, вечно спутанные волосы — настоящий капитал для насмешек одноклассников.

— Как думаешь, как меня называли в школе? — однажды спросила меня Джанис, чуть не разревевшись. — Свинячим рылом! Можешь представить какого это было вынести молодой девушке, которой я тогда была? Я даже не могла подумать пойти на выпускной. Оставалось два или три дня до бала, и отец сказал мне, что заберёт меня. Но я запретила ему. Разве я могла этим недоноскам доставить удовольствие моим отсутствием на этом балу?

Не было никого во всём Порт—Артуре, с кем бы она могла поговорить, не считая единственно её отца.

— Были, правда, две очень пожилые дамы, они писали акварелью натюрморты, — рассказала она в интервью Давиду Далтону. — Да так оно и было. Я разглядывала эти все их книги с репродукциями, восклицала «Вау!» и пробовала сама писать так, чтобы они ожили. Я хочу сказать, что на Среднем Западе, никого не встретишь от кого могла бы узнать, пройдя всю улицу, не

увидишь человека с книгой, не с кем заговорить. Там никого нет. Никого.

Было всё–таки несколько отдушин для Джанис. Некоторое время она ходила в церковь и пела в церковном хоре. А однажды записалась в школьный хоровой кружок. Но в основном она существовала в социальном и культурном вакууме. В пятнадцать у неё был первый сексуальный опыт — с одноклассником. Как–то она призналась мне, что в старших классах её преследовала навязчивая идея — трахнуться. Во–первых, потому, сказала она, что испытывала огромные трудности найти под кого могла бы лечь. Знаю, потому что сама заметила, как это повлияло на её отношение к мужчинам в будущем. Её юность прошла в сексуальном вакууме. Когда же, наконец, она достигла такого положения, когда можешь иметь столько, сколько пожелаешь, она стала вести себя подобно голодному человеку после долгого вынужденного поста, вошедшего в комнату полную сладких плюшек.

Однажды она влюбилась в своего одноклассника. Однако ничто так и не материализовалось. Парень даже не заметил её щенячей любви.

Ко времени окончания школы (несколько месяцев спустя после её семнадцатилетия) она уже хорошо разбиралась в медленных кантри–блюзах. Вроде тех, которые она слышала на пластинках Лидбелли, Одетты и Бесси Смит. И хотя никаких признаков желания самой петь пока видно не было, она с космической скоростью расширяла свой кругозор, открыв для себя Билли Холлидей, продолжая наращивать обороты в том, что обычно называют опытом, приобретённым в студенческие годы.

По словам её отца, летом 1960 она посещала занятия на художественном факультете Государственного Технологического колледжа Ламара, расположенного недалеко от Бомона, штат Техас. Чуть позднее она училась там же, но уже немного дольше и выучилась на оператора клавишного перфоратора ЭВМ, дважды поступала в Техасский университет в Остине.

В одном из её возвращений в Порт–Артур, она зависла на одной вечеринке, устраиваемой на пляже в старом домике береговой охраны, болтали, пили пиво. Кто–то пожалел, что нет проигрывателя.

— Если хотите, я могу попробовать спеть вам что–нибудь, — предложила Джанис.

— Давай, Джанис, что–нибудь из нашего.

— И это тоже знаю, — продолжила Джанис.

— Давай. Мы ждём.

И Джанис стала петь голосом Одетты. У себя дома она, прослушав много раз её пластинки, научилась имитировать манеру пения певицы.

— Джанис, ты чертовски здорово поёшь, — в восторге произнёс кто–то, когда она кончила.

104

— Нет, что ты, чел, — сказала Джанис, что в конце пятидесятых–начале шестидесятых соответствовало нашему теперешнему «fuck off».

Со сцены впервые услышали пение Джанис в Остине, когда в начале шестидесятых она курсировала между Техасским университетом, Ламар—Техноложкой и Порт—Артурским колледжем. Она пела, аккомпанируя себе на никельхарпе в хилли–билли группе, Waller Creek Boys, на одной из бензоколонок, где–то на окраине Остина. Владельцем заведение был некто Билл Тредгилл, который временам пел так, для себя. За пиво Джанис пела там и Рози Мэддокс и Вуди Гатри, и вечера любительского пения, которые он устраивал в своим заведении еженедельно обходились ему не дороже десятки. А ей он даже позволял петь блюзы собственного сочинения. Каждая по разу, повторять не разрешалось. Там и услышал её однажды Чет Хелмс, техасец по рождению, переехавший в Сан–Франциско и владеющий там танцплощадкой Авалон, и предложил попытать счастья на Побережье.

Будто этих слов её как раз и не хватало. Она сорвалась, и они стопом доехали до Сан–Франциско. Спали у кого придётся, чаще на полу, а сама пыталась петь профессионально.

Случай не заставил себя долго ждать, но как она сама рассказала журналистом незадолго до своей смерти (думаю, всё же за год или около того), «Я серьёзно к этому не отнеслась. Я же была совсем ещё юным цыплёнком. Я просто хотела жить. Хотела курить дурь, колоть дерьмо, лизать его, нюхать его, хотела трахаться, наконец. Хотела всего до чего могла дотянуться, хотела всего попробовать, дружище».

13

105

Сметённая обрушившимися на неё соблазнами и новыми друзьями, балующимися с ингредиентами, Джанис вообще забыла о цели своего путешествия на Запад.

Она начала слоняться по району Норт–Бич и попрошайничать. Подсевшая на спиды, а, возможно, даже на смак, стала искать сама, но даже пяти долларов ей не хватало на дозу.

В первый свой приезд в Сан–Франциско она жила с одним парнем, который в итоге решил от неё избавиться. Он отнял ключи и, вытолкав её на лестницу, закрыл перед ней дверь, так начались её скитания по улицам Сан–Франциско. Без денег. Некуда идти. Джанис ревела, слёзы ручьями стекали по её щекам, и вдруг тот парень выходит из парадной дома напротив. Только он собрался перейти улицу, как Джанис бросается перед ним на колени, и обхватывает обеими руками его ноги.

— Нет, папик, нет, — умоляет она. — Пожалуйста, папик, не надо.

Но парень даже не остановился, он протащил её по скату к мостовой, так грубо, что остались кровавые ссадины на её коленях. Этот эпизод сыграл очистительную роль. Наступил момент в её жизни, когда надо начинать строить вокруг себя защитную оболочку.

106

— Ладно, папик, — сказала она. — Иди, откуда пришёл.

Она встала с колен и отряхнулась. Парень так и не обернулся, переходя улицу. Утерев слёзы, она крикнула ему вдогонку:

— Надеюсь ты не доживёшь до того дня, когда пожалеешь об этом, ты, говнюк, мать твою.

Она повернулась и пошла прочь, и как рассказала мне, собралась с мыслями и сказала себе: «Вот так–то, родная. Такого больше не повторится». В эти слова она вложила смысл, что не только конец всяким отношениям, но главное, она никогда никого не будет просить, чтобы любили её.

В тот год, 1961, Джанис совсем недолго оставалась ещё в Сан–Франциско. Слишком уж много времени нужно было, чтобы из юной девочки с завязанными в кичку волосами с фотографии в школьном альбоме преобразиться в нечёсаную неряшливую наркоманку. Говорят, она снова стала петь в таких местах как Сан–Францисская Кофейная Галерея и Кофейное Смущение. Но в итоге попала в городскую больницу, перебрав с метедрином или

героином, или тем и другим вместе. Она сдалась и вернулась в Техас.

Такими грубыми штрихами обозначен тот период, что невозможно сейчас уже точно назвать время, когда она вернулась из Сан–Франциско после своего первого туда приезда. Единственное, что могу предположить, что это произошло уже к концу 1961 года, или около того, незадолго до её девятнадцатилетия.

По возвращении в Техасский треугольник (Порт–Артур–Бомон–Остин) Джанис снова начала петь — даже на улицах, ради куска хлеба. Этот период я бы сравнила с работой в кварцевых каменоломнях, прежде чем алмаз должен засверкать. Особого успеха работа у Тредгилла не приносила, но как мне рассказал Кен Тредгилл лично, кто–то заметил её и пригасил работать в кофейнях, где обычно выступали фолк–музыканты. Три года она убила на Техас занимаясь этим, училась, пела, ходила на вечеринки и, по выражению её отца, «водилась с сомнительными людьми». Она подумывала съездить в Сан–Франциско, но боялась, что с ней снова произойдёт то же, что и в первый раз — она даже не помнила откуда у неё такой глубокий шрам на лице, возможно, как призналась однажды мне сама, была пьяна, укурена или нагружена, когда бродяжничала по Норт–Бич.

107

Может быть, это даже и хорошо, что Джанис вернулась ещё раз в Сан–Франциско до её окончательно переезда на Запад в начале 1965 года. Так же очень вероятно, что она побывала и в Лос–Анжелесе. Но разрозненные фрагменты её жизни до нашего с ней знакомства с трудом просматриваются сквозь туман бесцветных воспоминаний, непрерывного похмелья и притупленного наркотиками сознания, и всплывают только намёками. И если и было это второе путешествие на Запад, то оно должно было окончиться таким же провалом, как и первое её разочарование, потому что именно в окрестностях Остина нашёл её поющую Травис Риверс.

Травис был именно тем парнем, которого она прокляла в первый её приезд в Сан–Франциско. Но к счастью для неё оказался приятелем Чета Хелмса, который услышал её у Тредгилла в Остине и отвёз на Запад в том, 1961 году. Теперь же к танцполу Авалон, Хелмс увлёкся обкатыванием небольшой группы из четырёх музыкантов, а именно: Сэма Эндрю, Питера Альбина, Джеймса Гёрли и Дейва Гетца. Они часто попадались ему на глаза, и Хелмсу показалось, что из них могла бы выйти неплохая рок–группа. Первое, что он сделал, это взял их на постоянную работу в свой Авалон, обеспечив этим им хороший

старт. Но он чувствовал, что в них чего–то не хватало. И Хелмс пришёл к выводу, что не хватало взрывного вокала, который бы связал всю группу в единое целое.

И пары минут Хелмс не думал над тем, кто это мог быть. Да, именно Джанис вспомнилась ему. Самого Хелмса в Сан–Франциско держали дела, и он послал в Порт–Артур Трависа Риверса за Джанис, и тот не только её нашёл, но и с блеском выполнил его поручение. Он её привёз.

108

— Думаю, прошло не меньше года с того дня как я с кем–нибудь спала, — вспоминала Джанис много лет спустя. — По крайней мере, мне так казалось. И какого чёрта ты делаешь тогда в этом, мать его, Порт–Артуре? Спросила я себя. Ты уже здесь вечность, пытаешься устроить свою судьбу, выступаешь то тут, то там, в этом Остине, и, знаешь, только моё фолк–выступление, на которое меня подписали, окончилось, и я пришла к друзьям, где они устраивали очередную вечеринку, как тут в дверях нарисовывается этот Травис Риверс. И, о, чёрт, направляется прямо в мою сторону, буквально, вырывает меня из объятий парня, с которым я болтала, и тащит меня чёрт знает куда.

Они нашли комнату с кроватью, и вот как Джанис рассказывала мне об этом много позднее:

«Он опрокидывает меня на неё и, о, господи, солнышко, он так меня отымел, что прокувыркались мы до утра! У меня голова пошла кругом. И мне было так хорошо к утру, что я готова была сделать всё, о чём бы Травис ни попросил.

Ладно, мы переспали, но ведь мы же когда–то должны были проснуться, и вот я спрашиваю его:

— Ради какого чёрта ты это сделал со мной, милый?

Этот–то, мать его, Травис! А он выставляет перед моим лицом своего одноглазого дружка и ржёт, этаким ужасным мефистофельским беззвучным смехом.

— Это что ещё такое? — спрашиваю я.

— Открой ротик, милая, — приказывает он.

— Это ещё зачем?

— Потому что мы сейчас же едем в Калифорнию».

И как вспоминает Джанис, они были уже на полпути к Сан–Франциско, прежде чем она поняла, что возвращается, чтобы петь солисткой в рок–группе. Но когда они добрались, наконец, до места, и начались репетиции, ей это понравилось, чёрт возьми! Она поняла, что Чет, которого почти никогда не видно, старается изо всех сил продвинуть группу дальше, преследует и её интересы, поверив в её голос и способность учиться, чтобы в скором будущем нарезать действительно что–нибудь стоящее.

Кислотный рок находился в зародыше, когда Джанис появилась в Сан–Франциско в свой второй раз. И Старший Брат и Держатели Акций, такое название получила группа, были ещё до мозга костей рок–группой.

109

— Я не понимала, что от меня требовалось, — рассказывает мне Джанис. — Я же не рок–певица, дружок, а блюзовая. Но им, похоже, было всё равно. Им просто нравилось моё звучание.

Джанис почти не помнила имена людей, с которыми ей пришлось работать в самом начале.

— Меня привезли в город, дорогая моя, — вспоминает она. — Я была до смерти перепугана. Не знала, как обращаться со всем этим оборудованием, я никогда прежде не пела в микрофон, опутанная каким–то электрическим дерьмом. Да и с ударной установкой никогда не выступала. В лучшем случае это была одна гитара.

Мы начали со старого госпела, который я, к счастью, хорошо знала, Down On Me. Я слышала его много раз и подумала, что смогу его спеть, но, солнышко, они играли его совершенно по–иному!

Почти всю неделю мы репетировали, и тут они меня огорошивают, оказывается, мы выступаем в выходные в Авалоне.

Ощущение в ту субботу, как она рассказала позднее в интервью журналисту Давиду Далтону, было неправдоподобным.

— Они сыграли несколько инструментальных номеров, а я просто стояла с ними рядом, знаешь, и двигалась в такт музыке. И вдруг, прямо не дав опомниться, кто–то произнёс в микрофон, «А теперь позвольте вам представить ДЖАААНИС ДЖАААХХХПЛИН!» Я даже не сразу поняла, что мне предстоит сейчас петь. Никто же про меня ничего там не знал, мать их. Я же для них всего–лишь какая–то дурнушка, маленькая цыпочка, затесавшаяся на сцене среди музыкантов. На мне и одежды подходящей не было. Ничего такого, вроде теперешнего. На мне было то, в чём я ходила в колледж.

110

Джанис подошла к микрофону и начала петь Down On Me, раскачиваясь в такт охвативших её чувств, позже она описала это так: «… какая–то наркотическая трясучка. Ну точно, как от передозировки. Не помню всего хорошенько, но это мне запомнилось, это ощущение — будто не хватает кислорода. Не могу сказать, что было громче, эти бу–у–м, бу–у–м барабанов, или удары моего сердца, мать их. А люди, они что? Они — танцевали. Прожектор на мне, стою прямо в центре луча, пою в этот микрофон и пританцовываю! Наконец до меня дошло! Поняла,

что от меня надо!»

И в мыслях у Джанис ничего такого не было. Она воспринимала поездку в Сан–Франциско как чью–то шутку. Но с этого момента решила всё же остаться с группой. Чувства, которые она испытала в тот первый вечер в Авалоне, не так–то просто было выбросить из сердца.

— Я никогда не думала, что мне придётся сидеть в этих чёртовски холодных артистических, разбросанных по всей стране, ощущение от них такое, будто находишься у чёрта в заднице. Я даже не предполагала, что такие могли существовать. Даже когда я стала солисткой, настоящей солисткой, у меня не было желания стать звездой. Мне просто нравилось петь, потому что это было весело. Ну совсем как другим нравится играть, например, в теннис. Ты просто начинаешь себя лучше чувствовать. Все тебя угощают пивом. Я многого не помню из наших первых дней. Помню, только, что мотались с концертами, и все были ужасно голодны. Однажды, правда, родители прислали немного денег.

Джанис никогда толком не могла вспомнить подробности всего, что с ней когда–нибудь происходило. Она описывает те несколько месяцев, когда Кимми, схватив меня в охапку, затащила а Матрицу, одним словом «отверженные». Позднее она призналась мне, что уже никогда не пела так, как прежде. Что–то живое появилось в её голосе, когда она вернулась в Сан–Франциско.

— Раньше стоишь и просто поёшь, и всё, — рассказывала она мне. — Но ты не можешь просто петь, когда за тобой рок–группа, со всеми этими ритмами и усилителями. Петь приходится громче, да ещё и двигаться в такт всему, что происходит за твоей спиной.

Всё это так ошеломило её с первого же дня, что её ничего не оставалось как ухватиться за эту музыкальную ракету, уносящую её ввысь, и попытаться удержать её в руках. Вскоре она услышала Отиса Реддинга и была от него в восторге. Она упросила Билла Грэма из Филлмора посадить её на самый первый ряд, впереди всей толпы, так что сидела она прямо напротив центра сцены. Они узнали и полюбили Отиса почти одновременно. Пройдёт совсем немного времени, и она использует многие технические приёмы Отиса в своём сценическом багаже.

111

Мы с Джанис были уже знакомы, но именно в такое время мы стали близкими подругами, осенью 1966 года. Нервозная, сомневающаяся в себе, но народ приходил посмотреть именно на неё. Гвалт на некоторых концертах стоял такой, что мне приходилось выбегать из зала на улицу, чтобы спасти свои уши, а заодно и перекурить. Дни работы на клавишном перфораторе

ЭВМ, попрошайничества, унижения и презрительного к себе отношения со стороны каждых проходящих мимо штанов ушли в прошлое. Она получала всё, что бы ей ни захотелось — практически всё. Вспомнилась яркая картина: вот она идёт по Хайт–стрит под руку с Питером Альбином и Джеймсом Гёрли, болтает, смеётся и пьёт из одной с ними бутылки Риппл.

Должно быть, у неё всё–таки было несколько экспромтов, после последнего её приезда в Сан–Франциско. Одним из них была так грубо прервавшаяся связь с Кантри Джо МакДональдом. Но с всё большим ростом её популярности в клубах и на танцплощадках подобные разочарования отходили всё дальше и дальше в прошлое. Даже афёра Мейнстрима сильно её не затронула, так как для группы всё ближе надвигались большие времена. С начала 1967 года местоимение «я» начинало явственнее звучать в её речи. Со временем эгоизм её возрастёт до чудовищных размеров, но в описываемое время она ещё только начала выбираться из покрывающихся корками слоёв воспоминаний боли, унижений и надругательств, придавливающих её своим прошлым.

Намёки, лёгкие касания как–то уж очень долго продолжались со дна нашего знакомства. Казалось, она чего–то не договаривает, что–то хочет ещё. Меня! В таких намёках и недомолвках прошёл почти год, но всё произошло в том самом номере гостиницы Челси. Она хотела трахнуться со мной. И как всё в жизни, она это получила. И это не выглядело чем–то случайным или тем, что могло бы иметь (а, может быть, и не могло иметь) продолжения в будущем, а чем–то таким естественным, как простое проявление чувств по отношению друг к другу.

Конечно, таким оно и было. И случилось это задолго до того, как я узнала от самой Джанис, что я была не первой лежащей между её ног женщиной и посылающей с помощью своего языка и пальцев её в такие места на небе, где даже луна и та становится горячей.

Часть вторая Способность летать

14

115

Оглядываться назад и пытаться вспомнить, на что это всё было похоже, точное время происходящего, да ещё в какой именно последовательности, всё равно, что разглядывать картины Иеронима Босха через оконное стекло, по которому льются струи дождя. Своего рода триангуляция в четырёхмерных координатах пространства–времени с использованием всевозможных источников: записей рок–продюсеров и импресарио, журналистов и гостиничных менеджеров, агентов по продаже авиабилетов и, конечно же — воспоминаний друзей и подруг. Но многое уже даже сейчас, в 1972 году, недоступно. Да это и неважно. Если я ошиблась датой или местом, что из этого? Самое главное, что всё это правда. Это так было.

Моё первое впечатление, что мы с Джанис могли бы иногда встречаться, возможно, даже спали бы вместе временами, но не постоянно, не как партнёры в серьёзных отношениях — разлетелось в пух и прах в первые же несколько месяцев после моего возвращения из Нью–Йорка в начале апреля 1967 года. Я ездила по своим делам, за новыми закупками для своего магазина, а в мыслях латала дыры в моих с Кимми отношениях. Время от времени на улице я сталкивалась с Джанис. Иногда она сама заходила в мой магазин. И, похоже, она вполне осознанно разделяла мои проблемы с Кимми, не раз она, зайдя ко мне, выслушивала мои причитания. Она продолжала выкидывать все эти свои штучки с прикосновениями, поглаживаниями и обниманиями, но делала это очень осторожно.

116

— Ничего, что я трогаю тебя, когда Кимми нет? — спросила меня однажды Джанис, как только моя любовь вышла на улицу. — Это не напрягает её, или она всё же будет тебя ревновать?

— Ну, я думаю, уж точно не заставит её расплыться от счастья.

И с этого раза, как только Кимми не было рядом, Джанис начинала свою игру со мной. В дополнение сама Кимми понемногу начала испытывать к ней нежные чувства. Мы ходили смотреть её в разные места вроде Матрицы, Филлмор—Аудиториума и Авалон–танцпола, и скоро жизнь вошла в прежнюю колею, какой она была до моих приключений в Нью–Йорке. Но вот, что странно, вокруг нас всё изменилось.

То были беззаботные времена на Хайт. Народ курил дурь открыто, прямо на улицах. Молодёжь стекалась сюда со всей

страны. Орды туристов съезжались в своих автобусах поглазеть на этих уродцев, так они их стали называть. Одной из самой частой сцен, которую можно было наблюдать по соседству, стала баталия фотоаппаратов. Туристы выстраивались в шеренгу по одну сторону улицы, наводя свои миниатюрные Кодаки на группу молодёжи, будто только что покинувшую Райский сад и сделав небольшую остановку здесь, на пути в Сан–Франциско, но также оснащённые во всеоружии своими фотоаппаратами. Обычно это были такие же Инстаматики, но не заряженные. Как только туристы расчехляли свои камеры, хиппи по другую сторону улицы начинали щёлкать затворами своих, обычное зрелище для военных стрельбищ Мэдисона, Сиу—Фоллз, Остина или Форт—Уэйна. «Если вы думаете, что мы странные, то вам стоит оглянуться на самих себя», — такова была позиция молодёжи.

117

Сколько бы я ни была занята своим бутиком или Кимми, мысли мои занимал Сэм Эндрю. Сейчас, когда пишу эти строки, я никак не могу взять в толк, что за чёрт вселился тогда в мою задницу. Но ты ведь подобное тоже испытывала, когда влюблялась. Пытаешься контролировать себя, сколько сил хватает, рассудком понимаешь, как правило, многое, но знаешь, ты против своей воли полностью в его власти. Силы и чувства тебя покидают. Щёлкни Сэм пальцами, и я тут как тут. Да даже и этого ему не нужно делать. Я нахожу его всюду и липну как пчела на патоку. Следуешь за ним тенью, как какой–то его придаток, пока он не сдастся и не уложит тебя в свою постель. Но сон это единственное, что с ним тебе доступно. Он никогда даже тебя не приласкает, не погладит.

Теперь у него стали водиться деньги. Ясно, что и у всех у них, у всей группы. Теперь у них хватает не только на то, чтобы помочиться за 20 долларов за выступление, но уже — 350 долларов, потом — четыреста, а теперь и шестьсот пятьдесят за выходные. А дальше — больше. Они, или по крайней мере Джанис, получили великолепную поддержку, о которой не смели и мечтать — поп–фестиваль в Монтерее. В выходные мы с Кимми отправились, как всегда посмотреть Джанис. То был июнь, с шестнадцатого по восемнадцатое.

Монтерей стал предвестником будущих рок–концертов, хотя и уступал им по размаху. Но для того времени это было из–ряда–вон–выходящее событие, нечто экстраординарное. Самая большая аудитория, перед которой когда–либо выступали Джанис со Старшим Братом — более десяти тысяч слушателей. «Дебютировал» на Монтерее и Джими Хендрикс. Среди заявленных музыкантов на фестивале выступили и Отис Реддинг,

и такие гиганты как Саймон и Гарфанкел и Мамы и Папы, были там и Джонни Риверс, и Кантри Джо со своей группой, даже Тини Тим там был. Но гвоздём фестиваля оказались Джими и Джанис. За семьдесят два часа оба стали лакомыми приманками для лицемерного общественного мнения, огромных сумм денег, свалившимися им на головы, и давления со стороны менеджмента, не привыкшие ни к хитросплетениям музыкального бизнеса, ни к тяжелейшим гастрольным планам, ни к безликим спутниками и дурным партнёрам, ни к подлым льстецам, ни к съедающей душу тоске, спутнице бесконечных переездов, ни к алкоголю и наркотикам — следствием последней. В конечном счёте, закруживших их обоих в ужасающий вихрь и приведших к крушению.

118

Сбивающие с толку, невероятные перспективы пробуждения Джанис из безвестности начинали проявляться ещё до Монтерея. Но после этого уикенда ошеломляющий отклик, полученный ею со стороны аудитории, стал преследовать Джанис по пятам. По делам ей нужно было срочно отлучиться в Лос–Анжелес, но когда она вернулась в Сан–Франциско, несколько дней ей понадобилось, чтобы прийти в себя.

— Ты слышала, что случилось между мной и Джимом Моррисоном в Лос–Анжелесе? — первое, о чём спросила она меня.

— Нет.

— Но он действительно странный тип. Парень болен на голову. Что–то определённо с ним не так.

— Так что случилось, Джанис?

— Всё произошло на этой глупой вечеринке. Рок–звёзды, Двери, полным составом, народ всякий. И вот как гром среди ясного неба, этот Моррисон подваливает ко мне, хватает за волосы и швыряет меня об пол.

— Он, что, был пьян?

— Я даже ничего не могла сделать, так была напугана, а ещё и сама пьяна. А он встаёт надо мной как вкопанный и ржёт как какой–то маньяк. Но к тому времени как кто–то помог мне подняться, его уже и след простыл.

— И чем это всё кончилось?

— Ничем. Люди, которые там были, парни с Электры—Рекордс, думаю, или, может быть, с Коламбии стали передо мной за него извиняться, что он, мол, на самом деле чертовски милый парень, очень интеллигентный, когда не напьётся. И кто–то ещё сказал, что они слышали всё с улицы и чтобы я была поосторожнее с ним, с него станется, нападёт снова. «Ладно, —

сказала я. — Покончим с этим дерьмом. Далеко он с ним не уйдёт». Сказала, и вышла на улицу — в руках у меня была бутылка пива (я захватила её с собой) — подхожу я к нему и, как ни в чём не бывало, спрашиваю, где это он, мать его, научился такому дерьму. А он, сукин сын, замахивается на меня. Знаешь, думаю, хотел повторить, а? Ха, он был так пьян, что промахивается и летит мимо меня, а я со всего размаха разбиваю об его голову свою бутылку пива. Кончилось всё тем, что его всего в крови увезли домой. Ни о каком продолжении веселья уже и речи не могло быть. Так вечеринка и кончилась ничем.

119

Раньше Джанис пила только одно пиво и дешёвое вино. Алкоголь возник в её жизни, только с приходом наркотиков, и то, когда она периодически с них соскакивала. Со временем она стала тратить уйму денег из вновь заработанных на Южный Комфорт. И каждый раз, когда я спрашивала, почему бы ей снова не перейти на пиво, она уходила от прямого ответа.

— Слушай, — сказала она мне однажды, — у меня голова идёт кругом, всё меняться слишком быстро. Я до сих пор не могу в это поверить, просто схожу с ума. Подумать только, ещё вчера у меня и двух, мать их, пенни не было. Мне бы куда–нибудь исчезнуть, хоть на несколько дней, чтобы прийти в себя, дружок.

Работа в бутике настолько хорошо была отлажена, что я смогла купить дом типа вигвама в Стинсон—Бич, к северу от Сан–Франциско, в округе Марин. Мы с Кимми уже давно занимали вместе несколько комнат над магазином и всякий раз, когда позволяло время, мы проводили его в Стинсон—Бич. Вот я и подумала, что ничего лучшего я не могу предложить Джанис, как терапевтическое действие оглушающего прибоя, бесконечных миль чистейшего песка и секвой, растущих сразу за домом.

— Почему бы тебе не пожить пару дней у меня в пляжном доме, отдохнуть, развеяться, собраться с мыслями? По–моему, это то, что тебе как раз сейчас необходимо.

У неё уже давно зрел этот план, и она знала, что я об этом догадывалась.

— Ты так считаешь? — спросила она, как бы невзначай. — И ты не будешь против?

Конечно, не буду, и она знала наверняка, что не буду. Китайские церемонии, а не разговор, и всё ради того, чтобы я чувствовала себя хоть чуть–чуть независимой.

— Конечно, нет, — ответила я, поддерживая игру. — Дом пустует, там никого не будет всю неделю.

— Знаешь, — воскликнула она, — ты настоящий друг.

120

— Всё, решено, — подытожила я. — Едешь туда прямо сейчас, вот увидишь, сразу придёшь в себя. Океан и эти деревья — лучшее лекарство. Ты даже не заметишь, как всё наладится.

Всё наладилось даже раньше, чем я думала, ей хватило и трёх часов. Я узнала об этом в тот же день от своего ближайшего соседа, Брайана: Джанис, едва заселившись, окликнула его с заднего крыльца и поинтересовалась, нет ли поблизости какого–нибудь бара. Всё это я узнала уже вечером, когда он мне позвонил, и почти одновременно с его звонком, чуть не въехав в магазин, останавливается машина, а из неё вылезает совершенно пьяная Джанис. А у меня весь день скреблись на душе кошки из–за неё! Вот я везу её в Челси, и всё повторяется с нами вточь, как в ту ночь несколько месяцев назад. Также как и тогда я почувствовала себя несколько виноватой от своих мыслей, вернувшихся ко мне, стоило мне лишь увидеть её голой, как загоралась желанием заняться с ней снова любовью. А я-то думала, что всё под контролем, пока не позвонил Брайан. Не надо было применять мои дедуктивные способности, достаточно взглянуть на Джанис, чтобы понять, что лучше навестить её было на следующий день.

Когда я приехала к ней, она принимала солнечные ванны, лёжа голышом на небольшой террасе, примыкающей к спальне. Я разделась и присоединилась к ней. Речь зашла о Моррисоне, она была раздражена и называла его диким уёбищем. Слушала я невнимательно. Вернее я просто слышала, что она что–то говорила, на самом деле меня трясло от желания притронуться к ней, наброситься на неё.

Некоторое время мы так и лежали рядком, подставляя свои лица ласковым солнечным лучам. У неё была куплена бутылочка масла для загара, и я, потянувшись за ней и открыв, вылила немного себе на ладонь. Облокотившись, легла поудобнее и начала втирать масло сначала в её плечо, а потом и в шею, затем спустилась ниже, к её груди. Скосив взгляд, она взглянула на меня из–под своих ресниц, но ничего не сказала. Затем она улыбнулась, я улыбнулась в ответ, а тем временем моя рука, поглаживая её кругами, спускалась всё ниже и ниже.

Вдруг она приподнялась и выхватила у меня бутылочку. Я легла на спину, чтобы ей было удобнее втирать масло мне в грудь.

— Господи, как красива же твоя грудь, — воскликнула она. Как тебе удалось отрастить такие большие сиськи?

— Это просто подарок природы, — сказала я, а сама думала о соседе-Брайане, какое раскрывается перед ним прекрасное

зрелище, если, конечно, он наблюдает за нами.

«Мать вашу, — подумала я. — Брайану должно быть наплевать на двух цыпочек, на которых он, возможно, и десяти секунд не смотрел».

— Ты с ними ничего не делала? — спросила Джанис, провинциальная школьница в большом городе, выставляющая напоказ свою женскую гордость. Как она похожа, на всех других девушек с небольшими, но очень симпатичными грудками. Но, как и они, она мечтала, чтобы они стали больше.

Я прыснула от смеха.

— Нет, ничего, — сказала я, приподнимаясь, и снова укладывая её на спину. — И ты знаешь это не хуже моего.

— Знаю я? — эхом прозвучали её слова, пока я ложилась подле неё.

— Ну, если не знаешь, то не пройдёт и минуты, как узнаешь.

С этими словами я стала играть с её набухшими сосочками, а следом и умасливать своими так кстати смазанными ладонями и остальную её.

15

122

Я не сказала Кимми, что Джанис собралась в моё бунгало. Так что когда я решила наведаться туда — «просто её проведать» — я ни на минуту не задумалась, что она может об этом узнать. Кто–то же должен всегда оставаться в моём бутике, чтобы, не дай Бог, кому–нибудь не пришло в голову меня ограбить, и часто она бралась присмотреть за товаром. Поэтому ничего необычного не было в том, что я среди дня уехала, а Кимми осталась.

Наконец настали выходные, и мы с Кимми окунулись в обычное для нас воскресное бегство из душного города. Мне неизвестно до сих пор, что её так накачало, может, Джанис что сказала не так, но к полудню Кимми вдруг почернела темнее тучи, бубнила что–то себе под нос или насупившись молчала. Мы обе укурились, но всё же добрались до бунгало, за весь год, наверное, мы не выкурили столько травы, сколько в тот день. Но тут вдруг Кимми стала хлестать вино, как твой матрос, только что сошедший на берег. Эх, мне бы предвидеть, что из этого может выйти. Кимми всегда пила. Но алкоголиком не была и не сходила с ума, и не бузила как Джанис, которая часто выпивала кварту, а то и более, за день. Всё же Кимми раза три–четыре в месяц напивалась до чёртиков. В таком состоянии она была отвратительна настолько, что я даже не хочу сейчас об этом говорить, так как это могло бы восстановить тебя против неё. Единственное, что скажу, это приводило к омерзительным ссорам.

123

Но получалось так, что все принимали её сторону, и я каждый раз оказывалась виноватой. Однажды, на Рождество, она швырнула мне в лицо настольную лампу и сломала мне нос. Удар был настолько силён, что выбил мне один из передних зубов и клык. В другой раз запустила в меня бутылкой. И каждая наша ссора оканчивалась, либо разорванной на мне одеждой, либо порезами и синяками.

В один прекрасный день, который, кстати, наступил много позднее этого злополучного воскресенья, я оказалась среди тех, кто никогда в жизни не ударит другого человеческого существа. В тот день мы обменялись вескими аргументами, в итоге Кимми попыталась ударить меня. Но то ли рефлекторно, то ли в попытке защитить себя я подняла сжатые кулаки. К стене был прислонён топор. Всё произошло так быстро, что я даже не успела ничего понять. Только помню, что я увернулась, и удар обрушился на

стену. Я только услышала тошнотворный глухой треск, это рухнула одна из стен моего стинсонского дома. Потом её пришлось удалить совсем, так как она уже не подлежала восстановлению. И неважно, какие попытки она предпринимала впредь, я дала себе слова никогда не поднимать руки во время её нападок.

Так или иначе, вопреки всем побоям, получаемым мной от Кимми, в то воскресенье моя бдительность спала крепким сном, после нашего с Джанис общения прямо на солнечной террасе. Я вела себя так самоуверенно, будто здесь ничего не происходило, чем пробудила в Кимми подозрения. Поэтому, когда мы уже возвращались, подъезжая к мосту Золотые Ворота, она вдруг задала вопрос, от которого я буквально превратилась в лёд.

— Ты трахаешься с Джанис?

По какой–то причине — страх ли, шок или желание выбросить скелет из шкафа, и даже, несмотря на случайность этого эпизода, я ответила:

— Да.

124

Мгновение, и я поняла, что всё к этому и шло. Я вела машину в общем потоке, держась средней полосы. Мы как раз проезжали выборку в горе Маунт—Тамалпис, расположенную на полпути от Стинсон—Бич до города. Минуты проходили в гробовом молчании, я по–прежнему слилась с неторопливым потоком машин, возвращающихся в город. Краешком глаза я видела, что Кимми пьёт из бутылки, завёрнутой в пакет коричневой манильской бумаги. Я только помню, как пакет начал как–то странно стал сморщиваться и терять форму. Это она со всего размаха ударила бутылкой мне по солнечным очкам, которые были на мне, разбив одно стекло вдребезги. Удар был настолько силён, что один из осколков насквозь прорезал мне веко.

Кровь хлынула мне на лицо, вырулив на обочину, я остановила машину. Я была уверена, что стекло повредило и глазное яблоко, было так больно, что думала, что ослепну на один глаз. Мы доехали до стоянки недалеко от входа в Бут–Джек–Кэмп, общественный парк, где обычно стояли палатками хиппи. Я вылезла из машины, в надежде получить помощь с сознанием того, что снова побита, и начала истошно кричать. Кимми не проронила ни слова, пока я, спотыкаясь о корни, брела по парку, и пока какой–то молодой парень не дал мне полотенце и воды.

Вытерев кровь, я поняла, что глаз не задет, а кровь шла из множества порезов. Вернувшись к машине и держа мокрое полотенце у глаза, я попросила Кимми отвести меня в Маринскую областную больницу. По пути мы несколько раз останавливались,

и она снова и снова обвиняла меня во лжи. Не обошлось без кулаков и пинков. Снова ударив меня по голове бутылкой, нанеся несколько незначительных порезов, оставив на моём теле целую гроздь синяков и сломав мне три ребра, она, наконец, подвезла меня к больнице.

Она не отходила от меня ни на минуту, пока меня оперировали и забинтовывали, и я ни одним словом её не выдала. Не знаю, но мне было всё равно, что она там

насочиняла им про меня. Лёжа под огромным операционным светильником, направленным прямо мне на лицо, я закрыла глаза. Пахло чистотой и антисептиком. Я поплыла, боль, которая, казалось, наполняла до этого всю меня, стала проходить. Оцепенение, сползание куда–то прочь, преодоление границ сознания. Пыталась думать, что может быть хуже этого. Меня уводили…

*

125

Кимми пошла со мной в дом на Ист–Пало–Альто. Пожилая негритянка, прежде чем мы сказали ей, кто мы, отобрала у Кимми пятую бутылку. Прихватив двух долговязых бездельниц, она указала мне на спальню, где прополоскав инструменты, она жестом велела мне лечь на кровать и раздвинуть ноги, несмотря на то, что они и так сами мне их раздвинули и держали, пока она проталкивала тонкую резиновую трубку сквозь вагину прямо мне в матку. Похоже, она даже не помыла рук. Прошло не менее пятнадцати минут вращения трубки в тёмной глубине, где за месяц до этого зародилась человеческая жизнь. К тому времени, как всё кончилось, негритянка была уже окончательно пьяна. А мне было совершенно напевать на тоненькую жизненную субстанцию, которая сифоном выливалась из меня по трубке. Её должно быть нужно было назвать в честь её ублюдка–отца.

Все знали его, как Кислотного Короля. Этот джентльмен, похоже, сделал миллионы на маленьких пузырьках, проданных своим маленьким подружкам, тянущимся цепочкой одна за другой в его подпольную лабораторию в университетском городке в Беркли. Я встречала его за год до этого в районе Хайт… в 1966 году. Частенько видела его, проходящего мимо моего бутика по Хайт–стрит. Он был на дружеской ноге почти со всеми членами новоиспечённых рок–групп, и я заключила из всего этого, что он живёт где–то поблизости. Ходили слухи, что Кинг более чем друг им всем. Поговаривали, что помимо своего производства, он ещё финансово поддерживает одну группу в их попытках встать на ноги. Я слышала, что он истратил не меньше тридцати тысяч долларов им на инструменты, звуковое оборудование и всякое

такое, необходимое гастролирующим музыканта. Истинный смысл этого, заключался в том, что это гарантировало ему солидное положение и добавочный доход, если они добьются успеха, которого они более–менее всё же добились, имея такую поддержку.

126

Толком о Кислотном Короле никто ничего не знал — откуда он, где живёт. Видимо, знала его группа, но ребята держали язык за зубами. И для меня было настоящим сюрпризом, хотя и встречала его я так часто, когда он однажды подошёл ко мне и спросил, не хотела бы я поужинать с ним или сходить в кино.

В действительности меня мало интересовала эта идея. Этот парень был невысок, коренаст, но одевался шикарно — я, похоже, видела на нём в разное время, по крайней мере, с полдюжины разных кожаных и замшевых курток и пиджаков. Но что–то было в его взгляде, как он смотрел на тебя — что–то нехорошее. Что и подтвердилось в будущем. Как если бы он только что проснулся. Что–то было в его глазах, близко как у грызунов посаженных. Очки, всегда чуть приспущенные на его припухлой физиономии и ещё более дополняющие его сходство с бурундуком, акцентировали порочность его натуры.

Я тогда не приняла его приглашение. Что–то в том, как он всё время оглядывался, остановило меня. Но спустя несколько недель он повторил предложение, и я согласилась с ним отужинать. А потом и ещё раз. Оба раза он был безупречно вежлив, и я позволяла ему провожать меня домой.

Однажды кто–то мне сказал, что моему бутику неплохо бы иметь покровителя, и что Кислотный Король, именно тот человек, который бы мне в этом помог. У него было много денег, хоть сжигай пачками. И вот в один прекрасный день, он заходит ко мне в магазин, и мы начинаем обсуждать такую возможность. Я пригласила его к себе наверх, думая, что нам легче договориться с глазу на глаз.

127

Минут через пять как мы поднялись ко мне, он предложил что–то, что принёс с собой в небольшой коробочке.

— Вот, прими это, — сказал он. — Ты сразу почувствуешь себя лучше.

— Это кислота? — спросила я. В прошедшее Рождество у меня уже был опыт с этим.

— Нет, это гораздо мягче. Ну же, бери.

Видно безрассудство и авантюризм у меня в крови, я протянула руку и взяла таблетку. Не прошло и пятнадцати минут, как я превратилась в хихикающее совершенно пассивное

существо. Я до сих пор не знаю, что он тогда мне дал, и никогда, ни до, ни после я не испытывала такого на себя воздействия. Приставь он ко мне нож и скажи, что будет убивать меня медленно, я, возможно, только бы этому рассмеялась. Я сидела тогда на кушетке в своей гостиной с полностью стёртым сознанием.

— Что ты дал мне, — спросила я сквозь смех. — Что со мой случилось? Я даже руки не могу поднять.

— Тебе нравится? — услышала я его слова.

— Не знаю.

— Скоро тебе понравится, — произнёс он.

— Для чего ты это делаешь? — сказала я, силясь остановить смех. Из чистого любопытства. Неспособная даже испугаться. — Что ты собираешься сделать?

Он улыбнулся и встал. Дальнейшее происходило как в замедленном кино. Подошёл, нагнулся, поцеловал меня, очень нежно. Затем стал раздевать меня, предмет за предметом, очень, очень медленно. Я попыталась дотянуться до моей одежды, одеться, но руки были слишком тяжелы. Он собрал её и отложил подальше, чтобы я не смогла дотянуться.

Затем он разделся сам. У него уже стоял. Положив меня на кушетку и забравшись мне между совершенно обмякших ног, он вошёл в меня. Думаю, прошло минут десять не больше, как он кончил. Никакой прелюдии, любовных игр, просто голый трах. Самый лживый, самый пустой трах в мире, если он не наполнен любовной страстью. Ни поцелуев. Ни нежности. Ни милых слов, нашёптываемых мне на ушко, разделяемых знаками препинания, расставленными кончиком языка. Ничего… даже после того, как он кончил. Он просто вынул, оделся и ушёл. Даже слова не произнёс за всё время.

128

Я ещё лежала там без движения час или два, бессмысленно уставившись в потолок. И чем дольше я так лежала, тем больше загоралась гневом. Но то что я чувствовала по отношению к нему в тот день, этот холод, обжигающий как лёд, ни в какое сравнение не шло с той ненавистью, которую я испытала к нему, когда узнала, что беременна.

Я столкнулась с ним на улице, спустя несколько недель после посещения той негритянки с Ист–Пало–Альто.

— Ты, никчёмный ублюдок, сукин сын! — закричала я на него, не обращая внимания на проходящих мимо нас людей. — Ты дал мне наркотик, изнасиловал и сделал мне ребёнка! Мне из–за тебя пришлось делать аборт, ты, липкий, дурной…

— Ты убила моего ребёнка? — спросил он с сомнением.

Я была так возмущена, что даже не заметила, что он способен был, оказывается, на выражение беспокойства.

— А пошёл ты, — продолжала я в том же духе. — Я не хочу иметь с тобой ничего общего. Ненавижу тебя после того, что ты сделал со мной. Ты чертовски прав, мне следовало убить его. Думал получить от меня своего отпрыска.

Постояв секунд десять друг против друга, он вдруг развернулся и пошёл прочь, всё ещё не веря, что кто–то может быть не рад носить под сердцем его ребёнка…

*

Я выжила после побоев, полученных от Кимми по пути в больницу. К счастью глазное яблоко повреждено не было, а кожа восстановилась так чудесно, что только при пристальном рассмотрении можно увидеть крошечные шрамики. По необъяснимой причине я продолжала любить Кимми, несмотря на всё, что она со мной сделала. Но не со злобы и не из чувства мести я решила спать с Джанис когда и где обе мы захотим. Когда и где — вот так–то. Отличное алиби.

16

129

Конечно, это были лишь искусственные ограничения наших с Джанис свиданий. Вдобавок к нашим с Кимми взаимоотношениям, и Джанис, и я были обе в крайней степени занятыми людьми. По большей части она была связана репетициями или приготовлением к выступлениям в разных концах Сан–Франциско. Примерно в это время она вместе со Старшим Братом стала довольно много гастролировать. Они начали выстраивать мощную поддержку из отечественных приверженцев. А я по уши погрязла в делах своего магазина.

Но, несмотря ни на всё, нам с Джанис удавалось устраивать себе свидания. Сначала не особенно частые, особенно в последние месяцы 1967 года, но затем получалось всё чаще и чаще, в среднем, раз в неделю. Но всегда они были непредсказуемы. До последней минуты мы не знали, сможем ли увидеться.

Потом она стала звонить мне из разных частей страны, чтобы сказать в каких числах она будет в Сан–Франциско и спросить, смогу ли я так устроить свои дела, чтобы встретиться у неё дома. Так или иначе, мне удавалось каждый раз освободиться. Я начала играть в классическую для бизнесменов игру: «Я задержусь до поздна на работе, дорогая», или «Мне сегодня очень рано нужно быть в конторе». Забавно, а? На четверть, по крайней мере.

130

К концу 1967 года я стала бессовестно врать Кимми. То мне необходимо срочно отлучиться из города, то съездить туда–то и туда–то, то посмотреть новые фасоны одежды. И пока я была в воображаемой поездке, я могла свободно находиться у Джанис, где мы настолько много предавались любовным играм, что временами я падала в обмороки от голода и недосыпа. И если трюки с моими поездками работали, пока Джанис была дома, они ещё лучше срабатывали, когда ей по делам приходилось летать в Лос–Анжелес. Я просто говорила Кимми, что отправляюсь в другой город, а сама ближайшим самолётом вылетала в Лос–Анжелес и находила Джанис в Лендмарке.

Временами наши свидания с Джанис длились от одного до пяти (а иногда и все шесть) дней в неделю. Затем снова она стала надолго уезжать, и между нашими испепеляющими, обжигающими встречами мог проходить целый месяц. Показательно, что мы были верны друг другу в такой наиболее интенсивный период наших запутанных отношений. Часто, чтобы

замести следы, мы с Джанис встречались в дешёвых, десятка за ночь, гостиницах, расположенных прямо в нашем же квартале, где и мой бутик. Заплесневелые стены, дранка, просвечивающая сквозь дыры обвалившейся штукатурки, сшелушенная краска, почтенного возраста мебель и продавленные матрасы — всё во власти вездесущих тараканов. Не скажу, чтобы редко, но чувство вины всё же захлёстывало меня. Ведь в её отъезды мы с Кимми прекрасно проводили время. И я ломала голову, пытаясь понять, почему я так нужна им обеим. Кимми я любила. Бессомненно. За исключением тех нескольких быстролётных периодов моих с Джанис отношений. Но Джанис от меня нужно было нечто другое. Если мы с Кимми были просто любовниками, и испытывали друг к другу чувства, обычно возникающие между мужчиной и женщиной, то с Джанис у нас были строго женские отношения. Я понимаю, звучит это странно, но так оно и было. Из этих двух связей, связь с Кимми была самой сильной. Но и без Джанис я не могла уже обходиться, несмотря на достаточно частые разлуки и жизнь не под одной крышей.

131

Поскольку преданна я была им обеим, возникали ситуации, разрывающие меня на части. Кимми даже не пыталась копаться в своих подозрениях, Джанис же со своей стороны хотела склонить меня к мысли сопровождать её на гастролях. Но я даже не могла предвидеть, к чему это могло бы привести. Но что удивительно, я действительно тогда верила в возможность этого. Я была настолько самостоятельной и независимой, что не брала в расчёт трудности, связанные с перелётами и переездами.

Со временем звук её грудного голоса, ощущение её тела и напористой манеры вести себя, порывистость её движений всё более и более заполняли моё сердце. Мысли о Джанис неотлучно стали преследовать меня даже во время наших с Кимми любовных игр. Медленно, но верно её растрёпанные волосы, похожие на воронье гнездо, её вечно неряшливый вид, отстранённая чудаковатая манера держаться стали для меня чем–то родными, я бы сказала, что я даже любовалась всем этим, как любовалась Кимми, типичной, по–американски спортивного вида девушкой. Теперь уже ни Джанис, ни меня не раздражали наши с ней сексуальные пристрастия. Мы обе верили, что если ты — би ничего плохого в этом нет, если, конечно, это твоё. Меня такие отношения устраивали даже больше, чем те, которые у меня были или могли бы быть с большинством из мужчин. Слишком уж много было у меня сердечных травм из–за них. Джанис? Не думаю, чтобы у неё было много опыта. Однажды, похоже, у неё была всё же связь с женщиной, одной чёрной, с которой она жила

в свой первый приезд в Сан–Франциско в начале шестидесятых, что совсем не противоречило философии, которой придерживалась Джанис Джоплин: «Если это хорошо пахнет и не навредит никому — делай».

С каждой неделей нового 1968 года Джанис убеждалась, что я всегда знаю, о чём она думает, что чувствует, и даже в большей степени, чем она. И не могла обойтись без меня, когда что–то шло совсем не так. Где–то в конце весны, как раз после её возвращения из Нью–Йорка и записи новой пластинки Старшего Брата, Cheap Thrills, она позвонила мне прямо с сан–францисской радиостанции KSAN. Она участвовала в ток–шоу по поводу выхода её новой пластинки и украденного у неё пса, Джорджа. Кто–то украл его прямо с железнодорожного перрона, когда она отлучилась буквально на минуту.

132

— Что мне делать, — сквозь слёзы услышала я её слова.

Я составила его описание и позвонила в полицию — кобель, хвост купирован, три года, помесь с немецкой овчаркой — он и прежде уже убегал, но всегда возвращался через несколько дней, а то и недель. Но в этот раз Джанис была уверена, что люди украли его просто из–за того, что стала знаменитостью.

Мы договорились встретиться через час у Энрико, уличном кафе, любимом месте сан–францисских артистов и вообще известных личностей, посещаемых ими для пущей важности своих эго — сидя за любым из столиков, тебя видят все проходящие мимо. С четверть часа Джанис жаловалась мне на неудобства, связанные с популярностью, всё время пересаживаясь и ища поукромнее местечко в таком специфическом уголке, и только её причитания начали мне наскучивать, как вдруг её брюзжанию пришёл конец, и слёзы умиления заместили их.

— О, Пегги, — воскликнула она, — я так люблю этого маленького мудака! Думаешь, мне его вернут?

И тут я почувствовала, что на самом деле он не убежал. Что–то говорило мне, что она права. Бессомненно он был украден одни из её поклонников. И не плохо бы срочно сделать объявление по радио и предложить награду долларов в сто нашедшему.

— Я была уверена, что ты знаешь, что делать, Пегги, — сказала она. — Чёрт возьми, ты — единственная, кто знает, о чём я думаю.

133

Джанис так никогда и не поучила своего пса назад. Хотя она и проплакала несколько ночей подряд, но эта потеря потонула в лихорадке забот. Пластинка Cheap Thrills, в которую вошли

наиболее выдержанные её песни, Ball and Chain, Piece of My Heart и Turtle Blues, выпущена была в сентябре, и почти на следующий же день Джанис стала самой горячей штучкой в рок–музыке. Всего за несколько каких–нибудь месяцев было продано свыше миллиона экземпляров. Одновременно с этим некоторые слухи стали обретать реальность. Уже во время записи Cheap Thrills появилась трещина между Джанис и остальными музыкантами Старшего Брата. Народ, газеты стали говорить о группе как о Джанис Джоплин и Старший Брат и Держатели Акций. В Нью–Йорке запись постоянно прерывалась бесконечными спорами и выражением недовольства друг другом. И долгожданный выпуск пластинки только усугубил и без того отвратительную ситуацию. Джанис бредила всем, что сделала на новой пластинке, а Старшего Брата жестоко критиковали за отсутствие у неё музыкальных навыков.

Джанис уже репетировала с другими музыкантами, когда Старший Брат сыграли с ней свой последний концерт в сан–францисском Семейном Псе в декабре того года. Новый её ансамбль стал называться Squeeze. Джанис кипела энергией и надеждами, тем более что она перетащила к себе из Старшего Брата их гитариста Сэма Эндрю, который писал песни и делал аранжировки.

Тем временем мы с Джанис уединялись, всякий раз, когда это было возможно. Эти встречи значили для нас нечто большее, чем секс. Мы могли часами болтать обо всём на свете. Но чаще, конечно, о парнях, с которыми мы время от времени гоняли шары. А однажды даже у нас получилось двойное свидание. По большей части парни, которых она цепляла, отбивали у меня охоту ко всему. Они были слишком юными, говорю тебе, да ещё и старались казаться все из себя, эти маленькие уродцы. Я не отстану от своего мнения, что мужчина должен быть, по крайней мере, не только со светлой головой, но и хорошим психологом. Большинство парней Джанис, казалось, ещё совсем недавно оторвались от мамкиной титьки. Бывало, сидим и умираем со смеху, сравнивая её и моих. Мы всё более укреплялись в нашем убеждении, что наша с ней связь, и моя с Кимми это нечто большее, чем просто лесбийская любовь. Уж очень мне не нравилась мысль, что мы — лесби. Мы полагали, что принять, что мы би, это более верное решение, и определённо было много уютнее жить с такой мыслью.

134

Частота наших любовных свиданий возрастала обратно пропорционально количеству дней, остающихся в 1968 году. Ким стала по выходным уезжать к себе домой в Кармел–долину,

поэтому, как только она выходила за порог, а Джанис была в это время в городе, мы воссоединялись. Но любить Джанис за спиной Кимми! Напряжение от этого не ослабевало. Дело в том, что увеличилось удовольствие, получаемое нами от общения друг с другом.

Однажды, когда Кимми была в нашей квартире одна, а я в это время была с Джанис, одна наша общая подруга, оказывается, видела нас двоих в ресторане Трезубец в Сосалито. По возвращении домой мы с Джанис, конечно же покувыркались, но около трёх ночи меня обуял вдруг жуткий страх, и я, быстро собравшись, поспешила к себе. Принесла извинения проснувшейся Кимми и во второй раз за этот вечер снова разделась. И как в дурном водевиле с гулящим мужем, я, как если бы ничего у меня не произошло на стороне, трахнула Кимми.

Я думала о Джанис, как ей спалось, когда я сбежала, но утром стало ясно, что я ошибалась. Обычно если Джанис заснёт, её даже пушкой нельзя разбудить до полудня. Кимми же меня уже в девять утра затащила в антикварный магазин. Она с головой зарылась в антикваре, когда проходящая по улице Джанис (неужели и её тоже понесло пройтись по магазинам в такой ранний час?) вдруг увидела меня.

— Ну ты и штучка, — произнесла она недовольным тоном, как бы дразня меня. — Ты попользовалась мною, бросила, а затем побежала к ней сделать её счастливой. Хорош же из тебя любовник, мать твою.

Затем она рассмеялась, забавляясь моим положением, так как я опасливо обернулась, не видит ли нас Кимми.

— Не беспокойся, она всё ещё роет своим носом весь этот старый чудаковатый хлам. Я просто проходила мимо, возвращаясь домой, и не хочу, чтобы из–за меня у тебя были неприятности с этим боксёром.

В её поведении чувствовалось влияние кислоты, то как она владела ситуацией — мы время от времени соревновались с ней в этом. Но всё же чаще у нас с Джанис получались фантастические путешествия. Частью нашего убеждения в правомерности наших действий было то, что мы обе чувствовали, что всё это скоро может кончиться, дело было только за сроком, который нам был отпущен, может быть даже часы или дни. Но к тому времени, когда мы были уже на пике наших отношений — в 1969 году — кое–что посильнее стало удерживать нас на вершине наслаждений, оказываясь мы вместе. Героин.

17

136

Я слышала от других, что Джанис с какого–то времени уже сидит на смаке. Но это было, как она считала, сугубо личным и не посвящала меня в свои тайны, пока наши с ней отношения её вполне устраивали. И зная, что я никогда не кололась этим дерьмом, она иногда запиралась в ванной или подкреплялась там, где я не могла бы её увидеть или догадаться, чем она занимается. Её увлечение героином, казалось, меня не беспокоило. Я слышала всякие ужасы, рассказываемые про нарков, но они как–то проходили мимо моих ушей. Я встречала многих, кто кололись один–два раза в неделю, но мне они никогда не казались опущенными наркоманами, и если им не удавалось найти товар, они просто пережидали некоторое время, не стремясь срочно подкрепиться. Также поговаривали, что ни после первой, ни после второй иглы — любимая пропаганда нарков, — а только после пятидесятой или шестидесятой начинается неодолимая тяга. И даже тогда, если колешься от случая к случаю, как рассказывают очевидцы, ты не можешь прочно подсесть на это дерьмо. У меня у самой не было никакого желания попробовать уколоться, как бы ни правдоподобны были байки про привыкание. Такова просто была моя точка зрения в то время. Все эти рассуждения я веду к тому, что пока Джанис колола это дерьмо себе от случая к случаю, она, по их словам, в любой момент смогла бы свободно обойтись без него.

137

Тем не менее, однако, где–то в конце 1968 года, Джанис спросила меня однажды, не хотела бы я уколоться вместе с ней. Первые несколько недель я просто отрицательно покачивала головой, и она шла в ванную, чтобы подкрепиться, одна. Но такое повторялось всё чаще и чаще, и Джанис стала всё настойчивее подбирать убедительные мотивы. Одним вечером, в Лос–Анжелесе, во время наших игр в Лендмарке, я позволила ей уколоть себя.

Наши голые тела расслабленно лежали рядком на постели, и она невзначай спросила:

— Солнышко, не хочешь ещё чего–нибудь?

— Нет, — ответила я, испытывая уже некоторые неудобства от ставших постоянными моих отказов в том, что заставляло её чувствовать себя лучше.

— Почему нет, солнышко? Вот увидишь, тебе будет только хорошо от этого. Почему бы не попробовать, а если не

понравится, можешь отказаться.

— С детства не люблю шприцы, — сказала я, — Я даже против них, когда знаю, что в них находится то, что облегчит мои страдания, когда болею. И я отлично знаю, чёрт возьми, с первого твоего дня, что ты колешься, и что это дерьмо может, чёрт его побери, испортить тебе желудок.

— Нет, что ты, если его употреблять понемножку, — произнесла она вкрадчивым ласковым голосом, любимой её манерой убеждения. — О, ну же, солнышко. Это не будет больно. Я обещаю тебе, я сделаю это совершенно незаметно, ты даже не почувствуешь укола. Ну давай же, солнышко. Я уверена, тебе понравится.

В итоге я сдалась. И пока героин внутри меня вызывал только тошноту (обычно она проходит после первых пятидесяти уколов), невероятное тепло ворвалось в мои вены, с самого первого момента, как она его ввела, и именно оно заставило меня захотеть сделать это снова.

Раньше у меня был совершенно нормальный организм, не подводивший меня никогда. Я легко вставала по утрам, любила рано ложиться в постель, спала восемь–девять часов. Джанис постепенно изменила меня. Всё более я становилась совой, такой же как она — как и эти сказочные вампиры, она избегала солнечного света. Вот и теперь, она познакомила меня с нечто, что изменило мою жизнь даже более чем радикально. Сначала покорил он меня своей нежностью, но со временем он забрал мою энергию, ограбил моё здоровье, иссушил мою грудь, превратив меня в ту, в ком бы я не узнала себя, увидь я себя в зеркале в мои теперешние тридцать два.

Но тогда мне было всего двадцать восемь. И это был 1969 год, удивительное время, проведённое вместе. Даже Джанис я никогда не разрешала дать мне более тяжёлую дозу смака, превышающую разумные пределы, до того вечера, когда я увидела, как она дала Теренсу Холлинану такую дозу, что я чуть не поверила, что она убила его.

Однажды я пришла увидеться со своим адвокатом по поводу моих текущих дел. Там я и познакомилась с Холлинаном, одним из четырёх или пяти сыновей известного либерала, адвоката Винсента Холлинана. По какой–то причине младший Холлинан был там, не знаю, но мой адвокат, Майкл Стефаниан, специалист по делам с марихуаной и написавший книгу Potshots, решил познакомить нас. Я и раньше слышала о Холлинане у нас на Хайте. Он слыл быстрым на решения достойным отпрыском своего свободомыслящего отца. В то время он защищал в суде

«Форт двадцати семи», группу армейских мятежников, протестующих против войны во Вьетнаме. Ещё он был членом Сан–Францисского Мобилизационного комитета, который стоял во главе самого обширного и самого эффективного в городе антивоенного движения.

Так или иначе, этот Холлинан, увидев мои буфера, тут же пригласил меня отужинать с ним вечером. Мне он тоже с первого взгляда приглянулся, и я согласилась. Сначала мы заехали к нему домой, и в первую же минуту я поняла, что он хочет тут же меня изнасиловать.

— Слушай, дружок, — сказала я, — ты бы сначала, по крайней мере, угостил бы меня ужином.

Похоже, этого было достаточно, чтобы ненадолго остудить его пыл. В ресторане в Норт–Бич он успел высмеять все блюда, а пока ехали обратно, мы не пропустили с ним ни одного ирландского паба. Я и по сей день так сильно не напивалась — болело у меня всё. Он предложил заехать к нему, говорить «нет» я не стала, что за чёрт, он мог мне ещё пригодиться, и если я почувствую, что захочу с ним переспать, когда мы доберёмся до места, я пересплю. Если нет — не буду. Но как потом оказалось, всё свелось к тому, что мы вместе смотрели телевизор. Правда он сделал несколько попыток раздеть меня, но я отразила их, сказав, что у меня месячные и что этот именно день — мой «самый худший».

139

Мы начали часто видеться. Много гуляли, и я стала принимать его приглашения. Раза четыре или пять он меня так заводил, что я разрешала ему себя трахнуть. Во мне давно не было настоящего мужского инструмента, и такая перемена мне нравилась.

Я уже месяца три встречалась с Холлинаном, когда Джанис узнала, насколько регулярно мы уединяемся, и она сильно меня удивила — оказывается, меня ревнуют! Но вышло так, что она боялась, что я выйду замуж, и это послужит концом наших с ней отношений. Не могу сказать, что эта мысль не приходила мне в голову. Холлинан был высок, хорошо сложен, симпатичен и очень стилен. По общему мнению — один из самых видных в то время сан–францисских неженатых мужчин. И к тому же не голубой. Боксёр–любитель, он был чемпионом Калифорнийского университета, и, как я слышала, выступал несколько раз на ринге с профессионалами в среднем весе и хорошо себя зарекомендовал. Но после того как полицейские дубинкой раскроили ему череп во время разгона студенческой демонстрации, он оставил ринг. Естественно, в суде против того

копа Холлинан представлял сам себя и, конечно, выиграл дело.

Между ним и Джанис завязались очень странные отношения. Как только он чувствовал, что она начинает меня ревновать, он уводил меня от неё подальше. А сам, всё то время как мы с ним встречались, в тайне мечтал познакомиться с ней. В одну из наших встреч я нечаянно облегчила его страдания. Люди часто заигрывали со мной, зная меня, как интимную подругу Джанис. И однажды, сидя за столиком в одном из ресторанов, он вдруг спросил меня:

— Ты, я слышал, близкая подруга Джанис, верно?

Меня как выключили из розетки.

— Да, но думаю, ты хотел спросить, близки ли мы? — быстро придя в себя, я парировала удар.

Я попыталась рассмеяться над двусмысленностью сказанного. Но Холлинан быстро перевёл разговор в другое русло, как только я начала подкалывать его:

— Ну и ну. Ты что, тоже поклонник Джанис, да неужели?

Холлинан, немного поёрзав, вскользь заметил:

— Да, мне она нравится.

Затем мы оба переменили тему, я успокоилась — он не пытался использовать меня, чтобы только с ней познакомиться. Но он оказался хладнокровнее, чем я думала.

— Хочешь, я тебя с ней познакомлю?

— Конечно, — казалось, равнодушно ответил он. — Почему бы нет?

— Поехали, — сказала я. — Мы ещё можем застать её дома. Думаю, она ещё там.

И мы поехали к ней на Ной–стрит. Я оказалась права, и мы застали её дома. Дверь была не заперта, а сама она плавала на героиновом облаке, перечитывая в который раз отзывы на свою пластинку. Она поднялась мне навстречу и обняла, крепко прижавшись всем телом:

— У–у–у, хочешь чем–нибудь заняться?

— Нет, спасибо.

Меня по–прежнему тошнило каждый раз, после её уколов.

— Ну, солнышко, ну, что ты.

— Нет, Джанис, я, правда, не хочу.

— Тогда, вот что, — произнесла она заговорщическим шёпотом, поглядывая на Холлинана, оставшегося в гостиной. — Мы и ему немножко дадим.

— Он не по этому делу, Джанис. Он серьёзный человек.

— Попытаюсь уговорить.

Господи, маленькая школьница, пытающаяся предложить

игру в доктора новому ученику в своём классе.

Я пошла к нему, предупредить.

— Джанис сильно нагружена, и хочет меня отправить туда же. Ещё просила меня узнать у тебя, не хочешь ли и ты тоже.

Я не слышала, чтобы Холлинан когда–либо раньше торчал, поэтому его утвердительный ответ удивил меня.

141

— А Линда? — спросила я.

Джанис, по каким–то своим соображениям, всегда хотела, чтобы рядом жил кто–то. На данный момент это была Линда Гравенитис, она жила порознь со своим мужем, Ником Гравенитисом, нашим общим другом, который немного позднее станет писать и аранжировать для Джанис.

— Линда заперлась в своей, мать её, комнате. Её опять сегодня нет дома.

В своей спальне Джанис приготовила дозу сначала мне, затем ему, и сделала она это как всегда профессионально. Но у неё была отвратительная привычка, немного утяжелять дозу для чужих, и я, пользуясь случаем, спросила, не могла бы она и мне в этот раз немного её увеличить. Но к счастью для меня, мои слова она пропустила мимо ушей, и я после первой волны лихорадки и жара замечательно поплыла. Мои мозги нагрузились, и вот что странно, я не понеслась в этот раз в уборную, и меня не выворотило наизнанку. Лицо расплылось в улыбке — Джанис готовила по второму разу. Мне бы остановиться, но нет, какого чёрта, я плыву, а Джанис, ну, она знает, что делает. Она воткнула иглу в руку Холлинану и вспрыснула в вену содержимое шприца. Вдруг зрачки Холлинана завращались, глаза закатились, его затрясло, он попытался поднять руку и затем, сползая влево, медленно с поворотом рухнул на ковёр.

Меня просто сдуло с кресла:

— Иисусе, Джанис. Он сейчас умрёт!

— Да, брось, — отворачиваясь, спокойно произнесла Джанис. — Оставь его.

— Но ради Христа, надо же что–то сделать. Боже мой, ему же плохо. Может, ты дала ему слишком убойную дозу. Это же впервые он укололся.

— С ним ничего страшного, — сказала Джанис. — Он просто немного более нагрузился, чем мы, вот и всё.

— Куколка, ведь иногда люди откидываются от передозировки.

— Кто тебе такое сказал?

142

— Не знаю, Джанис, просто слышала про это.

— А теперь послушай меня, солнышко, — сказала Джанис. — Ты не думаешь, что я знаю, что делаю, мать так? Я повторяю ещё раз, с ним всё в порядке. Он просто заснул, мать его, чёрт побери.

Казалось, её ничто не могло вывести из себя, и чем увереннее был тон её голоса — а я была уже сильно нагружена, — тем сильнее я поддавалась её влиянию. И Джанис, улыбаясь как–то по–особенному, сделала со мною то, о чём я хочу с тобою сейчас поделиться, потому что до сих пор не могу понять, что же тогда на самом деле произошло. Приблизившись ко мне, она взяла меня под руку и повела к постели. Холлинан продолжал лежать не двигаясь, и любой бы на моём месте подумал, что он уже не дышит.

— Мы разве не плохие девочки, а? — сказала Джанис, загадочно хихикнув.

И как если бы была необходимость опровергнуть это утверждение, порочность (а Холлинан продолжал лежать без сознания тут же, рядом с нами) трансформировалась в ощущение чистой магии. Сидя на краешке постели, мы начали медленно раздевать друг друга. Затем, абсолютно голые легли, вытянувшись бок обок, и стали делать друг с другом то, в чём были настоящими адептами.

Мы обе были сильно нагружены, а когда ты находишься в таком состоянии, то можешь выдержать длительные стимуляции. Должно быть, мы любили друг друга с час с Холлинаном, лежащим на полу буквально у наших ног. Мы меняли позы, обменивались ролями, но что ни делала бы со мной Джанис своим ртом, или руками, героин отнял у меня способность достичь оргазма. Он полностью обесточил и её. Бездыханные, потные, мы расцепили объятия, наполняемые странным новым для нас ощущением третьего лица, хотя и бесчувственного, находящегося вместе с нами в одной комнате.

Наконец мы встали и оделись. Холлинан продолжал быть мертвее всех на свете. Беспокойство, охватившее меня прежде, вернулось ко мне.

— Не волнуйся, — сказала Джанис. — Он очнётся. Вот. Помоги мне.

143

Я нагнулась к нему, и что увидела первым? Его позеленевшее лицо.

— Боже праведный, — прошептала я. — Он мёртв, Джанис. Он мёртв.

— Он не может быть мёртвым, — сказала Джанис. — Он всё ещё дышит. Разве ты не видишь?

Его грудь еле заметно, ритмично вздымалась и опускалась,

что вселило в меня чуть–чуть уверенности.

— Кончай на него пялиться, лучше помоги мне, возьми его под руки.

Нам удалось прислонить его к кровати, и Джанис стала бить его по щекам. Это не помогло, тогда она сходила в ванную и вернулась оттуда с мокрым полотенцем.

— Вот, держи, попробуем привести его в чувство.

Придвинув тело ближе к кровати, нам удалось посадить его, но голова не держалась и склонилась на плечо. Я взяла мокрое полотенце и с силой прижала его сначала ко лбу, затем к глазам, щекам, потом к вискам. Его лицу стал возвращаться цвет, но не уверенность мне. Другой рукой я придерживала его голову. Попробовала отпустить — она снова склонилась, теперь только вперёд.

— О, господи, Джанис. Он умирает, мы убили его.

И начала целовать его, лоб, щёки, глаза.

— Теренс. Теренс. Миленький. Проснись. Пожалуйста. Не умирай. Не…

Вдруг его глаза открылись, и он расплылся в улыбке.

— Что…? Что случилось?

Я почувствовала такое облегчение, как если бы описалась, прямо не отходя от него.

— Всё ясно, — произнесла я, делая большой вздох. — Ты… э… плохо переносишь героин.

— Переношу? — внезапно к нему вернулся дар речи, и, взглянув в сторону Джанис, продолжил:

— Она дала мне слишком большую, мать её, дозу! Вот что случилось.

— Она дала тебе совсем немного, — соврала я.

— Ладно, — произнёс он, и, видимо, подумав над своим скоропостижным обвинением, быстро перестроившись, произнёс:

— Ладно, очевидно… э… я… был не готов. Или, э, биологическая способность усвоения не соответствовала тому, что она мне дала.

— Может, произошла простая блокировка, — сказала я. — Или, может быть, у тебя на него аллергия. А может в комбинации со всем тем, что ты съел сегодня…

— Брось, забудем, — перебил он меня. — Долго я был в отключке?

— Нет, — теперь врать настал черёд Джанис. — Совсем недолго. Ты чуть–чуть задремал, и всё.

Позднее, уже подъезжая к моему дому, Холлинан взглянул на часы.

— О, мой бог! — воскликнул он. — Посмотри сколько времени. Через час мне уже надо быть на работе.

— Да, — произнесла я. — Уже поздно.

— Уже поздно? Да, чёрт побери, что вы делали всё это время?

Я взглянула на него. Честнее и яснее глаз, думаю, ты никогда в жизни не увидела бы. И, почти не открывая рта, равнодушно бросила:

— Смотрели телевизор. И всё. Ты ничего не пропустил.

18

145

Однажды, в конце дня, незадолго до того как Джанис дала под зад этому Холлинану, она позвонила мне в бутик.

— Что ты делаешь?

— Ничего, — ответила я. — Просто убираю несколько вещей с прилавка.

— Не заедешь ко мне, после того как закончишь?

— Я думала съездить в Стинсон—Бич, — ответила я. — Я обещала Кимми, что приеду. Она уже там.

— Ладно, тогда хотя бы на минутку, по пути, у меня к тебе небольшое дело, сможешь?

— Хорошо, заеду, только, знаешь, Джанис, подкрепляться я не буду. Мы слишком перебрали с этим совсем недавно. Думаю, тебе стоит начать быть впредь аккуратнее.

Пока я к ней добиралась, Джанис получила телеграмму от Стакс—Вольт—Рекордс с приглашением принять участие в специальном концерте в Мемфисе, где находится штаб–квартира компании.

— Ты только посмотри на это, — воскликнула Джанис, размахивая перед моим носом телеграммой. — Ты можешь представить? Меня пригласили на самое небывалое хэви–соул шоу в мире. Там будут все мемфисские великаны. Не могу поверить, что они пригласили и меня. Представь — меня! Эх!

Она замолчала, нахмурившись.

— Знаешь, моя группа, эти Squeeze, они даже ещё не сыгрались толком. У нас едва хватило времени познакомиться.

146

Мемфис — колыбель таких соул–певцов и блюзменов, как Воющий Волк, Мутные Воды, Биби Кинг и Джон Ли Хукер. Вильсон Пикетт и Отис Реддинг нарезали там лучшие свои пластинки. Джанис была блюзовой певицей, но очень специфической, её вокал и стиль скорее был близок к хард–року. Приглашение в Мемфис означало, что она переступит предел одной из невидимой, но, однако, жёсткой границы мира поп–музыки. И Джанис осознавала это. Её охватывал трепет, как перед известными именами, так и множеством современных её чёрных музыкантов, играющих в окрестностях Мемфиса и всей долины и холмов Миссисипи. Многие имена оставались совершенно неизвестными в других местах, но это нисколько не мешало ей благоговеть перед ними. Для Джанис они оставались непревзойдёнными созидателями. Аура глубины и традиции,

окружающая населяющих Мемфис людей, в которую она свято верила и уважала, согревала немного и её.

— Что мне делать, Пегги? — продолжила она. — Следует ли мне принять их предложение, или я не потяну? Это действительно важный шаг в моей жизни. Но если я провалюсь, дружок, это будет преследовать меня всюду, где бы я ни появлялась. Нет, Пегги, я не поеду. Я не хочу ехать.

Я понимала, что от меня она ждёт только поддержки, и как если бы это было вчера, я чувствую её потребность в дружеской руке до сих пор.

— Не смеши меня, — сказала я. — Тебе надо ехать. Ничего худшего ты не можешь придумать, как пропустить такую возможность. В любом случае, это поможет тебе собраться. У тебя великолепный голос. Итак, больше ни одного слова об этом, решено. Не хочу слышать твоего нытья. Поняла?

Она стояла передо мной, такая растерянная, и я поняла, что она уйдёт в запутки, если я продолжу напирать, и изменила тактику.

— Ты говорила, у тебя есть немного смака? — спросила я.

— Я думала, ты откажешься, — ответила она.

— Я передумала. Давай, у нас есть, что отметить.

— Мемфис, дружок.

— Да, Мемфис.

Она вцепилась в меня клещами, хотела видеть меня рядом с собой в Мемфисе, но, как нарочно, именно тогда я была занята. Она уехала неделей раньше, чтобы спокойно порепетировать со Squeeze, и мне показалось, что прошла вечность до её звонка.

— Ты не поверишь. Ни за что тебе не угадать! Когда я приехала, первое, что увидела, своё имя, стоящее во главе афиши. Во главе афиши, дружок. Ты представляешь? Как если бы этот фестиваль был устроен специально ради меня. «Джанис Джоплин» — огромными, с товарный вагон буквами, а имена других участников напечатаны ниже более мелким шрифтом. Ух–ты, вау! Я не знаю, что делать. Я вся на нервах, готова прыгнуть в самолёт. Эта афиша, просто могу смотреть на неё бесконечно. Но, знаешь, дружок, я ещё не готова…

Она перечислила ещё какие–то имена с афиши — какие не помню, я их прежде никогда не слышала.

— Ты сможешь, — сказала я. — И даже больше того.

— Думаешь?

— Ты превосходна. Тебе ничего не придётся делать, просто пой, и всё, куколка.

— А, может, мне стоит отказаться?

— Ты сошла с ума? Ни в коем случае!

— Когда они напечатают тираж, уже будет поздно. Солнышко, я не нахожу себе места.

— Твоё имя должно стоять на этой афише, — сказала я. — А теперь, слушай внимательно. Если они считают твоё участие важным, то так оно и есть, поняла? Даже если ты так не считаешь. Раз они так решили, значит они знают что–то, что мы с тобой ещё не знаем. Во всяком случае, всё остальное — яйца выеденного не стоит, я права? Итак, ноги в руки и действуй, даже если ты немного сблефуешь — не страшно.

Конечно, никто из нас даже предположить не мог, насколько атмосфера Мемфиса могла отличаться от сан–францисской, это как какое–то иностранное государство по отношению и к Старшему Брату, и к группе Squeeze. Всё по–другому. В Сан–Франциско, публика практически индифферентна ко всему, что происходит на сцене, стиль и умение привлечь к себе внимание были общепризнанными, и даже приветствовались рок–аудиторией. Но Мемфис — это совсем другая история. Всё здесь было так точно вымерено, как какая–нибудь дорогая электрическая игрушка, так преувеличенно подчёркнуто, так отполировано, как какой–нибудь салон красоты.

148

Позже рассказывали, что одна группа на этом фестивале в Мемфисе вышла на сцену в костюмах зебр. Другие изображали Пони и Бугало, и отец с дочерью чуть не трахнулись прямо на сцене, так они танцевали. Джанис, которой досталось выступать перед местными любимчиками, практически не оставили шанса. В толпе росло недовольство, ведь никто из них не ожидал, что группе потребуется не менее десяти минут, чтобы развернуть своё оборудование (обычное дело у нас, в Сан–Франциско). И к тому времени как она запела специально разученные для этого концерта три номера, написанные мемфисскими композиторами, толпа готова была уже разойтись.

Джанис планировала сначала спеть эти три мелодии — слишком джазовые для неё, — а затем ударить по публике своими Ball and Chain и Piece of My Heart, спетыми на бис. Но задуманное так и не было выполнено. Аплодисменты после тех трёх номеров были настолько жидкими, что слышно было, как какая–то беззубая старуха чавкала своим попкорном.

Испытав шок и вернувшись к себе в гостиницу, она сразу позвонила мне.

— Полный провал, — рыдала она в трубку. — Это худший совет, мать его, который ты когда–либо мне давала. Я вышла на сцену, думая, что готова, а всё пошло наперекосяк, к чёртовой

матери. Я погибла, дружок. Надо было сразу вычеркнуть меня с этой афиши, я так и знала. Ребята даже сыграть не могли вместе, и этим сбивали меня. Возможно, я с ними ещё буду работать, если конечно, они соберутся, но сейчас они ещё не готовы. Мы слишком мало репетировали.

— Ты уже договорилась с кем–нибудь, кто бы мог помочь тебе? С аранжировкой или ещё с чем?

— Да, с Майклом Блумфельдом. Но он сможет прилететь только за пару дней до закрытия фестиваля. Ничего хорошего. Им никогда не сыграться… а я…, — на полуслове она замолчала.

— Что, Джанис?

— А я… напилась.

— Не очень умно с твоей стороны, а?

Эта фраза оказалась последней каплей. Она взорвалась.

— Возможно, ты разрушила всю мою карьеру, — скороговоркой выпалила она, — дав мне этот чёртов совет. Настояв, чтобы я приехала сюда.

— А теперь успокойся, — невозмутимо произнесла я. — И слушай внимательно. Никогда не вини меня, какой бы совет я тебе ни дала, слышишь? Где тебе следует выступать, а где нет.

— Да, ты всегда лучше меня всё знаешь, — произнесла она уже смиренным тоном. — И ты единственная, кто знает, в каких ужасных местах мне пришлось расти.

— Нет, я не знаю, Джанис. Ты просто так думаешь.

— Не говори так. Я знаю, что ты знаешь.

— Слушай, Джанис. Мне даже не спеть Happy Birthday в нужном ключе. Я не музыкант. У меня даже нет ни малейшего представления, какого это быть поп–звездой. Я даже не знаю, как становятся певцами.

— Но мы так близки, ты и я.

— Знаю, — сказала я. — Но это же совершенно другое, куколка.

Я почувствовала, что она начала успокаиваться, но в трубке всё ещё продолжались её всхлипывания.

— Вот, что, куколка, не бери это всё близко к сердцу. Это всего–лишь одно из выступлений.

— Но оно, возможно, разрушит всю мою карьеру.

— Нет, не сможет. Следующее будет великолепным, а за ним ещё и ещё. И уже прежде, ты забудешь, про этот, мать его, Мемфис. Ничего не значащий эпизод.

— Ты действительно так думаешь?

— Конечно, думаю. Многие в таком же положении как и ты, испытывают шанс за шансом. Просто жди, наблюдай и не

пропускай.

— Не знаю, — услышала я в ответ.

Могу сказать, что она понемногу стала отходить.

— Всё, что тебе сейчас нужно, это репетировать и ждать удобного случая, — сказала я. — Очень скоро у тебя будет ансамбль, такой, какой тебе нужен. И всё пойдёт как по маслу. Всё наладится. И перестань корить себя.

150

На прощанье я посоветовала её хорошенько выспаться. Но как показали следующие месяцы, мои заверения оказались, мягко говоря, неточными. Весь 1969 год, и неважно много ли они работали, группе так и не удалось выйти из желеобразного состояния. И не важно, насколько они были плохи по сравнению с тем, что писали о Джанис, они так никогда и не воодушевились настолько (даже сердитыми не стали), чтобы одолеть барьер, отделяющий их от полноценно интегрированного ансамбля.

Пока Джанис продвигалась в собственной карьере, по единодушному убеждению многих музыкальных критиков — медленно, но верно, она параллельно попала на скандальные полосы бульварных газет из–за своего нового статуса и новой команды. Кисло–горькие статьи посыпались из–под пера словоохотливых марателей, после разгромной статьи Ральфа Глизона на её выступление в родном Сан–Франциско в Винтерленде в марте 1969 года.

С Винтерленда началась одна из её первых чёрных полос, во время которых что бы она ни делала, за что бы она ни бралась, всё рушилось. Кто–то украл её машину прямо со стоянки, и она была так раздосадована, что это тут же отразилось на её выступлении в тот вечер.

— Что за невезуха, мать вашу, — немного всплакнув, сказала она мне. — Ты бы не заехала за мной? Может быть, вместе мы поищем мою машину.

— Конечно, я заеду за тобой. Но я очень сомневаюсь, что мы сможем, что–нибудь узнать так скоро. Тот кто крадёт у тебя машину, не оставит стоять её на улице на виду у всех.

Я отвезла её домой и проводила до дверей. Позднее этим днём она зашла ко мне в магазин и убедила меня поехать с ней в Норт—Бич и выпить, пока будет ждать интервью.

— Что тебя удерживает от посещения моих концертов, — спросила она, находясь всё ещё в ужасно раздражённом состоянии. — Конечно, это не моё дело, но неужели ты обо мне больше не заботишься? Сегодня состоялось такое важное для меня выступление в родном городе, а ты избегаешь ходить и смотреть меня.

151

— Неправда, — сказала я. — Я была там, сидела в партере.

— Не верю. Что я пела?

За минуту я по памяти перечислила все номера, что ещё более её раздосадовало.

— Да, действительно ты там была, — сказала она.

— Я же говорила тебе, что была там. Ты, должно быть, чертовски неважно себя чувствуешь, раз даже не веришь мне.

— Ладно, но почему не зашла ко мне за кулисы?

— Во–первых, я была не одна, а с Кимми. А во–вторых — знаешь, я терпеть не могу эту игру в телефонные звонки за кулисы ко всеми этими напыщенным козлам.

— Ты могла избежать всех многих мелких трудностей, — произнесла она, кроткая как овечка.

— Знаешь, мне никогда не понять многого из того дерьма, в котором ты варишься, — сказала я. — Если бы я была из одного теста, что все эти люди, возможно, мы не были бы так близки с тобой как сейчас. И знаешь. Ты бы так не ценила мою дружбу.

— Думаю, ты и здесь права, — подытожила она.

По пути в одном из баров Норт—Бича нам в руки попался свежий номер Кроникла. Ужасная оплошность. Ральф Глизон, регулярно пишущий статьи для таких крупных журналов, как например, Роллинг Стоун, описал положение Джанис, как внушающее страх, и что лучшее, что она может сейчас предпринять, по его мнению, это вернуться к Старшему Брату, если, конечно, они согласятся принять её обратно.

Крючкотворство Глизона обратило Джанис в неописуемую ярость. Она бросила газету на пол и стала втирать её каблуками в пол.

— Мать твою, что за день, — возмутилась Джанис. — Ещё и героина нет ни щепотки.

— Почему бы не позвонить Джорджу на этой неделе?

У неё не было связи с этим толкачом, который регулярно прилетал с ним для неё из Лос–Анжелеса.

— Ты никого не знаешь ещё, у кого мы могли бы взять немного? — спросила она.

— Нет, но думаю, я знаю кое–кого, кто мог бы помочь найти для нас канал.

152

Выяснилось, что могут помочь мои связи, но нужно подождать ночи, и нам ничего не оставалось как сидеть и ждать в опустевшем и тёмном Филлмор—Аудиториуме. Джанис терпеть не могла такие встречи. Гораздо проще, когда Джордж просто доставлял товар ей домой. А так ты должна звонить кому–то, и

затем мчаться встречаться ещё с кем–то, бог знает где, хорошо ещё в Филлморе, а то бывало на каких–то подозрительных грязных квартирах. Обычно связным был какой–нибудь чёрный парень. Ты либо просто встречалась с таким один на один, либо тебя знакомил общий приятель — ещё те нервы. А иногда тебя просто посылали на «слепое рандеву», где ты тряслась от страха, окажется ли этот нарк копом или нет. Целый букет, из–за которого легко заработать себе паранойю. А связной, со своей стороны трясся от страха, не окажешься ли ты сама копом, ну и пошло–поехало.

Итак, мы сидим ночью в тёмном зале Филлмора, проходит час, другой, третий. И чем дольше мы ждём, тем сильнее завладевает нашими сердцами тревога. Могут нарисоваться копы, или ещё какие–нибудь крокодилы. А ещё всегда есть вероятность, что связной окажется палёным и смоется с твоими денежками, отдав тебе пакетик с простым сахаром. И кто знает, чистым ли окажется товар, как быть уверенной, что эта дрянь сравнится с той, что привозит Джордж из Лос–Анжелеса. У Джорджа своя выгода снабжать Джанис лучшим смаком. Она — его твёрдое будущее. К весне 1969 года она изводила этой дряни на себя, по крайней мере, на двести долларов в день. Она сидела на игле, а Джордж привозил ей товар с запасом, так как я тоже регулярно с ней вместе подкреплялась.

Было уже далеко заполночь, когда, наконец, нарисовался связной. Он оказался надёжным, как и тот товар, который он продал нам. Мы понеслись домой к Джанис, и, буквально, через минуту были уже обе так нагружены, что даже без прелюдии (нашей с ней обоюдной игры с сиськами) поспешили трахнуться. Несмотря на перегруз, Джанис понесло, рот не закрывался, и, конечно же, досталось этому бумагомарателю Глизону.

153

— Каков подонок. Подожди, Пегги. Вот увидишь. Я раздавлю этого сукина сына. Я заставлю его съесть эту, мать её, его писанину. Дружок, я не сидела бы в этом мать его, Филлморе всю ночь, и не ждала бы этого проклятого связного, если бы не Глизон. Я должна позвонить Джорджу.

— Не переживай так из–за этого, — сказала я.

— Знаешь, никак не могу отвязаться от мысли, что за теми парнями ходят копы следом.

— Наверное, так оно и есть, куколка.

— А я, мать твою, да меня уже все узнают на улице.

— Ты стала… такой… знаменитой…, — мои веки тяжелели с каждой минутой.

— Ты же знаешь мне это ненужно, ненужно было до этого,

мать его, Глизона.

— Конечно ненужно…

Я уже едва различала её слова, помню только, она обрушила свой гнев и на того вора, который угнал её машину.

— Знаешь, что сделал этот говнюк?

— Что?

— Он просто пришёл в этот, мать его, гараж и сказал охраннику: «Можно я возьму ключи от машины мисс Джоплин? Я её шофёр».

— Что за чушь, — на несколько секунд придя в себя, произнесла я.

— И этот, мать его, охранник поверил. Подумал, что тот — мой личный шофёр! Можешь в это поверить? А этот, мать его, гад просто взял ключи, завёл этот чёртов мотор и уехал.

— Ему придётся её перекрасить, — сказала я, медленно, очень медленно, сползая в небытие.

— А эти копы, ещё спрашивают, в какие именно цвета была… я им и говорю, психе… психа…

— Психоделические…

— … цвета…

Пару недель до этого копы нашли её машину.

Её, вручную раскрашенную детьми цветов во все цвета радуги, пытались замаскировать неудачно нанесённой тонким слоем чёрной краски.

154

И ещё не скоро я осознаю, что мы сами, я и Жени, будем окрашены не хуже — подкрепляясь, чуть ли ни каждый раз как мы оказывались наедине, — всё это определённо, могло привести нас к зависимости. Но время, когда я пойму эту горькую правду, настанет слишком поздно, а пока мы беспечно предавались удовольствиям.

19

155

Джанис оказалась права, упоминая о тех копах–героинщиках с улицы, что их легко узнать. И гораздо больше правды, чем в моих сарказмически–эпических записках о наркотиках и выкачивании эго, в том, что она стала слишком «знаменитой», чтобы продолжать рисковать такого сорта вещами. О ней писали и говорили всё время, несмотря на недостатки её группы. Отдел по связи с общественностью Коламбии—Рекордс был завален стопками писем от взволнованных желающих в связи с миллионной прибылью от продажи её Cheap Thrills. И в ещё большем количестве рассылались Коламбией проглоченные, расклассифицированные и ею изрыгнутые подписанные авторами копии, спешащие попасть в утренние газеты.

Лишь немногие, вроде Глизона, нанесли свой предательский удар ножом и, рассматривая ревю Джанис Джоплин, называли её не иначе как «она и ансамбль Squeeze», характеризуя их трясущимися, неуверенными, несогласованными в своих действиях и «недоработанными». Но такие газетные статьи могли смутить и привести в ярость только Джанис. Гроссман, её импресарио, требовал к этому времени уже только ионосферную оплату за каждое её выступление.

156

Когда с его определениями она смирилась, а они были естественны, Джанис ничего не оставалось делать, как поверить, что только в том случае, когда «она и Squeeze» улучшат свою игру, они смогут получать желаемые гонорары. Такова была огромная пропасть между критиками, подобными Глизону, и армией менее проницательных и заколдованных очарованием не только такого уникального и мощного голоса Джанис, но и её сценической энергии, журналистов.

Результатом всего этого стала опасная и нездоровая раздутость её эго, исподволь окрашенного её природным чувством смущения, приниженного самосознания, страхами и чувством нестабильности. Подчас, в редких случаях, когда попадался вдумчивый репортёр, берущий у неё интервью, возможно было разглядеть под маской наглости и нахальства её искреннее, истинное лицо.

— Ого, я никогда так здорово прежде не пела! — нередко прерывала она какого–нибудь трудягу–репортёра, отходя в сторону от заданного ей вопроса. — Разве вы не думаете, что я стала петь лучше?

Молчание.

— Ладно, проехали, Иисус, мать его, Христос! Я стала много лучше, уж поверьте мне.

В итоге, в статье, которую сочиняет этот бедняга после такого содержательного «интервью», он пишет: «Меня обуревают волнующие чувства, что весь мир Джанис балансирует на зыбком фундаменте её музыкального творчества — сколько нужно искреннего цинизма, чтобы выдержать всевозможные атаки со стороны прессы, радио и телевидения, и её мир может быть похоронен слишком глубоко под её безмерно милой, но крайне самоуверенной безыскусностью и простодушием».

157

Мне бы увидеть тогда, как много нереальности, окрашивая, просачивалось в её личную жизнь и поступки. Каждый день, каждую неделю, казалось, ей требовалось всё больше алкоголя, всё больше наркотика. Всё более дикими становились её выходки, и поток почти истерической активности, который предвосхищал даже те редкие моменты тихого пробуждения, был настолько силён, что не давал даже времени остановиться и подумать, что же с ней на самом деле происходит. Мне бы тогда… Но я не видела или не могла видеть. Как работающая женщина, жена, мать троих детей, домохозяйка, живущая по плотному графику, я была слишком занята, чтобы заметить, что уже неисправимые душевные раны раскололи её психику и неизбежно вели к летальному исходу.

Совсем немного времени прошло после Винтерлендского фиаско, и всё ещё не готовая для такого ответственного предприятия, Джанис со своей группой вылетает в Лос–Анжелес, чтобы нарезать свою следующую пластинку, Kozmic Blues. Они уже

отсутствовали две недели, когда я сказала Кимми, что уезжаю за закупками, и нашла Жени в Шато—Мармон, чудаковатой старинной гостинице на Сансет—Стрип. У неё выдался свободный вечер, так что мы, поужинав в Старом Свете, продолжили у Барни, где напились и немного пошумели.

Где–то ближе к полуночи, она предложила сходить посмотреть «Комитет», сатирическое ревю, высмеивающее политиканов и общественных деятелей. Один приятель её по передозировке, Крис Росс, был там звездой, но и все в этом ревю тоже играли великолепно. Джанис, а нам достались самые лучшие места, хотя и был аншлаг, смеялась до слёз и аплодировала громче всех. Из–за кулис, один парень, с которым она кувыркалась время от времени после своего второго приезда в Сан–Франциско в 1965 году, узнал её хрипловатый смех и

вышел к нам поздороваться.

Его звали Милан Мелвин, и женат он был на младшей сестре Джоан Баез, Мими, после смерти её первого мужа, Ричарда Фаринья. Мне он был знаком ещё по Сан–Франциско, но я не знала о его увлечении продвижением разного сорта талантливых людей. До сих пор для меня загадка, почему он оказался тогда в Лос–Анжелесе, да ещё и с «Комитетом», ведь в ревю он задействован никак не был. Но Джанис это не интересовало, она просто была рада встретить старого знакомого. Последовали поцелуи, обнимания и предложения после окончания спектакля, который должен окончиться не позднее часа ночи, куда–нибудь всем вместе сходить. Когда Мелвин с радостью согласился, Джанис заговорщически мне подмигнула.

— Ай–ай, как стыдно — он же женат, — сказала Джанис. — Но мы великолепно покувыркаемся.

— Что, настолько хорош?

— М–м–м-м. Особо он не тратит времени на прелюдии, но всё остальное — просто потрясающе.

— Что такого он делает особенного? — спросила я скептически, вспоминая тех нескольких, которые мне особенно запомнились.

— Ну, Природа его одарила. Не маленький, но и не слишком большой. Хороший, крепкий ствол, и стоит долго.

Однажды, это было в предыдущем году, мы делили уже с Джанис одного парня на двоих, было это у неё на квартире на Ной–стрит.

— Как у того дровосека с Полуострова? — спросила я.

— Да, — сказала и, помолчав с минуту, продолжила, — как думаешь, он изменяет Мими?

— Не знаю, но я всегда рядом с ним чувствую от него вибрации, что он готов буквально в эту же секунду задрать мне юбку. Но я слышала, он очень серьёзно отнёсся к своей женитьбе.

— Скоро увидим, — сказала Джанис. — Совсем скоро увидим насколько серьёзно.

Посмеиваясь и перешёптываясь, мы, как две заговорщицы, начали разрабатывать в мельчайших подробностях наш план обольщения. К тому времени как после спектакля мы у Барни прикончили по три бутылки пива, Мелвин был уже готов на всё.

Когда мы, наконец, добрались до Шато–Мармон, было уже около трёх ночи, и первые слова Джанис, когда за нами закрылись двери, были:

— Ну что ребята, не хотите откинуться?

Нарком Мелвин не был, не пристрастился он ни к чему, но

никогда был не против, чтобы не пыхнуть, или по поездочке, не был он против и спидов, или даже смака, так и в этот раз.

— А почему бы и нет? — сказал он.

— Конечно, — поддержала его я. — Что за вопрос?

159

Сначала Джанис приготовила для себя и исполнила вечный свой кокетливый номер с фиолетовым шарфиком, обмотав им свою руку. После она скупо сыпанула Мелвину. Не так много, как тогда Холлинану, но мне показалось, что немного больше, чем было необходимо. Я промолчала. Думаю, мой мозг был занят другим: чем именно мы займёмся друг с другом в постели, и продолжала тихо сидеть.

И секунд не прошло, как Джанис выдернула иглу из руки Мелвина, он вскочил с кресла, сделал два шага и остановился. Взглянув ему в глаза, я поняла, что он собирается уйти. Но медленно, словно заставляя себя, он опустился на колени, веки сомкнулись и, вскинув руки назад, рухнул ничком, не промолвив ни слова.

— Это ненадолго, — сказала Джанис.

— Джанис, смотри, его лицо стало мертвецки бледным. Вряд ли мы до утра услышим от Милана хоть слово.

— Думаешь? — сказала она, приготавливая на пламени свечи в ложечке мою дозу.

— Уверена. Э-э, я не хочу сейчас столько, это слишком много для меня.

— Солнышко, всё будет хорошо. Ровно столько, сколько тебе нужно.

Я сидела за журнальным столиком, когда она перевязывала мне руку и колола. Как только она кончила, со мной случилось буквально тоже, что с Мелвином — вскочила, сделала два шага, и осела на колени, прежде чем рухнуть на пол рядом с ним. Но сознания я не потеряла, только бессмысленно пялилась в потолок. Было чувство, что веки мои наполнились ртутью, когда она, склонившись над нами, стала шлёпать нас по щекам.

— Эй, ребятки, — чуть ли не кричала она. — Не оставляйте меня одну. Оба. Ну же, просыпайтесь.

Она перестала бить нас и начала хлопать в ладоши.

— Эй, ради Христа. Мы же собирались поиграть.

160

Перед тем как окончательно сомкнулись веки, я почувствовала, как уголки моих губ начали расплываться в улыбке. Я улыбалась. Какова ирония! Она кричала, сердилась, а я слышала только то, что происходило в моей голове. Одна фраза, которую она произнесла чуть ранее, в дамской комнате у Барни,

после того как мы уговорили Мелвина отправиться к нам домой и покувыркаться с нами обеими.

«О, — сказала она там, — мечта сбывается, мечта становится явью. Ты и Милан, одновременно».

Джанис уже встала, когда мы с Мелвином окончательно проснулись. Был уже почти полдень следующего дня. Трудно сказать, удалось ли Джанис поспать или нет. Если да, то всё остальное превращается в ничто по сравнению с тем раздражением, которое обрушилось на нас двоих. Как испорченная, избалованная девчонка, которой обещали сладкую конфету, а затем обманули, она повела себя отвратительно. Джанис была раздражена.

— Чёрт бы вас побрал, ребятки. Что за, мать вашу, заговор неудачников! Вы, разрушители веселья!

— Ради Христа, Джанис, — взмолилась я. — Это твоя вина. Это ты нам дала слишком для нас большую дозу.

— Мать твою, дружок. Мы договорились повеселиться, а вы двое вместо этого отбросили копыта! Слишком большая доза, ха!

Мы с Мелвинов всё ещё продолжали лежать на полу и, чуть приподнявшись на локтях, замотали головами, стараясь показать этим, что мы ни в чём не виноваты.

— Да, ладно тебе, Джанис… нет, — произнёс, наконец, Мелвин. — Для нас это и в самом деле оказалось слишком большой, мать её, дозой.

Это её не убедило. Но мы с Мелвином и не собирались сдаваться. Он отправился в ванную сполоснуть лицо холодной водой, а я уселась в кресло, чтобы хоть как–то собраться с мыслями.

К вечеру Мелвину нужно уже было быть в Сан–Франциско, и он сказал, что вернётся через пару дней. И обещал нам, что обязательно претворим в жизнь задуманное. Но наши самые светлые надежды в очередной раз испарились, как утренняя дымка.

161

Мелвин нарисовался в Шато–Мармоне через несколько дней, часов в одиннадцать. Джанис была уже сильно нагружена. Но, несмотря на её такое состояние, мы решили всё же довершить начатое, по крайней мере, по–быстренькому. Мелвин уже начал стаскивать с себя рубашку, как Джанис вдруг вспомнила, что ей срочно нужно мчаться на студию, а Мелвин — что у него тоже было очень мало свободного времени. У него через час назначена была встреча, или что–то вроде того — он всегда вечно куда–то спешил, продвигая, по его словам, каких–то молодых талантливых актёров, — в итоге победило время, его нам явно не

хватило бы. И даже Мелвин согласился с тем, что лучше всего будет отложить задуманное до тех пор, пока у нас троих не будет достаточно времени сделать всё как надо. И он ушёл. Так никогда мы трое — Джанис, я и Мелвин, — и не покувыркались вместе.

Прошло уже порядочно времени с того дня, и мы уже с Кимми, оказались в одной постели с Мелвином. Но даже в этом случае обстоятельства были против нас. Нет, я не была разочарована. Мелвин был на высоте и подтвердил, всё сказанное Джанис. У него стоял как камень, и он был медлителен и ласков. К тому же у нас хватило достаточно времени перепробовать всё. Единственное, что мы не позволили ему, это воспользоваться нашими прекрасными задницами.

Мы провели так целый день. Но чего–то нам очень с ним не хватало. Думала сначала, что Кимми ожидала от него чего–то более впечатляющего, чем оказалось на самом деле. Но затем выяснилось, что её сдерживало то, что Мелвин был мужем младшей сестры Джоан Баез, хотя к тому времени они с Мими уже жили порознь. Но образ Джоан был слишком дорог для Кимми, и она просто не смогла отвлечься и разыграть страсть–на–троих.

20

162

Помнится, произошло это тогда же, в Лос–Анжелесе. Джанис приобрела наряд, сшитый специально для неё Нюди, западным поставщиком костюмов для студии Юниверсал с бульвара Ланкершим в Сан–Францисской Долине. Спустя несколько дней после исчезновения Мелвина во второй и последний раз, только мы направились к Нюди присмотреть для себя, чего–нибудь новенького, как Джанис что–то вспомнила, и мы развернулись обратно в сторону Шато–Мармон, где и подкрепились, хотя день уже был в разгаре. Мы провозились долго, и когда были снова готовы ехать, был уже конец дня.

Подкрепившись по второму разу, нас обеих захватило такое весёлое настроение, что всю дорогу мы, не переставая, смеялись и шутили над бедным Нюди. А когда он стал примерять на неё кожаный пиджак с бахромой, я вдруг вспомнила историю «мехового манто от Южного Комфорта».

Незадолго до этого Джанис, обожающая всяческие длинные накидки, особенно уютные во время зимних переездов, получила чек от фирмы–производителя Южного Комфорта на две тысячи долларов. Когда мы с ней находились в Нью–Йорке, она часто появлялась на людях с квартой Комфорта в руках. Она никогда не делала секрета из своей любви к этому соусу, как она его ласково называла, поэтому сейчас существует множество её фотографий, сделанных за кулисами, на концертах, либо во время интервью, с бутылкой Южного Комфорта в руке. Вот такая невероятная, нечаянная реклама, и как жест благодарности, компания присылает по почте ей чек.

163

Естественно, Джанис решает, что настало самое время обзавестись ей своей собственной меховой шубкой. Итак, мы — в Гринвич–Виллидже, где Джанис всегда находила всё, что ей нравилось. Продавец немедленно оценил нас, как двух чудаковатых цып, накачавшихся наркотиками так, что готовы откинуться прямо здесь, у него на глазах. Джанис спокойно выдержала его презрительный взгляд и с достоинством в голосе изрекла:

— Это место для нас недостаточно высокого класса. Поехали в село.

Нас и у Бергдорфа Гудмана встретили не с меньшей щедростью. Женщина, работающая в отделе мехов, только взглянув на наши хипповские наряды и неправдоподобную

только–что–с-постели копну волос Джанис, сморщила свой напудренный носик и фыркнула.

Мне показалось, она собирается сдуть какую–то пылинку, приставшую к её лицу. Женщина едва сдержалась, когда Джанис заявила ей, что хочет потратить около двух тысяч на меха.

— О? — произнесла она, очевидно надеясь, что мы неожиданно исчезнем.

Терпение Джанис стало явно накаляться.

— Да, — сказала она. — Думаю, к моим волосам подошло бы, что–нибудь каштановое.

— О, да, это отличный выбор, — сказала эта женщина, не сдвинувшись с места, будто ноги её пустили корни в пол.

— Э, я бы хотела, что–нибудь примерить, — сказала Джанис.

— О, — снова произнесла женщина.

Далее последовало одно из самых немыслимых заявлений, какие я когда–либо слышала:

— Очень сожалею, но мы не можем позволить всем примерять наши меха.

— Но тогда, как вы себе представляете, как узнать, подходит это мне или нет, милочка? — спросила Джанис.

Обращение «милочка» в устах Джанис, прозвучало даже немного больше, как если бы она обратилась «миссис Маленькое–Чрное–Платье–и–Туфли–Лодочки» к медведице. Она была абсолютно повергнута. Но вместо того чтобы упасть в обморок, она холодно повернулась к нам, и мы сдались.

Следующим был, помнится, Бендельс. Войдя, Джанис приняла такую оборонительную позицию, что я поверила: и здесь нам не миновать поражения.

— Послушай, дружок, — сказала она мужчине за прилавком, который, как ей показалась, готов был её выслушать. — Мы уже были в двух местах, где продают меха. Не знаю, как тут у вас всех заведено, или мой вид вам не нравится, но, вот что, дружок, у меня есть деньги и я намерена прикупить себе что–нибудь меховое, поэтому, будь добр, обслужи нас, дружок!

Что–то наверное пошло не так. Он развернулся и… исчез.

— Эй, мать твою, — крикнула Джанис, обжигая бранью слуховые трубки Евстачиана двух очень пожилых матрон, ставших невольными свидетельницами её монолога. — Просто забудь, мать твою. Я ведь всего–то и собиралась… К чёрту, дружок, что из того? Что, я не так выгляжу? Ну и что? Что, они никогда прежде не встречали богатую хиппи?

— Ладно, Джанис, — сказала я. — Пошли отсюда, прежде чем они не арестовали нас, обвинив в безнравственности по

отношению к этим двум старым перечницам.

Уже на улице, я попробовала успокоить её, но она всё более распалялась.

— Послушай, куколка, — говорила я, — ты не впервой стакиваешься с таким к себе отношением. Люди не привыкли к таким как мы. Думаю, лучшее, что мы можем сейчас сделать поехать к Алберту, позвонить оттуда в одно из этих мест, чтобы они позвонили одному из своих клиентов, у кого есть деньги, чтобы тот приехал и купил тебе шубку. Знаешь, вроде бы как подготовить их, навести мосты.

165

Она так ничего и не купила, но желание приобрести эту чёртову меховую шубку завладело ею полностью. Она позвонила Гроссману, но тот в свою очередь отшил её, не видя в том никакой проблемы. Решив справиться самостоятельно, а я поостереглась снова испытать унижение, — а скорее, думаю, всё же воспользовавшись моим советом, так или иначе, но она вернулась домой с этой чёртовой штукой. Тихий ужас. Представь, поперечные перемежающиеся коричневые и белые полосы, и совершенно не к месту пушистый воротник с отворотами, дополняющий до полной безвкусицы! Он оказался кроликом, насколько правильно я разбираюсь в мехах. У меня не хватило духу признаться ей, что это самая нелепая вещь в мире, которую она смогла бы купить за такие огромные деньги. Истратив на неё полторы тысячи долларов, вид у неё, скажу тебе, был дерьмоватый.

Всё ещё воодушевлённая мыслью, что западный поставщик студии Юниверсал, Нюди, её обшивает и разгорячённая очередной порцией героина, Джанис решает повеселиться и прикупить себе на оставшиеся полтысячи что–нибудь из одежды. Для меня все эти походы прошли как в тумане. То ли это был Сай–Амберс на Голливудском бульваре, то ли бутик по соседству с ним, специализирующийся на облегающих, с высоким лифом платьях для голливудских старлеток, на которые Джанис время от времени западала. Каждый раз, когда она появлялась на сцене в таких спагетти, с длинным узким разрезом сбоку, сквозь который видны были чулки в широкую сеточку, эффект оказывался ошеломительным. Нечто среднее между проститутками Сайгона и униформой повидавших многое на своём веку официанток коктейль–баров.

Я не собиралась ни советовать Джанис, ни обсуждать её поход по магазинам. Как всегда, она постаралась дать мне слишком большую дозу, и прошло не менее пятидесяти минут, прежде чем я смогла двигаться. Я оказалась настолько

нагруженной, что не смогла даже в первый момент вылезти из машины. Я открывала дверь снова и снова и уже почти вылезла, когда она в очередной раз, прискакав рысью к машине, убедилась, что я пришла в себя. Ноздри её раздувались как у лошади.

— Эта курица, мать её, в магазине не хочет принимать от меня чек. Как тебе это нравится?

— А ты сказала ей, кто ты?

— Да, но она ведёт себя так, как будто не узнаёт меня. Даже виду не подаёт, эта маленькая сучка. У меня с собой нет этих чёртовых водительских прав, и она не принимает от меня чек.

166

За неделю до этого, предполагалось главную статью номера Ньюсуик посвятить Джанис, но умер Эйзенхауэр, и она была вынуждена уступить обложку бывшему президенту. Рассматривая свою фотографию, которую они планировали поместить на обложку, и, любуясь ею, она, сказать, что отнеслась к этому терпимо и филантропически, не сказать ничего.

— Четырнадцать сердечных приступов, мать их, — сказала она, отбивая ногой такт. — И он решил откинуться на моей неделе. На моей неделе!

Хотя я и была нагружена, но помню эту сцену, как если бы это произошло вчера. Она появилась на обложке уже на следующую неделю. Газетный киоск (он и сейчас стоит на прежнем месте), а рядом с ним — она, дымящаяся от счастья. Намереваясь разделить с ней радость, я вылезла из машины и подошла к ней, стоящей у уличного стенда с газетами. Взяв в руки журнал, она отрывает обложку, возвращается в магазин и… расплачивается.

Джанис предполагала, что этот простой манёвр присущ гению, к этому времени она уже преувеличивала мою значимость не меньше, чем гиперболизировала и свою собственную, и всё вокруг. То был год для нас наиболее насыщенный, наша связь настолько окрепла, что я начала подумывать, а не расстаться ли мне с Кимми ради неё одной. Жени чувствовала со мной спокойнее, безопаснее, а проявление сексуального влечения друг к другу было сравни бесценной награде. Медленно мы шли к точке, откуда было уже недалеко до полного слияния душ. Всё чаще мы действовали, как решительные, энергичные партнёры. С какого–то времени Джанис начала верить, что неспособна на чувства к кому–то: но мне она стала искренне интересна, я полюбила её, несмотря на мои продолжающиеся сомнения, порвать с Кимми окончательно или нет. Она знала, что у меня бывали моменты, о которых в деловых кругах говорят «дефицит налички», но я никогда не обращалась к ней с подобными

просьбами. Не занимала даже на несколько дней. Я и подарков от неё не принимала, в таких случаях первое, что она думала, естественно, что они не достаточно хороши. Однажды она купила мне дорогое колечко, но даже и его я не приняла.

167

Она была по–настоящему удивлена. Она потратила кучу денег на это колечко с бриллиантом и, думая о естественной природе человеческих чувств, ожидала, что я с радостью приму его.

— Ты действительно не хочешь, чтобы я дарила тебе что–нибудь, так, да? — спросила она.

Глаза её набухли, она обхватила меня и щекой прижалась ко мне.

— Солнышко, именно за это я тебя и люблю. Знаешь? Ты единственная на всём свете, кто хочет со мной просто быть рядом.

Услышанное сделало меня несказанно счастливой, знать, что она так думает, что она полностью доверилась мне. Очень может быть, что именно это ощущение счастья ослепило меня до такой степени, что я теперь не могу обойтись без героина. Джанис сказала однажды, но сказала таким тоном, что мне показалось тогда это одним из её розыгрышей, что она старалась подсадить меня на смак, чтобы отвлечь от Кимми. Но я не только не восприняла её заявление серьёзно, но даже не задумалась тогда о возможных последствиях, превративших меня со временем в настоящего нарка. Я свято верила тогда, что один укол, а затем три–четыре дня без него, потом снова подкрепиться, а следующую неделю провести в воздержании, то так ты сможешь прожить всю жизнь, не попав ни в какую зависимость. Единственно, думала я, если подкрепляться ежедневно, то только тогда ты не сможешь уже обойтись без него. Разве такое возможно произойти со мной, раз я с Джанис, а ей с такой легкостью удаётся и большее.

Но, продолжая проявлять пренебрежительное равнодушие к увеличению дозы, постепенно проявилось на мне за тот год, что сначала изредка, а затем всё чаще и чаще я стала вместе с Джанис подкрепляться. Моё тело начало требовать этого от меня. И я начала самостоятельно находить каналы и в отсутствие Джанис заправляться самой. А потом и Кимми, возможно в попытке сбалансировать близость, возникающую при совместном подкреплении (с Джанис), начала то же проделывать вместе со мной. Вот Джанис заносит попутным ветром в Сан–Франциско, и мы с ней — один, два, а то и три раза за день. Затем уезжает, и я бегу к Кимми и продолжаю уже с ней.

168

Сначала с Кимми — от случая к случаю. Но очень скоро всё изменилось. Я практически не слезала с иглы. К чёрту то, что Джанис или я могли потратить от двухсот до четырёхсот долларов в день на это дерьмо. И неважно для меня было, что я сжигала тысячи, приносимые мне моим бутиком. Рано или поздно я поняла, что нужно продавать часть героина, чтобы сбалансировать растраты, и я начала со временем торговать им, но это не главное. Уже ни в чём ты начинаешь не видеть смысла, когда заходишь так далеко, как зашла я. Ничего кроме одной определённости: когда тебе необходимо подкрепиться, у тебя всегда есть это под рукой.

Благодаря Джанис и каналам, которые я наладила через неё или других, у меня не было никаких проблем.

«Что за чёрт, — думала я. — У меня есть деньги, я счастлива, любима и Кимми, и Джанис, а ещё и смак сделал меня стройной, а это одно уже стоило того, чтобы любовались моей фигурой. И чем более стройной я становилась, тем более эффектно выпирали мои сиськи, как лоснящиеся гладкие растры катамарана. Моя кожа была нежна, моё лицо без единой морщинки. Чёрт, ну и что из того, что я не могу соскочить. У меня есть всё. И впервые за всю мою жизнь, мне действительно нравится та девушка, отражение которой я вижу в своём зеркале!»

21

169

Её работа над Kosmic Blues была завершена полностью. Было начало лета 1969 года, и Джанис вернулась в Сан–Франциско, чтобы передохнуть. Я прилетела ранее, недели на три, и за это время успела влюбиться в свою новую покупку: мятно–зелёный, роскошный, четырёх–дверный Плимут 1948–го года в изумительно вишнёвом состоянии. У моего отца был такой, когда мои родители в первый раз разошлись, а мне было около восьми. На протяжении двадцати одного года у него был один владелец, а пробег — всего двадцать две тысячи миль. Естественно, оказалось, Сэм Эндрю знал его досконально — уж не знаю, каким образом это ему всё удавалось.

— Такого сорта вещи Джанис не привлекают, она в них не разбирается, — сказал он. — Хотел бы услышать, что она скажет, когда увидит его.

Из Лос–Анжелеса Сэм вернулся раньше Джанис, у него были какие–то срочные дела в городе, поэтому мне пришлось ждать несколько дней, чтобы доказать его неправоту. Как только она прилетела, я подъехала на нём к её дому на Ной–стрит, не одна — с Кимми. Джанис была дома, и первые её слова, когда она вышла посмотреть на мою новую игрушку, были: «Ого, дружок, вот это красота!»

170

«Вот так–то, Сэм, обделался ты», — подумала я.

— Думаю, бордо ему больше подойдёт, — продолжила Джанис, не обращая внимания на сверкающую новую окраску.

Мы с Кимми переглянулись, и все вместе с Джанис прыснули от смеха. Дело в том, что Джанис собиралась поменять свою фамилию на Бургунди, ей до безумия нравился этот цвет. Почти все предметы её одежды, которые она покупала, обивка мебели, постельные принадлежности, шторы на окнах, драпировки на стенах, всё вокруг было цвета бургундского вина. Однажды, когда Джанис давала концерт в Нью–Йорке, Билл Грэм, импресарио Филлмора, позвонил через всю страну с единственной целью, чтобы те срочно перекрасили артистическую уборную, предназначенную для неё, в коричнево–малиновый цвет. Также проинструктировал о многочисленных подробностях её привычек и пристрастиях, которые она приобрела за 1969 год: среди них не последнее место занимали мексиканский салат–соус из авокадо, перца чили и лаймы и новые напитки. За год до этого был Южный Комфорт, потом его заменили текила и русская водка. Теперь же

это был джин — измеряемый уже галлонами.

— Ну, же, — сказала я. — Залезай назад, покатаемся.

Там был так просторно, что можно было даже танцевать, если вы конечно маленького роста. Но Джанис не из таких, хотя и исчезла в глубоких уютных сиденьях. И пока мы выруливали, маневрируя между соседскими машинами, её не было слышно.

— Эй, — вдруг подала она голос. — А не съездить ли нам в кинотеатр под открытым небом? — а-а, вот почему она затихла — так всегда у неё рождались отличные идеи.

Нам с Кимми это показалось очень забавным, и мы её хором подхватили, почему бы не сделать Джанис приятное. Но так как мы стали продолжать расхваливать достоинства моего антикварного Плимута, она вдруг посерьёзнела и насупилась. А

когда в один момент Кимми как–то по–особенному слишком близко ко мне прижалась, я увидела в зеркальце заднего вида, что Джанис это не на шутку задело.

— Послушайте, мать вашу, — вдруг неожиданно воскликнула она. — Раз уж мы втроём, а я не хочу быть третьей, мать твою, против не будете, если я приглашу кого–нибудь поехать с нами, а?

— Конечно, — согласилась я, думая, что у неё уже кто–то есть на примете.

Так мы проехали ещё пару–тройку кварталов, как вдруг Джанис резко закричала:

— Стой, останови машину, дружок! Да останови же ты эту поганую машину, мать её!

171

Я остановилась и Джанис, выскочив из машины, направилась быстрым шагом прямиком к парню, на удивление похожего на Лила Абнера из старых комиксов. На вид, семнадцать, не более, миловидное личико, высокий, здоровый румянец на щеках, говорящий о том, что он только недавно покинул отцовскую ферму, где рос на хлебе из отрубей, чёрной патоке и рано привык вставать. Его зелёные глаза, чуть не вылезли из орбит, когда он узнал Джанис, но его ждал такой сюрприз, о котором он даже не мог предвидеть.

— Привет, солнышко, — сказала Джанис, кладя ему на талию руку. Мне показалось, что у него челюсть выпадет, но он как–то весь сжался и вдруг выпалил:

— Привет, Джанис.

— Послушай, солнышко, — продолжила она. — Я сейчас в затруднительном положении. Мне не с кем пойти на свидание. Хочешь пойти со мной?

Он был зелен, и естественно подумал, что она над ним

смеётся. Он скорчил такую гримасу, как если бы по забывчивости облизал пальцы, испачканные в коровьем навозе.

— Слушай, — серьёзным тоном произнесла она. — Я не шучу. Я хочу свидания.

— В самом деле? — похоже, он начал ей верить.

— Совершенно серьёзно, — сказала она и поспешила добавить: — Так ты согласен или нет?

— Конечно, — ответил он. — Ну, так куда мы идём?

— О, мы собрались лишь посмотреть кино, — сказала Джанис.

Это успокоило его, и он подумал, что всё это выльется в невинное приключение. Он уже был готов поверить, что ей было очень важно, чтобы кто–нибудь проводил бы её, но кино под открытым небом? В конце концов, Джанис удалось уговорить его сесть в машину. Уже по пути домой, на квартиру Джанис, я хорошенько его рассмотрела в зеркальце заднего вида. Он был из тех студентов–первокурсников, которых Джанис обычно снимала ради одного перепиха. Обычно мы охотились вдвоём, и просто брали такого прямо с улицы и везли к ней на квартиру, а там либо разыгрывали на троих, либо имели его по очереди. Обычно это доставляло парням неслыханную радость, и они уходили от нас переполненные гордостью, что удалось трахнуть и суперзвезду, и её лучшую подругу.

172

Я была убеждена, что она собирается отыметь этого мальчика сразу, как только он войдёт к ней в дом. Перестраиваясь в другой ряд, я краем глаза увидела, как Джанис смотрела на фалды его пиджака. Из этого ты можешь сделать вывод, что она уже ему всё сказала. Взглянув на Кимми, я сжала её руку, и мы понимающе улыбнулись. Это счастье, что рядом была Кимми. Примерно за месяц или около того, мы с Джанис соскользнули вместе посмотреть на Смоки Робинсона. Перед началом Робинсон вышел и сказал, что посвящает своё выступление «Джанис и её даме». Такого рода вещи возвращали меня мысленно к Кимми, так как было очевидно, что Джанис интересовался и другой народ, не причиняя тем ей сексуальных травм.

Мы с Кимми поехали домой переодеться в джинсы, а заодно и соорудить огромный косяк. Думаю, прошло не менее часа, когда мы заехали за ними, если бы ты видела изумлённые глаза этого парнишки, сразу бы поняла, что мы с Кимми были совершенно правы. Джанис в наше отсутствие уже успела его трахнуть и, возможно, выдоить его полностью.

По дороге в кино, мы заехали в винную лавку, которая располагалась в округе Миссион, сразу за Маркет–стрит. Джанис

вышла оттуда, нагруженная кульками с конфетами, орешками и Рипплом в руках, её любимым напитком, ещё не зная, что скоро все её планы рухнут.

На подходе к кинотеатру, пошёл дождь. Показывали вестерн времён Гражданской войны с участием Клинта Иствуда, «Хороший, плохой, злой». Так как дело шло уже к развязке, нам совсем немного удалось посмотреть. Кимми запалила косяк, а Джанис откупорила свой Риппл. Скоро мы все здорово закосели, а дождь усилился настолько, что увидеть, что происходит на экране, уже было невозможно, в довершении ко всему, нам всем одновременно стало невыносимо скучно. Джанис, которая уже успела дома опустошить не менее трёх бутылок Риппла в придачу с её Лил—Абнером, растянулась на заднем сиденье и, мечтая о хот–доге, всеми мыслями была уже на пути к закусочной, чем следила за происходящем на экране. Закусочная была в добрых двадцати ярдах от нас, а так как шёл дождь все окна в машинах, кроме той, в которой был установлен громкоговоритель, были закрыты. Вдруг мы с Кимми услышали как Джанис, так и не расставаясь ни на минуту со своим Лил—Абнером, кричит на кого–то во всю силу своих лёгких и что–то требует. Я уже собралась вылезать из машины, посмотреть, что там случилось, как всё прекратилось, и Джанис вместе со своим мальчиком бегом под струями дождя возвратясь к машине, со всего размаха плюхнулись на заднее сиденье.

— Что за, чёрт побери, там случилось? — спросила я.

— Да так, очередная глупая сучка. Я дала ей пятёрку, а она сдачи — как с доллара. Стала объяснять, что дала пятёрку, а она всё настаивает на своём. Ну, я и сказала ей, что мне не нужны её, мать их, деньги. Что мне незачем лгать, и что могу купить и продать её вонючую забегаловку раз десять подряд. Знаешь, я на самом деле дала ей пятёрку. А она мне не поверила, начала мне гнать всякое дерьмо, ну я и потеряла терпение. Так или иначе, не видать мне было моей сдачи, и я потребовала от неё журнал записей. Знаешь, она даже не постаралась их украсть для себя! Ведь, если подумать, она могла бы иметь полсотни в неделю, потея каждым, мать его, вечером в этой поганой забегаловке. В жизни не встречала я ещё такой, мать её, дуры.

Нагруженная Рипплом, Джанис быстро забыла этот неприятный инцидент. Мы ещё немного посмеялись над этой девицей, стараясь представить в красках, на что похожа её счастливая жизнь. Но скоро тема была исчерпана, и мы снова стали молча смотреть фильм. И снова скука завладела нами. Дождь струями стекал с ярко освящённого экрана, и в машине

было невероятно темно. Мы с Кимми сидели прижавшись друг к другу, мы так сползли, что нас даже не было видно из–за спинки сиденья. А Джанис, уже достаточно пьяная, стала проявлять нежные чувства по отношению к своему Лил—Абнеру. Слышны были её поцелуи, перемежающиеся чавкающими звуками, поглощаемых ею орешков.

174

Мы с Кимми уже вовсю целовались и играли друг с другом, как вдруг на спинку нашего сиденья прилетела рубашка Лил—Абнера. Я взглянула в зеркальце заднего вида, но они уже сползли так низко, что мне их не было видно, только слышна была их возня. Какие–то мурлыканья и хихиканья, затем я услышала голос Джанис: «Ну, давай же, миленький. Ну». Я слышала их уже миллион раз, и знала, чем она занята могла быть в этот момент на вместительном широком заднем сиденье, даже несмотря на то, что мы с Кимми тоже были в машине.

Кимми нахмурилась, но не проронила ни слова. Похоже, думала, что всё это немного глупо. Мы перестали ласкаться, а машина начала отчаянно раскачиваться из стороны в сторону. Затем послышались сосательно–чавкающие звуки, и машина временно перестала трястись.

Но тут раздался снова громкий шёпот Джанис:

— Миленький, войди в меня снова.

Машина закачалась, и даже сильнее, чем в первый раз. Лишь слабые скрипы приглушённо доносились откуда–то из–под днища машины, да хлюпающие звуки его орудия, то проникающего, то выходящего из неё, смягчаемые мычанием, хихиканьем и шёпотом Джанис: «Да, миленький… Да, сладенький… Да, родненький…»

Чуть позже, мы решили не досматривать картину до конца, а заехать в какой–нибудь бар, где Джанис могла бы «привести себя в порядок» (немного Комфорта, как она любила шутить), ведь она ещё не вполне переключилась, — и поехали в Кофе—Галерею, где она встретила знакомого нарка. Она явно нуждалась в смаке, и стала просить его срочно достать ей немного. Он сказал, что постарается для неё, и Джанис протянула ему сорок долларов.

Меня всегда изумляло в Джанис то, что в те моменты, когда у неё не было чем подкрепится и, несмотря на то, что она знала, что в какие–нибудь двадцать четыре часа её поставщик из Лос–Анжелеса мог доставить товар, ей всё равно, во что бы то ни стало, требовалось самой исправить положение. Деньги у неё всегда были при себе, и, думаю, она была уверена, что подойдя к любому неряшливо одетому нарку, тот ей обязательно найдёт дозу за лишние полста долларов сверху или пообещав ему часть

смака.

175

Джанис часто сгорала в подобных ситуациях. И этот был ничем не лучше. Мы ещё потусовались вокруг Кофе—Галереи достаточно долго, времени бы этого хватило, чтобы сто раз вернуться ему с героином (а Джанис, по её словам, его хорошо знала). Но он так и не нарисовался на горизонте. Сначала Джанис немного побушевала, что он исчез с её сорока долларами, но затем всё же отнеслась к этому философски.

— Я не удивлена, — наконец, произнесла она, когда мы уже собирались уезжать. — Бедный сукин сын, ему наверно срочно нужно было подкрепиться, а денежек нет. Знаешь, иногда я думаю, что совершаю такие поступки сознательно, с какой–то определённой целью. Мне трудно заставить себя предложить денег подобным людям, боюсь их унизить, что ли, но мне ужасно хочется, чтобы у них они были, они выглядят такими, мать их, несчастными, жалкими. Поэтому даю им возможность получить деньги наиболее приемлемым для них способом, чем просто сунуть их им в руку.

Джанис обернулась на своего Лил—Абнера, буквально, пожирающего глазами эту мадонну наркоманов, и обняла его за талию.

— Что с того, мать твою, — сказала она. — Ты же поможешь мне заснуть сегодня ночью, а завтра Джордж уже привезёт мне это дерьмо из Лос–Анжелеса.

Прошло около четырёх дней. Заходит в мой магазин Джанис, такая вся задумчивая, тихая, даже не узнать её.

— Ну, вот, нет больше моего Лил—Абнера.

— Ты его прогнала, да? — спросила я.

— Чёрт, нет, дружок. Это было восхитительно. Мы кувыркались, сосались и лизались столько, что я стала опасаться за наши внутренности, как бы они не вывернулись наизнанку.

— Но тогда, что же случилось? Как так получилось, что его не стало?

— Ох, дружок, он стал таким рассеянным, а его, эти выпученные глаза. Знаешь, у него перестал вставать. Мне приходилось трудиться над ним час или два. Но мне он очень нравился. Пару ночей я просто не слезала с его оглобли, я бы любила его и дальше. Но, дружок, я не могу серьёзно отнестись к такому дитятке как он. Слишком он молоденький для меня. Мне же двадцать шесть, и я не могу позволить себе влюбиться в ребёнка, как думаешь, разве могу?

22

176

Вопреки недостаткам ансамбля Squeeze, по всей стране раздавались требования, чтобы Джанис выступила с концертом, и Альберт Гроссман, Макиавелли в своей области, затеял игру в кошки–мышки при заключении контрактов с залами и выдаивал из них всё до последней тысячи ради Джанис. Она стала получать тридцать, сорок, даже пятьдесят тысяч долларов за выступление, из которых оплачивались транспортные и прочие расходы, неизбежные при любых гастролях. В результате в тот год её не было в городе большую часть июля и первые две недели августа. Пересекая всю страну, города, из которых она звонила мне, следовали один за другим. В начале августа прошёл её запоминающийся концерт на поп–фестивале в Атлантик–Сити, а из Луизианы, очередного её города, нового куста по–сумасшедши распланированного тура, она позвонила мне.

— Привет, солнышко, — услышала я её, после нескольких минут прерывающейся связи. — Я никак не могу решить, ехать мне в Вудсток или нет. Как думаешь?

Со времён Мемфисского фиаско, я остерегалась ей что–либо советовать, но в этом случае я не колебалась ни секунды.

— Абсолютно.

И прежде, чем я успела продолжить, она спросила почему.

— Будь я на твоём месте, я бы съездила, дружок. Это — фестиваль и, похоже, обещает быть одним из самых крупных.

177

— Думаешь, из самых крупных?

— По слухам, из того, что мне удалось узнать, да. Определённо, да.

— Ты уверена? Самый крупный в этом году?

— Думаю даже, может стать фестивалем всех времён.

— Почему ты так считаешь?

— Дружок, все, кого я знаю, все с кем я разговаривала, все собираются ехать. А это ведь Сан–Франциско. Подумай, если все местные музыканты собирают последние деньги, чтобы добраться туда, а те, у кого их вообще нет, едут стопом на восток, представь только, как много народу, живущего поблизости, соберётся в Вудстоке. Ведь каждый кошак из Нью–Йорка, который способен передвигаться, каждый появится там!

— Да, звучит убедительно.

— Думаю, ты совершишь ужасную ошибку, если не поедешь.

— Ладно, солнышко. Мне кажется, ты совершенно права. Я

чувствую это.

Помолчав, добавила:

— Солнышко, я ужасно соскучилась. Я просто без тебя не нахожу себе места, на гастролях особенно. Ты даже не представляешь, как много разного здесь происходит, а мне так не хватает твоих советов и поддержки!

— Но, Джанис, ты всегда мне можешь позвонить.

— Да, конечно, но есть совсем другое, что мне нужно от тебя. Многое, что нельзя сделать по телефону.

— Я тоже скучаю о тебе, куколка, — сказала, и такая привычная ноющая боль поползла вниз моего живота.

— Солнышко, — сказала Джанис, ясным, звенящим, как у ребёнка голосом. — Почему бы тебе тоже не поехать?

— Не думаю, что смогу. Кимми…

— Послушай, я не поеду туда, если ты мне сейчас же не пообещаешь приехать.

— Куколка, но…

— Всё, решено, — произнесла она грозно. — Мне, мать его, наплевать, что думает этот Гроссман или ещё кто. Я не выступлю на этом, мать его, концерте, если ты мне не пообещаешь быть там вместе со мной.

178

— Ладно, — сказала я. — Но у меня предстоит очень тяжёлый разговор с Кимми.

Я никогда ещё не была так близка к истине. Несмотря на то, что я клялась всеми святыми и даже чертями, что еду в Нью–Йорк за новыми закупками, Кимми было ясно как дважды два, что мы с Джанис между выступлениями на Вудстоке будем трахаться до изнеможения. В подтверждение даже со всего размаху ударила меня кулаком, так её это взбесило. Но когда я, продолжая настаивать на своём, сказала, что отправляюсь на редкий специфический показ в манхаттанском районе бутиков, лишь тогда Кимми, угрожающе на меня дыша, с большой неохотой сдалась, и больше не пыталась меня остановить.

За неделю до фестиваля Джанис поселилась в вудстокском особняке Альберта Гроссмана, так что, когда я прилетела в Нью–Йорк накануне открытия, я просто прошла в забронированный ею номер гостиницы Челси, заваленный моими чемоданами с заранее приготовленной одеждой, и позвонила Алберту. Пока ждала соединения, включила радио. Новости неутешительные. Почти все, кому ещё не исполнилось тридцати, были на пути к Вудстоку. Оператор отвлёк меня от новостей, и сквозь жужжание я услышала голос Джанис.

— Какого чёрта, мать твою, ты сидишь в этом Челси? Ну же,

солнышко. Все уже здесь. Сегодня же вечером жду тебя.

— Не знаю, сумею ли я добраться, — ответила я. — Только что по новостям сообщили, да и в газетах пишут, что с четверга дороги запружены машинами. Пробки вытянулись на восемнадцать миль. Все едут в одну сторону. По направлению к Вудстоку. Звучит просто невероятно. Мне даже не нанять машину. Все уже разобрали.

179

— Солнышко! — вскричала Джанис, — и не вздумай, сейчас же приезжай. У меня новый звукоинженер, Винс Митчелл. И он так мил. Я просто в него влюбилась, знаешь? Так жалко, что его наняли работать на меня. Знаешь, мне всегда трудно с рабочими. Но если он не справится, может быть, у нас будет шанс с ним покувыркаться. В любом случае он останется при мне, и к воскресенью я затрахаю его до смерти. Но я предупредила его, что не знаю точно когда, но мой любимый прилетит из Сан–Франциско, и когда он появится, чтобы духу его чёртова не было в моей комнате.

И взорвалась своим хрипловатым смехом.

— Мой бедный Мазер–Факер! — вздохнула она. — Я так ни разу ему и не сказала, что мой любимый — девушка. Хочу посмотреть, когда он увидит тебя. Вот он слетит с катушек! Точно слетит.

Ближе к вечеру мне удалось, наконец, взять напрокат, думаю, последнюю во всём Нью–Йорке машину. Я заполнила бумаги в одном месте, и мне сказали, что придётся обождать, так как они связались с агентством из другого штата и те пришлют ещё машин. Наконец, мне позвонили от Герца, но как только я туда вошла, я поняла, что у меня нет ни единого шанса. Помещение было буквально набито жаждущими. Все кроме одного стремились попасть в Вудсток. Не знаю почему, но я осталась, и когда я услышала своё имя, у меня появилось такое чувство, что кто–то знал, что я с Джанис. Здесь было множество людей, которые пришли до меня, но, именно мне, первой дали машину, и я не стала искушать судьбу, чтобы не стать слишком знаменитой.

Я вырулила через Ист—Сайд на север к началу Скоростной дороги. Казалось, я выбрала верный маршрут, пока не пересекла мост в Найек. С этого места, похоже, начиналась усовремененная, полностью моторизованная версия Жёлтой Кирпичной дороги. Скоростной она осталась только на бумаге.

Сразу, как только получила ключи, я позвонила Джанис.

— Слушай, колёса я достала, но не огорчайся, если я не смогу добраться. Это станет чудом, если правда всё, что я слышала. Этот, мать его, Герц, закроется на выходные, так много он сдал

внаём машин. Здесь по эту сторону Миссисипи всё по–другому, нежели мне рассказывал этот парень.

180

Когда жильцы Северо—Востока поинтересуются, куда делись все прокатные автомобили, им достаточно было бы бросить взгляд на Нью–Йоркскую Скоростную. Но Джанис только спокойно произнесла:

— Я знаю, ты приедешь. Я уверена, ты сможешь.

Но было кое–что ещё помимо этого. Мне бы воспринять её слова серьёзно, когда она предложила нанять один из вертолётов, которые курсировали между фестивальной площадкой и местными гостиницами, чтобы тот слетал за мной в Нью–Йорк. Так или иначе, даже несмотря на то, что я знала, что Джанис теперь зарабатывала на записях и концертах триста тысяч в год, мысль о том, чтобы потратиться на вертолёт только ради того, чтобы забрать меня, казалась мне тогда полным абсурдом. Теперь же я была совсем другого мнения.

Со скоростью улитки я определённо не доберусь до Вудстока и за неделю, пусть даже сутки. Народ бросал свои машины, кто шёл обедать, а кто и сделать детей успевал. Единственного чего не было и чего не могло быть, это ещё большего скопления машин, даже если бы сам Иисус подал бы сигнал с неба, что явится собственной персоной на вудстокскую ферму Макса Ясгура, на территории которой разворачивался этот фестиваль. Так несколько позднее в задумчивости выразился Джон Леннон, сказав, что сам Иисус, возможно, не мог бы стянуть такую толпу как та.

Я пробивалась вперёд, пытаясь вырваться со Скоростной, разворачивалась и ехала обратно к Нью–Йорку, возможно, с дюжину раз. Вдруг мне стало интересно, что сделает с нашими лёгкими весь этот углекислый газ, висящий неподвижным облаком над этими шестью или восьмью полосами бетона, пока мы дюйм за дюймом продвигаемся на север. Но я упорно ехала вперёд. Обычные три–четыре часа превратились в четырнадцать, но я всё же, в конце концов, к трём часам ночи добралась до Вудсток–Холидей–Инн. Руки словно приросли к рулю, и я сидела там неподвижно, думаю, несколько минут, каждые десять секунд пытаясь уверить себя, что не сплю и что не заснула или не умерла на Скоростной.

181

Наконец, я собралась с мыслями, вылезла из машины и, войдя в гостиницу, нашла её номер и постучала в дверь. Винс Митчелл, голый, будто только–что родился, но вооружённый своим естеством, которое, очевидно, только что было в Джанис,

открыл дверь. На кровати сверкала голой задницей она.

— О, Пегги, — воскликнула Джанис. — Ты здесь. Фантастика.

Я уже полностью вошла в номер, когда Митчелл, забыв о своей наготе и выпучив глаза разглядывая меня, издал какой–то нечленораздельный звук, напоминающий возглас недоверия. Должно быть, его сильно потрясло известие, что любимым Джанис оказалась дама, потому что он полностью обмяк в какие–то десять секунд. Он всё ещё пялился на меня, дико вращая глазами, когда Джанис произнесла нежным голосом:

— Винс, миленький… Ви-и… и-инсик… Очень сожалею, миленький, но я же тебя просила исчезнуть, когда приедет Пегги.

Митчелл не мог вымолвить ни слова. Как заколдованный, ватными движениями, он натянул трусы. Думаю, единственным желанием в этот момент у него было действительно побыстрее исчезнуть, он даже бросил идею одеться. Схватив обувь, носки и перебросив через руку остатки своей одежды, он бросился к двери. Соскочив с постели, Джанис одним прыжком догнала его. Развернув его к себе и крепко поцеловав, шлёпнула его на прощание по заднице и выпроводила за дверь. Быстро повернувшись, она обняла меня и ещё влажными от поцелуев губами и чуть не задушив, расцеловала мне всё лицо.

— О, солнышко, — прошептала она, увлекая меня к кровати и раздевая на ходу, как только она это умела делать. — Как я счастлива, что ты здесь!

182

Силы мои были на исходе, но порция смака вернула меня, обдав теплом своих крыльев. И десяти минут не прошло, как Митчелл вынул из неё свой ствол, а мы уже с ней сплелись наподобие шестидесяти девяти и принялись ублажать друг друга и губами и пальцами, так что каждая из нас дважды успела кончить в первые же полчаса. Затем по очереди мы любили друг друга, то медленно и нежно, то яростно набрасываясь, как дикие, изголодавшиеся звери. Джанис никогда прежде не была так подвижна. Она стонала, вопила, рвала на мне волосы, выгибалась, вертелась, пока не свалилась головой вниз на ковёр. Затащив её обратно, только ртом своим я доделала всё остальное, заводясь ещё сильнее от мысли, что она выпроводила своего Митчелла ради меня одной. Ни секунды не сожалея о нём, я заметила по её мягкой шёрстке, что он кончил в неё, по крайней мере, раз перед самым моим приходом. И теперь, когда стенки её норки стали сжиматься в спазмах оргазма, она изгнала из себя остатки его спермы, которые я незамедлительно слизнула. Смешанная с соком Джанис и взбитая до состояния сладчайшего крема, даже полная ложка кокосового мороженного Баскин–Роббинс не смогла

бы меня так успокоить.

23

183

Рассветало, когда мы, наконец, провалились в сон. Наступал первый день Вудстока. Беспокоиться было не о чем; Джанис была свободна до второй половины второго дня. Но уже после полудня нас разбудил телефонный звонок. Гроссман устроил для Джанис и её ансамбля встречу с репортёрами. И нам предлагалось быть там немедленно.

Джанис только пожала плечами, и мы отправились вместе в душ. Через пятнадцать минут мы были уже внизу. На полпути к пресс–конференции, на которую пришло не менее двух дюжин репортёров, к тому же предполагался ещё небольшой перерыв на обед. Но подносы с жареными цыплятами и омарами уже находились в зале, и им я была не менее рада.

Все крутились вокруг Джанис, как если бы она была королевой Англии, и она явно получала наслаждение — такой уверенной в себе и в своём положении, я прежде никогда её не видела.

184

Джанис представляла меня всем, как свою «близкую подругу», но с такой интонацией произносила эти слова, многозначительно подмигивая при этом, что не могло не подразумеваться даже и половины из наших с ней взаимоотношений. На мне было короткое платье с рюшками и таким глубоким декольте, что моя грудь, ещё не выдоенная героином, вытеснялась лифом двумя мятежными полушариями. Мы уже сели за стол с тарелками полными аппетитной еды, но Джанис она не остановила. На этот раз — с молодым человеком, оказавшимся за нашим столиком, но и пары минут не прошло с нашего знакомства, как она предложила нам всем вместе чуть позже зависнуть где–нибудь.

— Не правда ли у неё великолепные сиськи, а? — произнесла Джанис. — Ты только взгляни на эти, мать их, дыни.

Она потянулась ко мне и, широко улыбаясь, рукой залезла в вырез платья, нашла один из моих сосков и стала его растирать, а затем и массировать всю грудь целиком — парень испарился почти мгновенно.

Джанис вынула руку из выреза, а я прошептала:

— Эй, дружок, что ты, мать твою, делаешь? Я-то не против. Но такие выходки на людях могут тебе навредить.

Джанис замахала рукой.

— Брось. К чёрту всех. Не бери в голову. Всё нормально.

Здесь я могу делать, всё, что захочу. Всё, солнышко. Ты не поверишь, насколько я важна для всего этого народа.

В памяти начали всплывать события, связанные с Джанис, но, надо сказать, лучшие из них. Вот мы вместе… на следующий раз мы уже в Сан–Франциско… после него мы часто стали с ней заниматься любовью… но вот, я советую ей что–то на счёт звучания… подготавливаю её к мысли, что скоро наступит звёздная фаза в её жизни, которая может ограбить её, выбив реалистическую почву из–под ног. Но тут, закусив губу и окинув взглядом зал, я увидела невероятную красавицу. Чуть похожа на одну из сестёр Баез, но формами более совершенна. Длинные иссиня–чёрные волосы ровно расчёсаны на пробор. Высокая и стройная, но худощавой я бы её не назвала, и ещё — обладательница пары восхитительных сисек.

— Кто она? — спросила я у Джанис.

— Которая?

— Та, у дверей, сногсшибательного вида цыпа.

Джанис весело засмеялась, сообщая мне, за кем она замужем.

— Что в этом смешного? — спросила я.

— О, дружок, та ещё штучка.

— Да, выглядит действительно великолепно.

— Нет, — повернулась ко мне Джанис, улыбаясь. — Я имею в виду «ту ещё штучку» — буквально.

— Не понимаю, что значит, буквально?

— Я хочу сказать, что мы с ней прокувыркались все прошлые выходные. Она соблазнила меня, пока я жила у Альберта.

Удар ножом в спину, но я не подала виду.

— Как это произошло? — не моргнув, спросила я.

— Она напригласила кучу народа на ужин. И Дилан там был, и Арло Гатри. И Бэнд полным составом и Бобби Нойуирт, такой парень, который крутится вокруг большинства исполнителей.

— Джанис, ради Христа, я знаю этого Бобби, не хуже тебя.

— О, да, — произнесла Джанис, явно в затруднении от совершённой оплошности.

Нойуирт, который, казалось, имел какое–то своё дело, как–то сумел втереться в доверие ко многим звёздам поп и рок–музыки. Поговаривали, он был одним из первых друзей Дилана, я хочу уточнить, очень близким другом — именно, близким, хотя слухи — только слухи, но они были очень упорными: поговаривали, что Нойуирт был единственным любовником Дилана. У меня есть очень весомая причина сомневаться в этом — моя Кимми, пересказавшая со слов самой Джоани мне много подробностей о взаимоотношениях её с Диланом. Всё о чём рассказывала Джоан

Баез Кимми, говорит о его сугубой гетеросексуальности.

— Так что же произошло такого, что заставило эту девицу затащить тебя в постель? — снова спросила я.

— Каждый, кого приглашают в этот дом, обычно остаётся там на несколько дней, ты не знала об этом? И, понимая, что им не надо вечером ехать домой, все так уделываются, что теряют всякое соображение.

— И…?

— Вот все или ушли спать, или отключились, все кроме меня и этой цыпочки. Знаешь, мы были пьяны. И она стала ко мне приставать. Довольно жёстко.

— По виду не скажешь.

— О, в постели она настоящая, мать её, тигрица.

— И ты позволила ей затащить себя в постель?

— Ну, э, она начала меня целовать и ласкать мою грудь, и я подумала, что за чёрт. Ну, мы и нашли место, где уединиться, и трахнулись.

— Джанис, ради Христа, прямо в доме Альберта — твоего импресарио?

— Э-э, дружок, это была её идея, не моя.

— Ну, и как она в постели, хороша? — спросила я, ненавидя себя за то, что влипаю всё глубже и глубже, но сгораю при этом от любопытства узнать, наконец, как долго они были вместе.

— Да, хороша, — сказала Джанис. — Конечно, не настолько как ты, солнышко. Но в постели — она просто динамит, я уже тебе это говорила.

На этом перерыв на обед кончился, и продолжилась прерванная пресс–конференция, а я осталась наедине со своими отвратительными переживаниями по поводу того, что только что рассказала мне Жени. Как–то раньше она мне уже рассказывала о том, что трахалась с какой–то девицей, звали ту Солнечный Лучик, в своей квартире на Ной–стрит. Но это меня совершенно тогда не задело. Солнечный Лучик приклеилась однажды к Джанис и не отставала от неё, куда бы та ни ходила, считая себя, кем–то вроде компаньонки. Раз я даже подумала, что Джанис специально её завела, чтобы разжечь во мне ревность. Но Солнечный Лучик обернулась обыкновенной маленькой цыпочкой, охотницей за звёздами, получающая от всех пинки, ради близости с такими как Джанис, ради одного лишь их взгляда или мановения руки. Она жила недолго с Джанис, казалось, ради того лишь, чтобы только погреться от жара, обыкновенно исходящего от тех, кто знаменит. Однажды они занялись любовью, по словам Джанис потому, что были обе

вдрызг пьяны и просто соскользнули в постель.

И мне стало ужасно интересно, что за связь установилась между тёмноволосой красавицей и Джанис, останется ли она однодневной или нет. Или Джанис, так же как и меня, привлёк её образ, когда я увидела её среди других на противоположном конце зала? Смешанные эмоции рождались, гасли и путались во мне, пока продолжалась пресс–конференция. Будто из гигантского аквариума с золотой рыбкой, я слышала всё, о чём говорили Джанис и репортёры, я ловила все нюансы — то она неловко нащупывает ответы, то вот с лёгкостью направляет разговор в нужное ей русло. Но я слушала через призму эмоциональности, страстно желая, чтобы это никогда не повторилось. Но вскоре поняла, что веду себя как неразумное дитя. Но смириться с тем, что они кувыркались вместе, я так и не смогла.

187

Рассматривая эту девицу, я почувствовала, что наступит день, и я уткнусь своим лицом в ложбинку между этими прекрасными сиськами, медленно соскользну всё ниже и ниже, к тому месту, которое с помощью кончика моего языка зашлёт её в самые высокие дали. Я не сердилась на Джанис — я была обижена, возмущена. Я не могла вынести болезненного чувства по отношению к этой незнакомке. Она даже не знала о моём существовании. Особенно после того, как вид её вызвал серию тёплых ощущений внизу моего живота, выразившихся в сексуальных фантазиях с её участием. К тому времени, как пресс–конференция начала подходить к концу, мною завладело жгучее желание уложить её в постель. Пусть даже с Джанис, пусть с кем угодно. Но главное, чтобы со мной.

24

188

Если бы мы обе постарались загладить очевидно негативный аспект откровений Джанис насчёт тёмноволосой девицы, мы бы провели остаток дня и всю ночь в поцелуях и ласках, прерываясь только на пресс–конференции и перекус. Прошло часа три–четыре, и она ушла, своей лёгкой, почти летящей походкой под руку с Гроссманом, уверив всех, что о появлении её на следующий день будет сообщено.

Добраться до фестивальной сцены оказалось самой большой проблемой. Оценить количество собравшихся, заполонивших своими палатками, одеялами и подстилками территорию не только фермы Макса Ясгура, но и ближайшие окрестности, можно было лишь приблизительно — от пятисот тысяч, по словам Нью–Йорк–Таймс, и выше до семисот. Менее консервативные издания называли цифру близкую к миллиону. Положение ухудшилось прошедшим накануне ночью дождём. Территория фестиваля с таким ещё вчера уютным, поросшим травой склоном, превратилась в сплошное море слякоти и грязи. А все дороги поблизости — в кошмарный сон патрульных. Скопилось столько машин, что ты не могла бы проехать и нескольких ярдов. И поскольку территория фестиваля находилась на незначительном расстоянии от Холидей–Инн, высунув голову из окна, слышен был низкий гул большого суетливого города.

189

Для удобства исполнителей служба вертолётов располагалась в нескольких милях от гостиницы, к тому же на линии работало всего пять или шесть вертолётов, и уже первый день фестиваля показал, что их совершенно недостаточно, и в расписании начались сбои. К тому времени, как мы проснулись на следующий день, Вудсток уже опаздывал на десять часов. Выступление Джанис было запланировано на два или три часа дня, и нас предупредили, что она не сможет выйти на сцену ранее десяти, даже если некоторые исполнители, выступающие до неё, сократят свой репертуар.

Мы остались в постели на несколько часов дольше обычного, подкрепились смаком, послали за газетами, но в итоге, всё же, оделись и пошли завтракать. Не полагаясь на вертолёты, мы решили прибыть на место заранее, не дожидаясь вечера, так, на всякий случай. Нам потребовался целый час, чтобы добраться на машине до взлётной площадки, но в ту же секунду, как мы ступили на площадку, заметь, я сказала «на площадку», а не «в

говно», которое, впрочем, не замедлило щедро разлиться на наши головы.

С нами был Бобби Нойуирт, богатенький любитель рок–звёзд, который к этому времени уже успел сблизиться с Джанис. Встречал нас Джон Кук, её дорожный менеджер. Меня не переставало удивлять, как много ненависти мог питать ко мне этот человек, из–за того, что я отвадила от него Кимми, и в этот раз буквально земля закипела у меня под ногами, когда он, в чьи обязанности входило помочь нам с вертолётом, подрезал мне крылья.

— Эй, — сказал он вертолётной обслуге. — Какого чёрта, что это ещё за парень? — кинул он в сторону Нойуирта. — А эта цыпа, что она здесь потеряла? — указывая на меня. — Уберите их отсюда. Сейчас же.

Джанис с Куком заняли единственные два пассажирских сиденья, и уже были готовы взлететь, как она заметила, мою растерянность. Она выскочила из вертолёта, хотя лопасти винта уже начали наращивать обороты.

— Слушай, дружище. Она не полетит — я не полечу, — сказала и обняла меня.

190

В итоге Джанис добилась от обслуги, что они клятвенно ей обещали, что следующим же вертолётом прилетим мы с Нойуиртом. Буквально через минуту приземлился вертолёт большего размера, и нас обоих проинструктировали как вести себя во время полёта — вместе со всеми ребятами из Благодарного Мертвеца. Нойуирт поднялся на борт без происшествий, меня же, как только я занесла ногу на трап — прямо под начинающими раскручиваться лопастями винта — ударник Мертвеца, Билл, с силой отпихнул меня. Пилот видимо подумал, что все уже сели на борт, потому что, как только я упала, ободрав колени и порвав платье, вертолёт начал медленно отрываться от земли. Нойуирт потребовал, чтобы пилот посадил машину, и соскочил ко мне.

— Что–то не нравится мне, как всё это пахнет, — произнёс он, когда вертолёт улетел без нас.

Ну и дела. Я спала с этим барабанщиком несколько раз в мои ранние дни на Хайте и бросила его внезапно, ради кого–то, не помню уже ради кого.

— Отвратительный тип, — сказала я. — Мне он всегда не нравился, терпеть его не могла. Даже хорошо, что нам не нужно быть в воздухе вместе с этим педиком. По–моему, он психически болен. Чёрта с два. Подождём следующий.

Мы пропустили восемь или девять вертолётов. А в это время

Джанис неистовствовала — под угрозой срыва было её выступление. В конце концов, они всё же нас доставили. Мы будто вдруг попали на другую планету. Я прежде никогда не видела, чтобы так много музыкантов джемовали вместе. Пандемониум рулил. Никто не знал, что ему делать или куда идти. Ясно было только одно, выйти оттуда было некуда. Тебе оставалось стоять там, среди всего этого моря мелькающих вокруг тебя лиц и тел. В довершении начал накрапывать мелкий дождь. И постепенно внутренняя территория фестиваля превратилась в настоящее болотце.

Пока рабочие натягивали тенты для вновь прибывающих музыкантов — пребывающих звёзд — земля стала настолько влажной и скользкой, что им пришлось растянуть парусину вместо пола и в палатке Джанис, а пока они этим занимались, мы дюйм за дюймом протискивались к временному кафетерию, чтобы хотя бы чем–нибудь перекусить.

191

Джанис поразила грандиозность происходящего.

— Ого, дружок, — сказала она, в который раз показывая свою чудовищную наивность. — Ты когда–нибудь видела такое? Мы все проголосовали, наши голоса сосчитаны, дружок, вот этому доказательство. Ты видишь его сама. Все эти люди способны выбрать… или сместить кого–нибудь из чиновников.

Вернулись в палатку, мы понимали, что просто необходимо немного поспать, но в этом не стихающем гуле не удалось даже сомкнуть глаз. Она заказала пятую бутылку текилы и пинту Южного Комфорта, один Бог знает откуда, чудесным образом появившихся, и тут же присосалась к живительной влаге. Нойуирт ей стал заметно помогать в этом. Заглянул Кук и неодобрительно окинул её взглядом, даже более колким, чем предназначавшимся мне, но совершенно неубедительным для Джанис. Довольно быстро и методично прикладываясь к выпивке, она начала мне жаловаться и ныть по поводу её предстоящего выступления.

— Эх, дружок, — произнесла она, вертя в луче света прожектора, проникающего через колеблющиеся фалды палатки, почти пустую бутылку текилы. — Там столько собралось людей. Как думаешь, смогу я пред ними выступить? Э… да… Мы так и не успели сыграться. Группа всё ещё не может сыграть вместе.

Это была обычная комбинация неподдельного страха сцены и присущего Джанис стремления к поддержке перед своим выходом.

— Послушай меня, дружок, — сказала я. — Они даже не… из–за этого невообразимого гула, только первые восемь тысяч смогут тебя услышать. Забудь про остальные четыреста девяносто

две. Им не будет слышно. Просто не…

Я бросила взгляд на бутылку текилы рядом с ней, там оставалось лишь несколько капель.

— Ты беспокоишься не о том.

Наконец Джанис ненадолго задремала; вся эта текила и более чем несколько глотков Южного Комфорта сморили её. Проснулась она через полчаса и тут же принялась выуживать что–то со дна своей сумочки. К моему удивлению в её руках появилось всё необходимое, чтобы подкрепиться. Она знала наверняка, что на фестивалях никогда нельзя ничего брать ни у кого — уж очень велик риск. Поэтому всегда всё нужное носила с собой.

Джанис охватила паранойя по поводу, чтобы подкрепиться прямо здесь в палатке — никогда не знаешь, кто мог, чёрт возьми, не вовремя неожиданно заглянуть. И она решила, что безопаснее будет пойти в один из мобильных туалетов, которые привезли специально на время проведения фестиваля. Это оказалось ошибкой. Там было всего восемнадцать–двадцать кабинок на всех и очереди к ним, казалось, растянулись в вечность. К слову сказать, в запасе оставалась ещё пара часов до её выступления, и она решила встать в очередь. С каждым продвижением вперёд её всё больше и больше трясло от нетерпения, но когда мы уже были совсем близки, она вдруг вспомнила, что забыла запастись водой, чтобы развести смак. Поинтересовавшись у служащего, мы к нашему огорчению обнаружили, что в кабинках кончилась вода. Уже на грани, почти закипая от ярости, Джанис где–то раздобыла немного воды в бумажном стаканчике.

Наконец мы попали внутрь и, подождав, пока другие две девушки выйдут, закрыли за ними дверь на щеколду. Джанис достала свою пепси–крышечку, смак, спички и пипетку для глаз и приступила, усевшись на одну из покрытых грязными разводами раковин. Там было два помещения — одно, оборудованное раковинами и зеркалом, и другое, с четырьмя кабинками. Каждой видимо пользовались уже много раз, и каки, уже успев накопиться, выпирали горками в виде пирамид над круглыми туалетными сиденьями. И если бы тебе вдруг приспичило, ты вынуждена была бы взгромоздиться ногами на сиденье, чтобы не запачкаться об оставленные многочисленными такими же как ты горемыками испражнения.

Не могу сказать, что это было гротескно, скорее — тошнотворно. Запах стоял такой, что у меня невольно начались спазмы. Даже дыша ртом, я чувствовала эту вонь. Зажала пальцами нос, но это не помогло. Слёзы брызнули из глаз, когда

Джанис повернулась ко мне, уколов себя.

— Хочешь? — спросила она.

Я замотала головой. Мне было не представить, как она сама смогла в этой вонище. Определённо, если я ещё сделаю несколько вздохов этим отравленным воздухом, пропахну на всю оставшуюся жизнь. Я не могла представить, что мне придётся отпустить рукой нос, чтобы подкрепиться.

193

В дверь постучали. Какая–то девушка жалобно запричитала:

— Впустите. Впустите нас. Мы сейчас описаемся.

— Нет, дружок, — откликнулась Джанис, откладывая свой реквизит в сторону. — Здесь занято. Подожди за дверью.

После нескольких секунд молчания другой девичий голос позвал:

— Джанис мы знаем, чем ты там занимаешься.

У Джанис от внезапно мелькнувшего опасения широко раскрылись глаза.

— Пегги, кто это может быть, чёрт бы её побрал, а? Как они узнали? И что это значит: они знают? Что, неужели у меня уже такая репутация, что…? И кто она…?

Джанис быстро взяла себя в руки, и, игнорируя самодовольные ухмылки этих двух маленьких сучек, ожидающих своей очереди, мы быстро проследовали обратно в нашу палатку. Нам пришлось прождать ещё несколько часов, перед тем как, наконец, сообщили Джанис, что скоро пора идти на сцену. К этому времени она не без помощи Нойуирта успела приговорить Южный Комфорт, и была уже вдрызг пьяна. Мы все, Нойуирт, Кук и я буквально под руки, поддерживая её, провели за кулисами к сцене и затем подтолкнули её, чтобы она смогла сделать самостоятельно несколько шагов, отделяющих её от микрофона. К счастью, несколько человек следили за тем, чтобы всё уже было готово. Но для них для всех оказалось неожиданностью, что, судя по тем звукам, донёсшимся из её гортани, что Джанис была далеко не в лучшей форме. Она спела Take Another Little Piece of My Heart, Summertime, Little Girl Blue и Try Just a Little Bit Harder — все ей очень знакомые и не нуждающиеся в репетициях, но она сама была в ужасном состоянии. Ричи Хэванс, Айк и Тина Тёрнеры, Арло Гатри, Сантана — все они выступили очень эффектно. В контраст им, выступление Джанис смахивало на любительское пение.

Нам, мне, Куку и Нойуирту приготовили места прямо напротив сцены, и нам были слышны и каждый кикс, и каждый пропущенный такт. К тому моменту как она спела свой шестой, последний номер, во время которого она издала

наиотвратительнейший фальшивый звук, который я когда–либо слышала, моё лицо начало подёргиваться в нервном тике.

Я была уже за кулисами, когда она отошла от микрофона.

194

— Дружок, произнесла она, почти плача, не обращая на гром оваций, подаренный ей благодарными слушателями. — Когда ты проваливаешься перед полумиллионной толпой, это означает только одно, что ты действительно провалилась.

Она не хотела ни на минуту больше задерживаться на Вудстоке, поэтому прождав порядочно на взлётной площадке, мы улетели первым же свободным вертолётом. Только он приземлился, как она выскочила из него, и её вывернуло наизнанку. Кто–то подбросил нас до гостиницы. Там, видя в каком она несчастном состоянии, я отговорила её лететь в Нью–Йорк немедленно.

Это была самая странная ночь, проведённая с ней. После того, как я её вымыла, почистила ей зубы, мы легли с ней в постель. Ни у меня, ни у неё, по разным соображениям, не было настроения заниматься любовью. Но мы обе, она не нуждающаяся, а я, не испытывающая тяги, обнаружили, что не можем воздержаться от физического контакта. По крайней мере, с час мы ворочались, прижимаясь друг к другу, то животами, то спинами, то она лежала на мне, то я на ней. В конце концов, мы угомонились, крепко обнялись и провалились в сон.

25

195

Утро следующего дня прошло под знаком алогичности поведения. На моей, взятой напрокат машине я повезла Джанис по Скоростной обратно в Нью–Йорк. Всю дорогу она уверяла меня, что из–за ужасного вчерашнего выступления её карьере пришёл конец. Позавтракали мы в гостинице, причём меня едва не вытошнило омлетом и тостом, когда вся ею выпитая кока и кусок горячего вишнёвого пирога вырвались у неё наружу. Вот тогда–то она и начала сокрушаться и причитать, и продолжила сокрушаться и причитать в машине, пока мы забирали к югу. Тот смак, которым мы подкрепились до завтрака, нисколько не уменьшил её горестного настроения.

— Всё кончено, — говорила она. — Никто, никогда не купит ни одного билета, чтобы увидеть снова эту бедную маленькую, мать её, цыпочку.

— Джанис, ради Христа. Тоже самое ты говорила после Мемфиса. Это всего–лишь одно–единственное, мать его, выступление. И оставь своё мнение при себе, эти чёртовы зрители из первых рядов ринулись на последнем номере, расталкивая и давя друг друга, к этой, мать её, сцене. Ты разве не слышала их вопли? Ещё немного и от их аплодисментов поднялся бы такой ураган, который бы с лёгкостью снёс эту поганую сцену.

Но тут мы запутались в знаках и слетели со Скоростной, и всё её беспокойство испарилось в момент. Она села за руль и стала искать путь, как нам снова вырулить на трассу. На одном из широченных бульваров Северных пригородов Нью–Йорка она заметила большой плакат, извещающий о распродаже, и свернула на стоянку.

196

— Мне нужна новая пара туфель, — пояснила она. — Эти я уничтожила полностью в той, мать её, грязи.

Обычный её трюк. Либо неудача с мужчинами, либо недовольная своим внешним видом или пением, она, впадая в патетику, шла за покупками. Забавно, но несостоятельность её страхов моментально нашла подкрепление, как только она переступила порог магазина. Не меньше дюжины подростков, узнав её, обступили её, прося автографы. Несколько взялись сопровождать нас в обувной отдел, засыпая свою любимую поп–звезду вопросами, Джанис выбрала себе новую пару своих неизменных шестидолларовых сандалий. По дороге к кассе, её остановили уже более взрослые обожатели, и всё повторилось

снова.

Когда мы отъехали, она всплеснула руками.

— Поверишь? Я пела фальшиво, а они продолжают меня обожать.

— Вот видишь? — поддержала я её, тронутая её детской непосредственностью.

— Как же так, дружок? Я же опозорилась перед полумиллионом!

— Я же тебе уже говорила. Один концерт ничего не доказывает.

— Да, дружок, — сказала она. — На таких преданных поклонников можно положиться.

*

Стемнело, когда мы добрались до Манхаттана. Поужинать мы заехали в Канзас—Сити Макса, где её встретили с не меньшим восторгом ещё большее количество обожателей. И когда мы, наконец, попали в Челси, от её дурных мыслей не осталось и следа. Вечер мы провели в любовных утехах, перемежая их телевизионными передачами. Раз, потушив весь свет, кроме ванной, я услышала, как где–то хихикают.

— Ты тоже слышишь? — прошептала Джанис.

Я взглянула в сторону окна. Три девичьих лица были причудливо прижаты к нашему окну, прилегающему к наружной пожарной лестнице.

— Что за чёрт, мать вашу… — вскричала Джанис. Она схватила трубку и стала звонить дежурной.

Одна из цыпочек, несомненно групиз, успела убежать, пока я открывала окно и начала ругать остальных двоих на чём свет стоит. Сначала они продолжали пялится на нас и хихикать, но наверное сообразив всё же, в какую неприятность они могут попасть, если их заметят копы, они опрометью бросились вниз по пожарной лестнице и исчезли. По неподдельному испугу, отразившемуся на их лицах, я поняла, что они были уверены, что Джанис трахалась с каким–то длинноволосым парнем. Одна из них, я рассказала об этом Джанис позже, хохочущая больше других, так и замерла с открытым ртом, когда прямо перед её лицом возникли мои сиськи, как если бы они были атомной бомбой с часовым механизмом, готовой взорваться в считанные секунды.

*

На следующий день Джанис позвонил Питер Коэн, молодой человек, работающий у Альберта Гроссмана. Он предложил встретиться, и эта идея развлекла нас. Мы обе много раз с ним

трахались, в те времена, когда ещё не знали друг друга. Коэн был просто отличной сексуальной машиной. Обладая правильным размером — не слишком большим, но и не маленьким, — в дополнение умел управлять своим временем. Он ни разу не позволял себе кончить, пока не удовлетворит тебя, по крайней мере, дважды. От его умения временами я просто теряла сознание. Он выдерживал очень медленный темп, и ты в предвкушении убыстрения сходила с ума. Но он никогда не ошибался в темпе. Он просто не спеша входил и выходил, ведя тебя медленно и уверенно к серии оргазмов, таких, о каких только можно мечтать.

Коэн нарисовался в гостинице в середине дня. И, несмотря на то, что мы, проснувшись, уже подкрепились, мы повторили процедуру по второму разу, но уже с Питером. Довольно долго мы просто лежали, забавляясь им, затем решили пойти пройтись. Втроём мы обошли почти всю Деревню, прикупив для Джанис разных варёнок, затем расстались, договорившись встретиться этим же вечером у нас в гостинице: у Питера были какие–то срочные дела.

Никаких сомнений на счёт его намерений не было. За обедом, дойдя до сдобных булочек, Джанис перевела разговор на возможность разыграть вечер на троих, и Питер поддержал её идею. Он вернулся около десяти, смотрели телевизор, снова подкрепились, поболтали немного и снова уткнулись в ящик, показывали какой–то дурацкий бессодержательный фильмец. К этому времени мы уже успели раздеться и уложить в постель Питера посередине между нами двоими.

Началось с незначительных случайных прикосновений — мы же все смотрели кино. Постепенно, однако, его лёгкие как пёрышко ласки завели нас, и Джанис, оттолкнув меня и повернувшись к нему, стала долго и страстно его целовать. Я же со своей стороны, чтобы не показалось, что он захватил лидерство, стала обсасывать пальчики на ногах Джанис. Ей это всегда нравилось. Перемещаясь всё выше, начала своими губами основательно массировать её тело.

Питер перестал целоваться, продолжая ласкать её руками, повернулся и вошёл в меня сзади, ни на йоту не изменив своему стилю. Не прекращая медленных своих движений, он продолжал своим ртом обрабатывать Джанис. Спустя время, я перевернулась на спину, и Питер трахнул меня миссионерским стилем. Чтобы не оказаться за бортом, Джанис пристроилась к нему сзади. Судя по звукам и по его спазматическим подёргиваниям, нетрудно было представить, что она там с ним проделывала.

Так мы провели следующие часа четыре, ублажая друг друга всевозможными способами. В итоге, после того как мы кончили, по крайней мере, дважды и удовлетворённые его вниманием, Питер позволил себе разрядиться в меня, так как Джанис была занята, покрывая моё лицо поцелуями.

Первые слова, которые произнесла Джанис на следующий день, после того как Коэн ушёл, были:

— Ясно, как день, ты ему нравишься больше, чем я.

199

— Мне совсем это не показалось, — сказала я, снова и снова стараясь укрепить шаткое равновесие её настроений такими маленькими гвоздиками и чувствуя, что её начинает заносить.

— Тебе не жалко моих чувств, — начала она.

Чтобы не пропал день, необходимо было срочно её отвлечь от начинающего накрывать её самоуничижительного настроения. Весь вечер прошёл в колких репликах и подначиваний в мой адрес. Всё шло к тому, чтобы окончиться ужасной ссорой.

Не знаю, с какой целью он объявился в Нью–Йорке, этот её знакомый, по кличке Ричи—Мотоцикл, один из членов банды, называющих себя Ангелами Ада, но он появился в номере Джанис вечером того же дня, как только мы вернулись с ужина. По таинственным многозначительным взглядам, бросаемым в его сторону, я поняла, что она хочет повторить попытку а–ля–труа. Эта ночь прошла настолько блестяще, что она не могла не устоять, чтобы не сыграть на бис с новым абитуриентом.

Я без энтузиазма восприняла такую перспективу. От Ричи—Мотоцикла так воняло, будто он не мылся с тех пор как выехал из Сан–Франциско на своём байке и был в пути не менее недели, а, может, и того дольше. Но Джанис была настроена решительно, и мне ничего не оставалось делать, как повесить свои соображения на его счёт в шкаф. Но у нас кончилось дерьмо, и мы ни о чём другом не могли в тот момент думать. Наконец, Ричи сказал, что ему кажется, он знает, где можно его нарыть, но только если взять большую партию.

Джанис протянула ему пять сотен, и он ринулся на поиски, как ему говорил один из его приятелей, канал находился где–то в Бруклине, а точнее в районе Бедфорд—Стюивезана. Было около девяти, когда он вышел от нас. К полуночи мы с Джанис были уже почти уверены, что её денежки сгорели вместе с ним. Мы уже начали думать, где бы могли ещё раздобыть смака, но тут в дверь кто–то постучал.

200

Это был Ричи, а точнее всё, что от него осталось. Вид у него был, как если бы кто–нибудь из него пытался приготовить фарш.

Он был порезан с головы до пят, по крайней мере, штук двадцать ножевых ранений. Кровью был пропитан каждый клочок оставшейся на нём одежды. Но не попала ли я в сценарий какого–то старого фильма ужасов? Пока мы стояли так в растерянности, он вдруг закатил глаза и рухнул прямо в дверях. Мы с Джанис понимающе переглянулись. Дурной спектакль — порезы были неглубокие. Он специально нанёс их себе сам, чтобы оставить эти деньги себе, а нам сообщить, что его ограбили. Помню, подумала тогда, насколько по–разному люди пытаются выжить. Но он продолжал лежать без движений, и скоро нам стало ясно, что это не притворство.

Совместными усилиями мы дотащили его до ванной и раздели. Помимо порезов на лице, теле и ногах, у него был глубокая рана на плече. Настолько глубокая, что никакой Ангел Ада не стал бы наносить её себе ради пяти сотен. Чудом нам удалось посадить его в ванну, и Джанис стала промывать порезы.

Кровавые разводы придавали ему ужасающий вид, но даже когда нам удалось его помыть, он выглядел, как если бы рядом с ним взорвалась граната. Вода чуть оживила его — но лишь настолько, чтобы пробормотать о подробностях.

— Два кастрата… и этот белый, — еле слышно произнёс он. — Порезали меня, после того как сказали, где бы я… мог… немного смака…

— Джанис, мы должны отвезти его к врачу.

С секунду она молчала.

— Очень возможно, у него возникнет куча проблем, если мы это сделаем.

— Да, — сказала я, — похоже, ты права. Но ему нужна квалифицированная помощь. Чем же мы ему можем помочь?

Ещё чуть помолчав, она добавила:

— Я сама перевяжу ему раны.

Прошёл уже час как мы промыли Ричи порезы, и Джанис позвонила ночному портье, чтобы тот сходил за ватой, лейкопластырем, мертиолатом и бинтами. Как только он вернулся, она засыпала антисептиком порезы Ричи и наложила повязки с помощью бинтов и лейкопластыря повсюду, где только возможно.

— Виртуозная работа, — восхитилась я её умением.

— Чёрта с два, — сказала она. — Ричи — мой друг. Это минимум, что я могу для него сделать.

— Нет, — возразила я. — Я хотела сказать, что ты меня поразила своим умением. Ты случаем не работала в больнице?

— Нет, — ответила она, помогая мне аккуратно вынуть его из

ванны и перенести через всю комнату на кровать. — Мне впервые в жизни приходится этим заниматься.

Ночь мы провели бок обок с ним на одной постели, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Наутро Ричи горячо поблагодарил Джанис и исчез.

Она было начала его расспрашивать о ранах, но Ричи сменил тему. Он вообще вёл себя так, как если бы не было ничего необычного — просто очередная ночь в жизни Ангела.

Через день я вернулась в Сан–Франциско, а Джанис полетела в Техас. Она намеревалась навесить свою мать, перед тем как вернуться домой. Мне было страшно любопытно, многое ли расскажет ей Джанис о своей жизни, и что будет с сердцем несчастной старой дамы, если она узнает всю целиком не приукрашенную правду.

26

202

Примерно с месяц после Вудстока, Джанис снова приехала в Лос–Анжелес, чтобы выступить в Голливудской Чаше. Я остановилась в Лендмарке, как обычно по её приглашению. Но как всегда, когда рядом Сэм Эндрю, я начала метаться между номером Джанис и его. К моим метаниям примешалась горечь и несочетаемость, потому что Джанис уволила его перед самым отъездом из Сан–Франциско.

Сэм последовал за Джанис и Squeeze (с новым гитаристом, заменившим его) в Лос–Анжелес. Последовал в надежде, думаю, вернуть утерянную благосклонность. Но шанса на это у него не могло быть ни единого. По крайней мере, в то самое время. У Сэма, совершившего считающийся среди нарков величайшим грехом поступок. Он украл у неё героин. Не так уж много, не весь — в этом случае она бы просто его убила. Но достаточно, скажем на сорок–пятьдесят долларов. По её словам, всю её заначку. И так как в группе Сэм был единственным нарком, то не так уж трудно оказалось для Джанис сложить два и два.

203

Сэм даже не допускал мысли, что Джанис решится на такой поступок. Фактически он продолжал верить, что она не решится, даже после исчезновения Старшего Брата из её актива, ведь на самом деле она наняла его как и всех участников Squeeze. Так или иначе, из–за того, что они начинали вместе, а с Джанис даже не был заключён тогда контракт, думается мне, он продолжал полагать, что он является в группе такой же важной величиной как и она. Это какое–то общее помешательство, что ли, но так думали и все члены Старшего Брата. Никто из них и представить не мог, что она не только решится уйти, но достигнет такого статуса, о котором они и мечтать не могли.

Я знала, что Сэм подрезал её смак, и предупреждала его об этом незадолго до того, как всё раскрылось. Мазохизм, скажешь ты и будешь права, я проявила о нём заботу, я знала наверняка, что Джанис давно уже освободилась от его гитарных чар и стихов, и что это воровство станет для него сродни профессиональному самоубийству.

— Ты в своём уме, не делай этого! — поймав его на воровстве за кулисами, воскликнула я.

— Но, дружок, здесь всего лишь долларов на сорок, не больше, — глупо улыбаясь, проговорил он.

— Эти сорок будут стоить тебе скоро сорока тысяч, если,

конечно, у тебя осталось ещё мозгов в голове.

Не прошло и недели, как Джанис решила, что с неё достаточно.

— Я собираюсь уволить сегодня Сэма, — сказала она мне.

Я колебалась, но не сказала ни слова в его защиту, когда она назвала причину. Я только с сожалением покачала головой и сказала, что это всё очень грустно.

В тот же день, но чуть позже, Сэм сказал мне, что ему позвонила Джанис.

— Она хочет общего собрания группы, — сказал он мне. — Не знаешь, зачем?

Опять я колебалась, опять оказалась между ними.

— Не знаю, Сэм, — солгала я.

Когда он ушёл, слёзы брызнули у меня из глаз. Глупо. Очень глупо. Помочь ему я не могла ничем.

На следующий день он появился у меня в бутике.

— Знаешь, зачем она собирала группу? Она уволила меня, эта сука.

— Да, я знаю. Я знала, что она собирается это сделать.

Он был удивлён, что я ничего ему не сказала. Он считал, что я была привязана к нему сильнее, чем оказалось.

— Почему, мать твою, ты ничего мне не сказала? — закричал он.

— Потому что не мне решать.

— Чушь собачья. Ты должна была меня предупредить. Что за сука! Я, видите ли, не достаточно хорош! Или моя музыка не достаточно хороша для этой эгоистической сучки?

Я почувствовала, как снова во мне просыпается к нему симпатия.

— Думаю, тут дело не в твоей игре, и ты знаешь это, — я снова стала выкручиваться. — Дело в украденной заначке.

— Что ещё за чушь, — бросил он, перед тем как уйти, хлопнув дверью. — Она не имела права увольнять меня за это. Она ни разу даже об этом не упомянула. Это мы, Травис, Чет и я, мы нашли эту сучку.

Забавный случай произошёл с нами спустя несколько недель, когда мы с Сэмом взялись отвезти Джанис на концерт в Чашу. Она была в отличном расположении духа, успела уже и подкрепиться и потрахаться с одним из своих любимчиков, прыщавым парнем по имени Пол Уэйли, играющем в группе Blue Cheer. Я так никогда и не смогла понять, что она в нём нашла, невысокого роста, тощий, женатый, таких тысячи. Но позднее у Джанис открылась тенденция проявлять материнские чувства в

своих сексуальных привязанностях к маленьким бродяжкам.

Но в этот момент была всё же она чем–то очень встревожена. Она опаздывала, кругом Чаши были сплошные пробки. Когда же мы, наконец, уже были совсем рядом со въездом, охранник остановил нас.

— Сожалею, но уже ни одной машине нельзя туда.

— Эй, дружище, — сказал Сэм. — Нам нужно проехать внутрь.

— Да, да, конечно, — откликнулся охранник. — Всем нужно попасть туда.

— Но, послушайте, вы не понимаете, — начала я.

Охранник начал выходить из себя.

— Я понимаю, — произнёс он. — И я не хочу понимать. Я не собираюсь ничего понимать. Всё, что я понимаю, это то, что вы не проедите внутрь.

— Но, послушай, дружище, — начал Сэм.

— Никаких мне «послушай, дружище». Разворачивайтесь назад. Вы не проедите внутрь.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? — спросил Сэм.

— Послушайте… — начал охранник, но его оборвал Сэм:

— Ты хоть знаешь, кто здесь?

— Мне напевать, будь вы хоть самой Джанис Джоплин, вы не проедите внутрь.

Джанис высунулась из окна и рассмеялась.

— Это именно та, о ком вы говорите, — улыбаясь, сказала она примирительным тоном. — Джанис Джоплин собственной персоной. И вы собираетесь нажить себе огромные неприятности, не пропуская нас. Пятнадцать тысяч потребуют обратно свои деньги за купленные билеты, вас более чем уволят, вас подвесят на этих воротах за яйца.

Больше возражений не последовало, но возникла новая проблема, когда мы протолкнулись к главному входу: обожатели, толпой примерно в восемь сотен.

У нас с Джанис для этого был уже давно разработан один трюк, который не раз уже её выручал. Я выступала в роли подсадной утки и, делая вид, что я — это она, выходила из машины первой, с опущенной головой.

— Это Джанис, это Джанис, — услышала я возглас одной девицы.

Я побежала что есть духу, наполовину преисполненная гордостью от выполняемой мною миссии, наполовину от страха перед понёсшейся за мной толпой. Всё выглядело вполне

естественно. Зачем мне было бы бежать, если я не Джанис? Толпа ринулась за мной, а Джанис проскользнула за ними, увлечёнными погоней за мной.

Я добежала до служебного входа и стала отчаянно стучать в дверь.

Одна из девиц спросила меня:

— Вы — Джанис?

Тогда я в первый раз подняла голову и смахнула с лица волосы.

— Можно мне ваш автограф? Пожалуйста? — сказала эта девушка, она так нервничала, что даже не посмотрела на меня.

Её подруга, стоявшая рядом, я запомнила её, она ужасно косила глазами, произнесла, выругавшись:

— Это совсем не Джанис, за кем ты бежала, дура.

Она резко развернулась на каблуках, а первая последовала за ней, полностью упав духом, оглядываясь назад почти через каждый шаг, в надежде, что всё–таки, может быть, она была права.

Мы вбежали в по обыкновению тесное закулисье, и прямо попали в объятия какому–то прорвавшемуся сюда репортёру из Лос–Анжелесской Свободной Прессы, не иначе как.

— Здесь совсем нет места для большего количества людей, — произнёс он, преисполненный властью, которой ему никогда уже не удастся испытать за всю его оставшуюся жизнь.

Джанис быстро его отшила, а мы с Сэмом нашли зарезервированные для нас места, прямо напротив сцены.

206

Билеты были все проданы — я обвела взглядом знаменитостей, с нами рядом сидела Энн—Маргарет. Подростки скакали, прыгали, а концерт даже ещё не начался. Сладковатый запах марихуаны поднимался над Чашей, а по боковым променуарам трусливо суетились копы. После незначительной задержки вышла Джанис и через пару номеров первые уже бесновались, визжали и танцевали в боковых нефах, а вторые принялись унимать их и рассаживать по местам.

Для всех кроме Сэма вечер обещал быть крайне запоминающимся и приятным. Джанис пела Summertime, когда он начал стонать и охать насчёт нового гитариста. Я согласилась, что замена, которую привела Джанис, оказалась точной копией Сэма. И к концу номера он превратился в комок ярости, смешанной жалостью к себе.

— Зачем было, мать её, увольнять меня, если она нашла гитариста, подражающего моей игре? — выл и стонал Сэм.

С половины концерта он не выдержал и вскочил:

— Всё, пошли отсюда. Я больше не могу.

— Ты разве не хочешь досмотреть до конца? — спросила я.

— Чёрт, чёрт, нет! Это же моё шоу! Я слышал его тысячу раз. Я могу насвистеть тебе каждую мелодию. Я играл их миллион раз. Пошли. Ты идёшь со мной, или остаёшься?

Я понимала, что он хочет использовать меня в борьбе с ней — когда она узнает, что мы ушли, прежде чем опустился занавес, без неё, вся её ярость падёт на меня. А вот этого–то и хотел Сэм. И он думал, что так он сможет вернуться к ней. И я, всё ещё находящаяся под его чарами, последовала за ним, уверенная, что её кто–нибудь обязательно подвезёт до Лендмарка после окончания. Но беда в том, что так подумали и многие другие. В итоге она шла пешком, сопровождаемая ордой обожателей — шесть или семь кварталов от Чаши до гостиницы.

207

В добавление ко всему, когда мы вернулись в Лендмарк, чтобы ещё более навредить себе, Сэм с помощью кредитки вскрыл дверь в номер Джанис и украл ещё большую порцию, чем в прошлый раз, её героина. Но не это взволновало её, когда она, наконец, нашла нас.

— Что за идея, вы оба, мать вашу? Почему вы не досмотрели моё выступление? Что за идиотская выходка, мать вашу, уйти и оставить меня там одну? Ты, ссыкун, Сэм. Ты — последний ссыкун. А ты…

Она сделала шаг в мою сторону, сверкнув глазами.

— Ты пошла за ним, как последняя, мать твою… медуза.

Она замолчала, затем обрушила весь свой гнев на него.

— Мне пришлось пешком добираться домой, ты этого хотел, да? Ты, мать твою, перемать?

— Уж не ты бы это говорила! — неожиданно воскликнул он. — Я не давал повода тебе так поступить со мной. Где ты нашла этого, мать его, гитариста…

Впервые за всё время я услышала, как Сэм повысил на неё голос.

— Твоё нытьё меня достало, чтоб я не слышала ни слова о моём новом гитаристе, понял? — кричала она. — Ты — вина всему. Ты так ни разу и не смог заставить их сыграть вместе, и ты это прекрасно знаешь и без меня!

Вдруг, неожиданно для всех нас, у неё резко изменилось настроение. Улыбаясь и явно преувеличивая, она с гордостью произнесла:

— Мне пришлось идти домой пешком в сопровождении двух тысяч девчонок и ребят. Двух тысяч девчонок и ребят! Можете себе представить? И знаете, что? Никто из них ко мне не

приставал. Трое даже вызвались охранять меня. И у меня не было ни малейшей заминки по дороге домой.

Сэму ничего не оставалось, как дуться на её добродушное над ним подшучивание.

И когда она позвала меня с собой, я взглянула на него, но он даже не поднял головы. Думаю, тогда–то и началось моё медленное остывание к нему, потому что впервые я последовала за ней, не спросив его желания. Я понимала, что говорить с ним в этот вечер было бесполезно, ни к чему хорошему это всё равно не привело бы, и я не хотела стать частью его несчастий.

208

Позже, уже лёжа в постели, она вдруг остановила мои ласки и прижала мою голову к своему животу.

— Как долго я сегодня была на сцене? — спросила она меня.

— Не знаю, я же ушла раньше, помнишь?

Мне было очень стыдно, что в такой момент напомнила ей о своём малодушии, но мысли её были слишком далеко, чтобы заметить мой промах.

— Сорок пять минут, — задумчиво произнесла она. — Так планировал Алберт. А я сократила до тридцати двух. Знаешь, сколько они заплатили мне за них?

Она сама ответила, не дав мне даже шанса вставить слово.

— Шестьдесят тысяч долларов, — сказала она. — Это почти две тысячи, мать их, долларов в минуту.

27

209

Бедняга Сэм, ему потребовалась почти вся его жизнь, чтобы понять, что Джанис никогда снова не собиралась с ним работать.

Отчасти с каким–то тайным злорадством она оставляла ему время от времени маленькую надежду своим преднамеренно дружественным к нему отношением, прежде чем оттолкнуть его навсегда.

В начале декабря 1969 года Джанис находилась в Лос–Анжелесе, занятая подготовкой к телешоу Том Джонса.

В шесть утра меня разбудил звонок Сэма.

— Мне только что позвонила Джанис, просит срочно прилететь в Лос–Анжелес, хочет поговорить со мной о каком–то деле, — сказал он.

— Что за дело? — спросила я.

— Не знаю, — сказал он. — Она слышала, что Тина Тёрнер собирается заказать у меня для себя несколько песен. Может быть, Джанис хочет перехватить у Тины идею и нанять меня снова? Может быть, она простила меня?

210

Чересчур сомнительно. Как–то раз кто–то проделал шутку подобную Сэму с Джанис, так она никогда это ему не простила. Смешанные чувства заставляют её так поступать, здесь и её гордость, и шаткость её положения, и её неуступчивость, и некое неприятие любого другого решения, чем то, которое она сама выбрала. Для Джанис не имело никакого значения насколько нестандартными могут быть отношения или насколько потенциально стоящими для неё они смогут стать, если она уступит. Когда что–то кончается, для Джанис это означало только одно, это кончилось, даже если ей приходилось искажать истину и хоронить заживо свои чувства и подспудное желание видеть продолжение таких отношений.

— Не хочешь полететь со мной? — спросил Сэм.

— Слушай, дружок, сейчас шесть утра, я не могу такие дела решать моментально.

— Ладно, но тебе надо поторопиться, потому что я хочу успеть на семичасовой рейс.

— Хорошо, — сказала я, разбуженная услышанным от Сэма известием. — Пока ещё ничего не могу сказать.

Я колебалась с минуту, но желание спать было сильнее меня.

— Думаю, не смогу.

— Ладно, — в его голосе не слышалось разочарования. —

Если передумаешь, можешь позвонить до шести тридцати.

— Что нам предстоит там? — спросила я.

— Просто остановиться в Лендмарке и узнать, что хочет Джанис. Я еду обязательно, — сказал и повесил трубку.

Я легла, но сон прогнали мысли об этом раннем звонке. Времени в обрез, да ещё и мой рабочий, Рик, потерял жильё и временно жил у меня. Я не знала, что звонок разбудил и его.

— Езжай, дружище, — произнёс он, приподнимаясь на своей кушетке.

Рик — голубой, и я часто прислушивалась к его советам.

— Не знаю, — сказала я. — Каждый раз, проведённый с ним, для меня кончается обломом.

— Так ты любишь его, или нет?… Так зовёт он тебя или нет? Иначе надо ехать.

— А Кимми? — спросила я.

— Ты и так вся её, — сказал Рик. — Езжай, ради Христа.

— Хорошо, — я согласилась, но не стала перезванивать Сэму. Он сам позвонил мне через пятнадцать минут.

— Ты собралась? — спросил он.

Этот сукин сын знал. Я только собралась звонить ему и сказать, что решила ехать, а он даже ни секунды не сомневался.

— Да, — промолвила, скорее даже, промычала в ответ.

— Я уже выхожу и заеду за тобой.

Мы опоздали на семичасовой рейс, и следующие два часа он был воплощением самой заботы. Но когда мы были уже в воздухе, он повернулся ко мне и сказал:

— Где ты собираешься остановиться в Лос–Анжелесе?

Я готова была сбросить его с самолёта. Я так и знала! В этом весь Сэм. Он весь состоит из подобного дерьма. Он замучивает тебя до смерти, а ты всё это терпишь, иначе он решит, что ты его не любишь. Он всё время устраивает тебе всевозможные, мать их, проверки, и ты вынуждена всех их вынести.

Я почти дымилась от негодования.

Только когда мы начали снижаться над Лос–Анжелесом, он спросил:

— Что–нибудь не так, Пегги? Ты выглядишь расстроенной.

— Ничего, — сказала я. — Просто я опять чувствую себя дурой.

— Почему?

— Потому что я должна, мать твою, опять выкручиваться, и так всегда, когда я с тобой, всегда.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он притворно сладким голосом невинного святого.

— С тобой я всегда вступаю в одно и то же говно, вот что я имею в виду! Где, мать твою, я остановлюсь? Похоже, я полностью в дерьме, что думала, что буду с тобой. Или же я полная дура, мать твою, что согласилась лететь с тобой.

— О… — начал он, как если бы впервые услышал об этом. — Э…

Затем, помолчав некоторое время, повернулся ко мне и, и широко, сладко так улыбаясь, продолжил:

— Чёрт побери, я думаю, ты можешь остановиться у меня.

— А пошёл ты! — вскричала я. Головы впереди сидящих повернулись, и все уставились на нас. — Я могу остановиться у Джанис.

212

Простой классический треугольник. Я люблю Сэма, и, думаю, Джанис тоже, хотя я не могу утверждать это наверняка даже про себя. А Сэм, он тоже любит Джанис, но не может получить её и, используя меня, мстит. В таком случае, я просто накрываю ему стол.

Это его устраивало, и он старался не показывать виду, пока мы ждали свои чемоданы и искали телефон–автомат, чтобы позвонить ей.

— Мы здесь, — сказал он Джанис.

— Мы? — услышала я, так как стояла рядом.

— Да, мы с Пегги.

— Ого! — произнесла она, и тут только я поняла, зачем он позвал меня с собой: чтобы я поддержала его в случае непредвиденных осложнений!

— Подонок! — воскликнула я.

— Что? — спросил он, прикрывая трубку ладонью.

Я рассмеялась. Только теперь я начала его понимать.

— Ничего, — сказала я, отойдя от будки, пока он продолжал с ней говорить.

В Лендмарке она прошла мимо него, направляясь в свой номер, как если бы его не было.

— Привет, солнышко, — обратилась она ко мне. — Как мило, что ты смогла прилететь. Я так рада снова тебя видеть, солнышко. Я в восторге!

Такие слишком раздутые восторги, обращённые в мой адрес, доказывали, что и она тоже в курсе попыток Сэма. Крепко обнявшись, мы прошли мимо, наложив на него кучу.

Как если бы взорвалась пушка прямо перед его лицом. Он–то ожидал от неё получить сразу разъяснения и приглашение зайти к ней. Но она ни словом не обмолвилась о деле, ни тогда, ни позднее. Спустя какое–то время, я встретила растерянный взгляд

Сэма, обращённый ко мне. И когда Джанис начала говорить о том, чтобы пойти с ней на шоу Том Джонса, снова во мне заговорила идиотка, ищущая любви.

— Я ужасно нервничаю, дружок. Ты бы могла сходить со мной и поддержать меня. А после мы сможем прогуляться и немного попроказничать, и…

213

Не успела она предложить мне провести с ней ночь, как я перебила её мучающим меня вопросом:

— Да, но, может быть, мы сможем сначала решить кое–что, а?

Она стала на меня давить, а я продолжала настаивать на своём, я хотела добиться от неё, чтобы она эту проблему озвучила. Как я уже говорила ей неоднократно, моё истинное намерение — привести в порядок свои собственные мысли.

«Ладно, Сэм. С тобой ничего не случится. И неважно, как ты поступишь. Своей любви я не смогу помочь. Я люблю тебя и понимаю, что люблю со всем твоим говном, что в тебе есть. И если я должна пройти все эти испытания, я пройду их во что бы то ни стало. Снова и снова, до тех пор пока не получу тебя. Я не хотела бы причинить страдания Джанис, но я собираюсь провести эту ночь с тобой, и неважно мне будет, что ты сам намерен делать».

Сэм нашёл способ, как разбить эту ночь вдребезги, как обычно бьётся старинный китайский фарфор. Перед тем как уйти днём на репетицию, Джанис задержалась, пока Сэм был в душе, уже третий раз за день.

— Я ещё никогда не видела, чтобы так бегали за парнями, — сказала она.

— Согласна, — ответила я. — Это какое–то безумие.

— Ладно, я хочу, чтобы ты сегодня осталась со мной.

— Я не могу, — сказала я.

— Нет, можешь. Просто приди и всё.

— Что ты хотела ему предложить? — спросила я, пытаясь переменить тему.

— О, ничего, — ответила она.

— Но ты же звонила ему, хотела что–то, разве не так?

На минуту она задумалась, будто взвешивая что–то.

— Да, но я передумала.

— Но он придёт в ярость от этого.

— Ну и чёрт с ним, мать его, — равнодушно произнесла она. — Ты же способна понять, что я могу чувствовать, после того, как вижу, что он использует тебя как рычаг, с помощью которого хочет добиться своего.

Она почти вплотную приблизилась ко мне и произнесла,

понизив голос, так как Сэм выключил душ:

— А теперь слушай, сегодня вечером я жду тебя у себя. Если решишь придти, хорошо. А если не сможешь… Если нет возможности разорваться, я пойму. Но… — нахмурив брови, добавила, — я уверена, чёрта с два у тебя выйдет с ним.

214

Сэм вышел из душа, почти сразу как ушла Джанис. Снова он пропадал где–то до двух ночи. И такое продолжалось, по крайней мере, с полдюжины ночей подряд. Я лежала одна на двуспальной кровати, когда он, наконец, вернулся.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, раздеваясь и ложась на другую кровать.

— Я — здесь. Здесь, с тобой, помнишь?

— Да, конечно, — сказал и выключил свет.

Я лежала неспособная остановить слёзы. Сэм — на другой кровати, и смотрел на меня такими глазами, как если бы я была жалким раненным зверьком. Рискуя снова испытать унижение, я перебралась к нему и закинула свою руку и ногу на него. Он отвернулся, приподнялся на локте и скорчил гримасу. Я поцеловала его спину и начала перебирать пальцами по его коже.

— Хочешь, я сделаю тебе массаж?

— Нет, — проговорил он. — Оставь меня.

— Я тебя раздражаю?

— Да, — ответил он.

— Ладно, — слёзы снова подступили к глазам, и перехватило дыхание. — Думаю, тебе придётся разобраться со всем этим, потому что я собираюсь раздражать тебя и дальше.

Он пожал плечами и положил голову на подушку. Через минуту он уже спал. Я же всё ночь так и не уснула, стараясь понять его — и себя.

На следующий день Сэм снова был в душе, когда Джанис собиралась уходить. Она повторила свою просьбу, составить ей компанию на записи шоу Джонса, как раз в тот момент, когда Сэм выходил из ванной.

— Конечно, иди, — сказал он. — Боже ради, иди.

Мне ничего другого не оставалось, как сказать ему:

— А пошёл ты, мать твою, — и ушла с Джанис.

Пошла и зарегистрировалась в её номере.

И вдруг у меня вырвалось:

— Наплевать мне на твоего Тома Джонса.

— Ладно, дружок, как скажешь. Надеюсь, тебе удалось поспать хоть немного. Ты меня волнуешь.

Бросив сердитый взгляд в сторону Сэма, добавила:

— Стоит он твоих слёз? Отвечай. Этот подонок, мать его,

стоит ли всей боли, которую причиняет тебе?

215

Сэм продолжал одеваться.

— Пошли, солнышко, — снова позвала меня Джанис. — Ну, так ты идёшь со мной?

— Мне действительно не хочется, Джанис.

— Ладно, дружок, как знаешь, — сказала, внезапно переменив тон. — Ты такая же, как он, мать твою. Пожалеешь ещё. Всем пока, и чёрт с вами.

Хлопок резко закрываемой двери ещё звенел в моих ушах, когда Сэм сказал:

— Почему ты не пошла с ней? Ты мне здесь не нужна.

— Почему бы тебе это не сказать чуть раньше, пока она здесь ещё была? — спросила я.

— Я и сказал. Я же сказал тебе, иди.

— Нет, почему ты не сказал, что не хочешь меня видеть здесь?

— Боже ты мой, Пегги, — простонал он и, подойдя к саквояжу, принялся рыться в нём, ища заначку.

— Хочешь, я могу достать немого? — спросила я, после того как он ничего не нашёл.

— Да, хочу.

— Деньги у меня есть, — сказала я.

— Почему бы тебе не поделиться своим?

— Я не смогу так быстро найти Джорджа, — ответила я.

— Ну, вот ещё, — с отвращением произнёс он. Быстро встал и направился к двери.

— Куда ты? — только и успела я спросить.

Как последняя дура, я прождала его несколько часов — и сдалась.

Я пошла в Старый Свет перекусить, и мимо меня пронёсся он, на нанятом напрокат мотоцикле. Я сидела за столиком перед самым входом, и он заметил меня. Он ехал на приличной скорости, и ему приходилось лавировать между машинами с полосы на полосу, как какой–нибудь школьник, показывающий выкрутасы с мотоциклом на заднем дворе.

Вернувшись в гостиницу, кто–то предложил мне сходить вместе на шоу Джонса и я согласилась. Сэм так и не позвонил.

«Не звонишь, поганец, ну и чёрт с тобой, мать твою», — выругалась я про себя.

Наконец–то. Мать твою. Послала.

Мы с Джанис, как только она освободилась, решили проехаться по городу, и, вернувшись в Лендмарк, ей уже нетрудно было уговорить меня остаться на ночь у неё.

216

Мы провели оставшиеся два дня, не расставаясь, и улетели вместе в Сан–Франциско, как только полностью окончились её записи. По пути из аэропорта она вдруг заговорила о Сэме, о котором я не слышала ничего и которого не видела с того самого момента, как он пролетел мимо Старого Света на мотоцикле. Начала с того, что стала подкалывать меня, что я увязалась за ним в Лос–Анжелес, и с заметным злорадством заметила, что трахнула его, нарушив наше соглашение.

— Вы, двое… — у меня перехватило дыхание. — Иногда мне кажется, что меня уценили, и я попала на дешёвую распродажу.

— Вы безжалостны друг к другу. А ты… Ты… Ты тоже любишь его? — вдруг доходит до меня, что, какими–то странными путями, она, возможно, тоже любит его.

— Да, — вздохнула она, и быстро добавила, как бы разъясняя, — конечно. Но ты же знаешь, дружок, мы с Сэмом никогда прежде этого не делали. Мы никогда прежде не были вместе. Мать твою, дружок, ты же это знаешь. Да, нам даже просто уединиться, и то не получалось.

— Думаю, он тебя любит, Джанис.

— Да, знаю, — и печальные нотки пробежали в её голосе. — Я уже давно чувствую от него вибрации.

На следующий день Сэм ввалился в мой бутик.

— Ты, зануда, — начал он вместо приветствия. — Я просидел всё это время в тюрьме, пока вы там с Джанис развлекались.

Копы задержали его, когда он совершал один из необдуманных манёвров на мотоцикле. Помимо этого, по его внешнему виду и отсутствию прав, они в тот же вечер засадили его за решётку в приёмнике Голливудского отделения. Только утром один из людей Джанис заплатил за него залог, о чём она, конечно же, должна была знать, но так и не сказала мне ни слова. Взбешённый из–за меня, он вернулся в наш номер в Лендмарке и обнаружил исчезновение моих вещей. Думая, что я вернулась в Сан–Франциско, и, даже не справившись обо мне у Джанис, он улетел домой и разыскивал меня все следующие два дня, не раз заходя в мой бутик.

— Как могла я узнать, что тобой случилось? — сказала я. — Ты исчезал, не сказав ни слова, ты оставлял меня на двенадцать, на пятнадцать часов. Никогда не звонил. Ты обращался со мной как…

217

— Мать твою, а пошла ты, — выругался он, хлопнув на прощание дверью. — И чтобы я никогда не видел твоей кислой рожи рядом со мной, поняла?

Я прыснула со смеху. Ещё три дня назад у меня бы земля ушла из–под ног. Но, видно, что–то же всё–таки произошло. Думаю, то было последней каплей. И, несмотря на то, что до последней минуты я не была ещё полностью уверена, я твёрдо решила вопреки всем моим чувствам к нему, оставить боль от любви к Сэму далеко позади себя.

28

218

И недели не прошло, как неожиданно, нам с Джанис пришлось вернуться в Лос–Анжелес. У неё кончился смак, и она решила, что быстрее будет самой съездить за ним, чем ждать, когда в Сан–Франциско прилетит её курьер. Мы остановились в гостинице прямо у Лос–Анжелесского аэропорта, куда Джордж и привёз новую партию. Тут же подкрепившись, мы уселись перед ящиком и стали смотреть Бобби Дарина. Джанис не удержалась от комментариев.

— Что за задница, — с презрением произнесла она. — Отрастил волосы, начал курить траву, хочет походить на хиппи и всё это после того, как представлял светских красавчиков.

Затем, прямо в разгар своих на него нападок, она резко сменила тему.

— Эй, — произнесла она. — Давай посмотрим «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» Я видела афишу в Вествуде. Там главную героиню играет Джейн Фонда.

Не прошло и двадцати минут, как мы подкрепились, и у меня не было никакого настроения идти куда–то. Как всегда Джанис приготовила для меня слишком большую дозу. И пока она переодевалась, я постепенно пришла в бессознательное состояние. Хлопая по щекам, ей удалось расшевелить меня. Но все мои доводы и выдвигаемые аргументы были ею отвергнуты, её даже не остановило, что меня начало тошнить с интервалами в пять минут. Она доволокла меня до машины и привезла в кинотеатр Пиквуд, где шла премьера этого фильма. Содержания не запомнила — я оказалась настолько нагруженной, что буквально каждые десять минут выбегала в дамскую комнату. После шести или семи таких пробежек, тошнить уже было нечем, и остались только мучительные грудные схватки.

219

Каждый раз как я возвращалась на своё место, Джанис смотрела на меня, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться и говорила:

— Похоже, я дала тебе слишком большую дозу, как думаешь, солнышко?

Позднее, после того, как меня полностью почистило, всю вывернув наизнанку, мы обе, всё ещё находящиеся под кайфом, добрались до Барни, где Джанис не с меньшим успехом напилась. По дороге до Интернационаля в самый безбожный час, вдруг я заметила, что Джанис ведёт этот ярко–красный Форд, взятый ею

напрокат у Герца, по встречной полосе.

— Тебе лучше вернуться на свою полосу, — сказала я.

— Чёрта с два, и не подумаю.

— Джанис, — кивая головой и с трудом подбирая, разбегающиеся от меня слова, произнесла я. — Мы так попадём в беду.

— Шутишь? Ты знаешь, кто мы? Ты знаешь, кто мы есть на самом деле?

— Нет, кто?

Мне вдруг эти слова показались такими нелепыми, что я не удержалась, чтобы не рассмеяться. Мы были в этот момент двумя нагруженными пьяными хиппи, вот кем мы были.

— Мы самые–самые хиппи из всех в мире, — многозначительно произнесла она, делая ударение на каждом слове. — Самые хиппиевые, мать вашу, во всём мире.

— Как ты это себе представляешь? — пробормотала я.

— Легко. Не есть ли это самая хипповская страна в мире?

— Да, верно.

— И какой самый хипповский штат в этой самой хипповской стране?

— Калифорния, — ответила я.

— А какой город самый хипповский в самом хипповском штате самой хипповской страны?

— Сан–Франциско.

— А теперь, скажи мне, какие самые хипповские соседи…

Я не успела ответить, как она рассмеялась и добавила:

— А кто самые хиппиевские из всех соседей?

— О, я поняла, наконец, что ты имела в виду, — произнесла я, почти готовая поверить в сказанное ею.

Она всё ещё вела машину по встречке, по–хипповски это или нет.

— Слушай, — сказала я. — Не иначе как ты хочешь попасть прямо в ад, либо мы с тобой попадём в аварию.

— Нет, не попадём, — озорно засмеялась она. — Здесь односторонне движение, ха!

— Тогда что за жёлтая, мать её, полоса прямо посередине дороги? — спросила я.

Только я произнесла это, как увидела в зеркальце заднего вида отражение мерцающих красных огней. Я обернулась. Два копа следовали прямо за нами. Джанис остановила машину.

— Хорошо, мисс Самая–Хиппиевская–Личность–в–Мире, — сказала я. — Посмотрим, что скажешь ты теперь.

Один из копов подошёл и нагнулся к окошку.

— Вы знаете, что ехали по встречной полосе?

Уверена, этот молодой полицейский заметил бы запах алкоголя, начал бы свои тесты, заметил бы чересчур расширенные зрачки Джанис, и началось бы. Но тут он вдруг её узнал.

— Эй, Джимми, — окликнул он своего напарника. — Быстро сюда. Посмотри, кого к нам занесло.

Подошёл Джимми и, присоединился к первому, чьё имя, как мы потом узнали из последующего разговора, было Гарри.

— Вот это да! Это же Джанис Джоплин! Боже праведный!

— Ого, — воскликнул Гарри. — Глазам не верю. У меня все ваши пластинки. Я ваш самый–самый горячий поклонник из всех.

— Все мои пластинки, — произнесла Джанис. — Их у меня всего три, и я очень сомневаюсь, что есть у вас первая. Кое–кто в Чикаго продал все копии куда–то в Канаду.

— Да, ладно, — сказал Гарри. — Я хотел только сказать, что мне очень нравится, как вы поёте.

Джимми, который, как выяснилось, тоже оказался её поклонником, спросил нас, где мы остановились. В какой–то момент, я уверилась, что добродушие исчезнет и нас повяжут.

— Ладно, послушайте, — сказал Джимми. — Двигайтесь по правой стороне, а мы сопроводим вас до Интернационаля, чтобы быть уверенными, что вы не попадёте ни в какую аварию.

221

Возвращаясь в сопровождении полицейской машины, мы всё ещё не могли поверить, что нам так повезло. Нас вернули в гостиницу в сохранности, и мы даже посмеялись с ними при прощании о возможной благодарности с нашей стороны за то, что они были с нами так милы. Но мы настолько выдохлись и были так нагружены, что и думать об этом не было даже сил.

На следующий день я проснулась в начале третьего. Чувство такое, что меня вырвали из самых недр земли. Джанис уже встала и первое, что я увидела, открыв глаза, как она готовит новую порцию, чтобы подкрепиться.

— Хочешь? — спросила она.

— Нет. Я до сих пор чувствую себя нагруженной после вчерашнего. И ты, должно быть, тоже. Почему бы тебе не обождать?

— Слушай, — ответила она мне. — Давай расставим все точки над i. Ты можешь быть моим любимым, моим братом, моей сестрой, всем кем хочешь. Но единственным в чём я не заинтересована, это, чтобы ты была мне второй матерью.

— Ладно, мать твою, — вдруг вспылив, воскликнула я. — Я и не пытаюсь стать тебе матерью. Я просто сказала, что всё ещё нагружена и знаю, что ты, должно быть, тоже. И не понимаю, что

за чёрт тебя тянет заниматься этим с самого утра после ночи, проведённой под кайфом.

— Потому что это заставляет мам–мочку чувствовать себя о-очень хорошо, — произнесла она с джазовыми интонациями. — Вот мне и хотелась, чтобы ты чуть–чуть разделила со мной моё настроение.

Отвечала она, с улыбкой наблюдая, как коричневатая жидкость плавно вливается в её вену.

То было лишь началом наших худших дней, предвестником событий, которым суждено было произойти.

Ей удалось донести свою затаившуюся злобу до кафе внизу. Я заказала яйца, бекон, тост и кофе, а её снова прополоскало куском горячего яблочного пирога с кокой. Я знала, это обычная еда нарков — смак урезает твой аппетит до той точки, где тебе хочется только испытывать вкусовые ощущения, забывая про физиологическое назначение питания, и у тебя появляется страстная тяга к сладкому. И снова меня это раздосадовало.

— Почему бы тебе, мать твою, не съесть на завтрак, что будет полезно для твоего организма?

— Хорошо, моя вторая мать. Так вот, слушай, мам. Я в очень хорошей физической форме. Я недавно проходила обследование у врачей, и они присудили мне статус А-плюс. Так что не беспокойся о моём здоровье, хорошо?

Она вышла на улицу к газетному автомату и принесла Лос–Анжелесскую Свободную Прессу. Не перелистав и пары страниц, она спросила меня, возможно, чтобы снять создавшееся напряжение, нет ли у меня каких–нибудь планов на день.

Я пожала плечами.

— Может, съездим в зоопарк Сан—Диего? — спросила она ни с того, ни с сего.

Возможность сходить в зоопарк её развеселила.

— Нет, точно нет, — ответила я.

— Ты когда там была последний раз?

— Никогда.

— Тем более, тебе надо увидеть это. Просто фантастика. Поедем.

— Видно, что ты очень хочешь, тогда поехали, — согласилась я.

— Великолепно. Не пожалеешь. Тебе понравится. Все эти милые маленькие зверюшки. А забавные обезьянки с ужасными мордашками, и человекообразные. Орангутанги. Ты бы только видела, какой у орангутанга…

Было уже начало пятого, когда мы вышли на автостраду по

пути к югу. Джанис время от времени перелистывала Свободную Прессу, которую захватила с собой и комментировала прочитанное.

— Что ты думаешь о старых песнях, которые я могла бы переписать? — спросила она меня.

— Отличная идея, — сказала я. — Думаю, стоит начать с Cheatin' Heart.

— Мне она тоже нравится, и поклонники от неё в восторге. Знаешь, я действительно верю, что им нравится, как я пою о тяжёлой жизни, о неразделённой любви, или о чём–то таком. И, знаешь, думаю, они даже пошли ещё дальше. Им нравится верить, что я сама — самая несчастная влюблённая на всём свете.

223

Я ехала и думала, если они в это так верят, они, может быть, не далеки от истины, принимая во внимание всю её такую неправильную жизнь, и её сердечные увлечения в особенности. По существу у неё самое разбитое в мире сердце. Моя утренняя досада и раздражение ушли прочь, заменив место чему–то среднему между состраданием и сочувствием, но тут мы заметили, что едем не в строну Сан–Диего, а куда–то совсем в другую. На заправке нам сказали, что мы свернули не на ту автостраду и приближаемся к Санта–Ане. Мы развернулись и взяли направление на юг, на Сан—Диего, через несколько миль Джанис решила пересесть за руль.

Она была сильно нагружена, но это ни в какое сравнение не идёт с тем, что произошло потом. Всего в каких–нибудь ста футах перед нами машина с пожилым мужчиной за рулём и тремя или четырьмя детишками перевернулась, выскочила со своего ряда и зацепила другую. Вторая столкнулась с третьей. А Джанис, скованная ужасом от увиденного, неслась вперёд, не сбавляя скорости. Ещё одна врезалась в трейлер прямо посередине шоссе. Автомобили, двенадцать или тринадцать, с ними было всё кончено, они были нанизаны друг на друга, как ёлочная гирлянда. Одна из них врезалась перед нами в грузовик. На наших глазах осколки стёкол, куски хромированных накладок разлетелись ярким фейерверком. Картина, скажу тебе, сюрреалистическая, не надо ходить в музей современного искусства. Всё равно, что кусочки разорванной масляной картины или интерактивного искусства.

— Тормози!! — визжала я.

Джанис не шевелила ни одним мускулом.

Прямо перед нами машины продолжали издавать жалобные металлические звуки, замедляя своё движение. Наконец, они стали отделяться друг от друга и уже останавливались

самостоятельно. Совершенно нет никакого понимания, почему мы не врезались в одну из разбросанных на нашем пути по всем четырём полосам автострады машин, но мы не врезались. Мы пронеслись мимо грузовика буквально в полуфуте от него, а затем и мимо нагромождений из искорёженных автомобилей. Джанис держала ногу на акселераторе словно вокруг нас ничего необычного не происходило. Как если бы они все расступились перед ней, давая проехать, как расступилось Красное море перед Моисеем. И она знала, что так оно и будет.

224

Многих выбросило из их машин, и это чудо, что мы не наехали ни на одного из них. Мы ни разу не остановились, и я была ужасно сердита на Джанис. Мы могли бы помочь хоть нескольким из этих несчастных, думала я. Но затем я сообразила, что нас могли бы спокойно повязать, когда бы прибыла полиция, настолько мы с ней были нагружены.

Джанис так и пролетела весь этот кошмар с застывшей на лице улыбкой до самой бензоколонки на въезде в северный район Сан—Диего.

— Машина в вашем распоряжении остаётся ещё сорок пять минут, — предупредил нас служащий.

— Какая самая короткая дорога до зоопарка? — спросила она его.

— Зоопарка? — переспросил он, посмотрев на часы. — Сейчас шесть. Зоопарк обычно закрывается к этому часу.

Ладно, ещё один из тех дней. И лучше он не стал, когда мы вернулись в гостиницу. Мы поужинали и вернулись в номер готовые приступить к обоюдным ласкам, чтобы хоть немного компенсировать шок, полученный нами от гирлянды нанизанных друг на друга автомобилей. Но даже это не смогло нас уравновесить. Перед тем как лечь в постель, мы подкрепились, и Джанис поплыла очень быстро. На этот раз она решила взять активную роль себе, и чуть не задушила меня поцелуями. Будучи нагруженной, она временно потеряла координацию, и промахнулась мимо моего лица, громко чмокнув воздух. У неё это так смешно получилось, что я не удержалась и рассмеялась.

Она резко выпрямилась, и вдруг так сильно рассердилась, что такой я ещё прежде никогда не видела.

— Что такое, мать твою, тебя так рассмешило? — вскричала она. — Подумала, что я одна из этих, мать их, братьев Маркс?

225

Чернее тучи она поднялась, надела свой банный халат и включила ящик. С час я пыталась вывести её из мрачного настроения, но безрезультатно. В конце концов, я сдалась,

отвернулась и закрыла глаза, определённо считая этот день худшим днём, какой я когда–либо проводила с Джанис. Но такой день, конечно же, был всё ещё впереди.

29

226

В ту осень Джанис купила себе дом в Ларкспуре, к северу от Сан–Франциско в округе Марин. Нечто очень красивое и очень современное; много стекла, деревянных панелей, обширная гостиная с камином прямо посередине и дымоходом, уходящим в крышу где–то в самой высокой точке балочного потолка. Небольшая уютная берлога и кухня, примыкающая к гостиной по одну сторону и две огромные спальни — по другую, две ванные комнаты и невероятно громадная открытая веранда из красного дерева с великолепным видом на бухту. Высоченное мамонтово дерево росло прямо из пола веранды и создавало впечатление, что ты живёшь в залитом солнечным светом лесу.

В декабре в Ларкспуре Джанис для четырёх сотен гостей устроила задержавшееся новоселье. Со мной приехала Кимми. Сэм демонстративно не приехал и остался дуться на неё дома, хотя она не забыла пригласить всех из Старшего Брата. Были там и её друзья по ранним её скитаниям по Хайту, и люди из звукозаписывающей индустрии, и множество незнакомых никому лиц, а ещё больше недавних её знакомых и коллег, несколько рок–групп, и, конечно же, её ансамбль, Squeeze. Арло Гатри был там. Джанис даже пригласила того самого сан–францисского музыкального критика, Ральфа Глизона, который так едко отозвался о ней, когда она только начинала работать со Squeeze, ещё до взлёта её карьеры.

227

— Ты меня удивляешь, скажи, а что здесь делает этот Глизон? — спросила я, после того, как Джанис прорвалась через плотную толпу гостей, окружающих её, и подошла ко мне. — Ты разве простила его?

— Я никогда не прощу этого сукина сына, — рассмеялась она, и злодейские искорки засверкали в её газах. — Это чистый пиар. Хотя я и ненавижу этого чёртова ублюдка, одного из самых видных музыкальных критиков, но он напишет обо мне новую статью.

На празднике были ещё два человека, которые не без просьбы Альберта Гроссмана помогали Джанис.

Впервые она познакомилась с Ником Гравенитисом в начале 1966 года в Сан–Франциско. Позднее он стал петь и писать музыку в группе Electric Flag, а ещё позднее занимался аранжировками и писал для Джанис, часто вовремя давая ей, так не хватающие ей профессиональные советы. Его бывшая жена,

Линда, очень крупная, мужеподобная девушка с милым личико, но обычным для дам со смуглой кожей проклятием — излишней волосатостью и усами, старинная платоническая подруга Джанис, с которой ей приходилось какое–то время быть компаньонками. Она также нашла время добраться до Ларкспура.

Другим парнем был Майк Блумфельд, превосходный музыкант и один из почти совершенно невоспетых великанов мира рок–музыки. Одно время он заметно поднялся, создав трио вместе со Стивеном Стиллзом и Элом Купером, итогом которого стала пластинка Super Session. Но чаще, чем нет, он был движущей силой разных исполнителей и групп, находясь в тени, за сценой, сочиняя и делая для них аранжировки, и его имя стояло на яблоках таких неустойчивых групп как Старший Брат и ещё раньше — Squeeze.

Я не была знакома с Блумфельдом и не представляла даже, чем он занимается, когда он подошёл ко мне в разгар праздника и в середине бессодержательного, обычного для таких случаев разговора вдруг произнёс:

— Когда все разойдутся, ты поедешь ко мне домой.

— Я? — удивилась я, хотя меня и тронули его серо–голубые глаза, чёрные кудри и миловидное личико.

— Да, совершенно верно, ты, — сказал он, так широко улыбаясь, что я тут же забыла о его дерзких словах.

В мыслях я почти приняла такое приглашение–приказ, но оставила за собой путь к отступлению:

— Ладно, — сказала я. — Может быть. Посмотрим.

Час спустя, как раз тогда когда мне начало всё это надоедать, меня окликнула Джанис и предложила пройти к ней в спальню и подкрепиться. Я согласилась, но когда мы вошли туда, там нас уже ждал Блумфельд.

— Майкл уже всё для нас приготовил, — произнесла она, весело улыбаясь, и прижалась к нему.

— Вы… неужели вы не знакомы? — окинула она нас игривым взглядом.

Мы оба, одновременно, покачали головами, рассматривая друг друга.

— Это просто непростительно, — воскликнула она. — У вас столько должно быть общих друзей, а вы так и не познакомились. Ну что ж, Пегги, я хочу тебя познакомить с Майклом, одним из самых приятных молодых людей, из тех, кого я знаю. Майкл, это Пегги. Она, возможно, самый мой лучший друг на этой поганой, мать её, планете.

Она взглянула на нас, не поднимая головы, так как в это

время готовила для всех нас смак. Но тут, видно, у неё созрел какой–то план.

Нагруженная и поплывшая, я всё ещё не знала, кто такой Майкл, хотя уже спустя несколько часов стояла вместе с ним у выхода. Одна девушка, Джонна, наша общая с Джанис знакомая, стремительно ринулась ко мне и, еле сдерживая дыхание, зашептала:

— Ты… в самом деле, едешь домой к Майклу?

— Да, и что из этого?

— Боже, — воскликнула она, — ты хоть понимаешь, как это лестно, Пегги?

— Как это может мне польстить? Он — милашка, но всего лишь ещё один парень…

— Нет, совсем нет, — прервала меня Джонна. — Ты понимаешь, кто такой Майкл Блумфельд?

— Он не сказал мне свою фамилию, — сказала я, готовясь услышать нечто особенное.

— Ну, он супер–дудлик. И не только из–за своей музыки. Он интересен, как личность. И это настоящий комплимент тебе, Пегги. Не слышала, чтобы он хоть одну цыпочку пригласил к себе домой. Всем известно, что он предпочитает цыпочкам мастурбацию. И он большой… он большой знаток в этом, поверь мне.

Я поняла почему, уже у него дома в Мельничной долине, к сожалению уже после того, как он зацепил меня своими глазами и интеллигентностью. Он трахал меня почти всю ночь, и хотя у него стоял всё время как скала, он так и ни разу не кончил. По каким–то своим соображениям, ему нравятся женщины, с которыми он не кончает. Единственно, как он может кончить, сказал он мне, это с помощью руки.

Странно, но я не могла заснуть после всего. Я лежала и думала. Мне он понравился. Здорово понравился. Я могла бы даже остаться у Майкла на некоторое время. Он подходил мне во всём, что обычно имеют в виду Джанис и Кимми. И Джанис, уверена, не была бы против, потому что ей он тоже нравился, но она быстро сообразила, что ей самой поехать к нему смысла не было бы. Важнее в интересах Джанис было меня подложить под него — это меня несколько отдалило бы от Кимми. И самой Кимми понравилось бы, уж я-то точно знаю, чтобы развились какие–нибудь отношения между мной и Майклом, потому что это был бы кто–нибудь иной, а не Джанис.

Такие вот мысли и новая моя влюблённость потеснили в моём сердце чувства к Сэму Эндрю, с которым я пыталась

наладить контакт на протяжении вот уже более двух лет. К сожалению, ничего из этого не вышло. То оказалась единственной ночью, которую мы с Майклом Блумфельдом провели вместе в постели.

Вопреки поддержке Майкла, взаимодействие Джанис с ансамблем Squeeze Band быстро сходило на нет. 29 декабря в Мэдисон–Сквер–Гардене они сыграли вместе свой последний концерт. Ни о чём другом думать она не могла. Джанис, по большей части, по–матерински относилась к своим музыкантам. Даже ко многим питала нежные чувства. То была лучшая для неё часть года, когда она нашла в себе силы уйти из Старшего Брата.

230

И теперь, хотя каждый понимал, что всё кончено, ей понадобилось, по крайней мере, шесть месяцев после выступления в Гардене, чтобы распустить Squeeze.

У Джанис начались взаимосвязанные с этим проблемы в её сознании. Первые три месяца 1970 года мы стали тем, что обычно называется наиболее интенсивным периодом наших отношений, поскольку никогда ещё так часто мы не виделись и никогда прежде мы так сексуально активно по отношению друг к другу не вели себя. То было время, когда я почти разорвала с Кимми и переехала к Джанис. Близость наших душ была чрезвычайна, не считая редких плохих дней, неизбежных у очень близких людей, когда она выливала на меня все свои проблемы. Однажды ранним утром, лёжа бок обок в постели, после хорошей порции любви, она вдруг начала мне говорить, как много привычек она прибрела за свою гастрольную жизнь и как они пагубно сказываются на её профессионализме. Долгое время она не соглашалась с этим, но теперь всё больше и больше совершенно разных людей, с которыми ей приходилось работать, говорили ей, что одна из главных причин, почему её группа не играет вместе, заключается в ней самой, что она поёт не вместе. Что если бы она следила за собой (была бы «чиста»), то была бы в лучшей форме, лучшем состоянии, брала бы уроки пения — и этого вполне достаточно, чтобы решились все её проблемы.

В это время моя любовь к ней ещё более окрепла; я даже стала замечать, что мне льстит её компания. Более того, даже получала удовольствие от того, что была с ней «в» почти любой ситуации, в которой ей хотелось оказаться. Первое время и довольно долго, я ценила свою независимость, и просто была ей благодарна за всё остальное. Она развила во мне чувство моей значимости с такой же лёгкостью, с какой ей удавалось раскрывать во мне все мои низменные инстинкты. Многое из этого мне помогло в будущем более глубоко прочувствовать все

мои другие увлечения. Итак, наша обоюдная способность «чувствовать» результаты действий отличала нас от других, кто просто радуется или печалится происходящим с ними событиям.

В итоге я была более чем просто озабочена людьми, которых раздражала её пагубная привычка. Я оставалась в тени, в отличие от Альберта, её импресарио, настаивающего, чтобы она соскочила. Блумфельд, сам, будучи законченным нарком, постоянно звонил ей и советовал ей то же самое. Даже её компаньонка, Линда, угрожала съехать с квартиры, если она не соскочит. Где–то в конце февраля Альберт предложил устроить ей лечение метадоном, если она отправится на отдых и попытается сбросить «макак со своей спины».

231

Но тут Джанис, как всегда, вмешалась сама. Внезапно, что для неё было очень свойственно, она объявила всем, что собирается на отдых в Бразилию. Она дала слово, что по возвращению, она избавится от своей пагубной привычки.

Вместе с Линдой Гравенитис, которая взялась сопровождать её в путешествии, я поехала в аэропорт. Нас отделяло от вертолёта, который должна был отвезти её до Окленда, где она пересядет на прямой рейс до Рио, всего несколько минут, и тут она суёт мне в руку небольшой бумажный пакет. Уже дома я обнаружила в нём детский воздушный шарик, наполненный практически чистым героином, который если разделить на дозы и продать на улице, весил бы не меньше двух с половиной тысяч долларов.

Подарок вполне в духе Джанис. Сама она улетала подальше от него. А для меня он оказался горькой насмешкой. Я не могла устоять перед героином, если бы в пакете оказалось две–три дозы, но там было его так много, что один вид его вызвал во мне отвращение. Но совершенно из других соображений она подарила мне снова так много. То, что я держала в руках, оказался билетом на обманчиво тихоходный корабль — не на какой–нибудь цветущий Южно—Американский курорт, а в наполненную ноющими судорогами обитую мягкими матами клетку без окон, где ты сходишь с ума от желания подкрепиться. Билет в ту страну, где климат медленно выедает твою плоть, нападает на твои сиськи, иссушая, уменьшая и обвисая их, а на твоих устах оставляя горечь загнившего хлопка. Где грязь, голод, болезни, разложение, и ты пробираешься, ползёшь, чтобы только ещё раз подкрепиться.

С другой стороны этот билет мог быть предостережением: вроде волшебной страны Пиноккио с бесплатными сладостями и непрекращающимися играми, и моего, продолжающегося многие

часы блаженства. Но параллельно он был и ловушкой. Однажды блаженство могло превратиться в горькие разочарования, страхи и агонию, из которых ты уже не сможешь выпутаться. И уже поздно будет обращаться к спасительному метадону, твои желания заместятся ужасными судорогами, настолько часто повторяющимися, что ты убьёшь себя своими же собственными ногами. Жестокая природа тебя вернёт в состояние эмбриона, и ты не сможешь даже разжать колени. Ты впадёшь в состояние «холодного жара», вселяющего в тебя ужас замёрзнуть и зажариться заживо, и ты не будешь понимать одеть ли на себя побольше тёплых вещей или совсем раздеться. Уведёт тебя в мир конвульсий, спазм и боли, и тебе ничего не останется, как желать себе скорейшей смерти.

Часть третья Сломанное крыло

30

235

Джанис планировала оставаться в Бразилии или, по крайней мере, в Южной Америке три месяца. Неожиданно, в начале апреля она появилась дома, и начала всем трещать, как легко соскочить с помощью метадона. Напротив, я к этому времени была уже полностью подсевшая.

— Не потей, Пегги, — то ли из симпатии, то ли из–за беспокойства за моё здоровье, сказала она. — Ты сможешь соскочить в любой момент, если захочешь, как сделала это я.

Она была настолько самоуверена, что не побоялась на пути домой остановиться в Лос–Анжелесе и прикупить на двести долларов отличного самого чистейшего смака у своего человека — лишь для того, чтобы показать всем, что метадон настолько хорошо работает, что ты можешь раз–два, может быть, даже с полдюжину раз подкрепиться без боязни снова подсесть. Всё её карканье про чудо–метадон и про врача, к которому меня собирается послать, сработало обратным эффектом.

«Раз так всё это легко, — подумала я, — почему бы не насладиться отличной новой дозой, немного повременив?»

Счастливее Джанис от этого не стала. Обычные слова закоренелого нарка, который считает себя «чистым», несмотря на то, что один–два раза подкрепляется за прошедшие пять–шесть месяцев. И она же мне даже пробовала угрожать!

— Пегги, я не смогу ничем тебе помочь, если ты будешь продолжать, поняла?

Я только понимающе кивала и стала разрабатывать план, как мне лучше продолжить в тайне от неё.

236

Несмотря на её угрозы и постоянные выражения желания мне убраться, мы оставались очень близки. С апреля по июнь я не часто, как хотелось, виделась с ней, но самое главное заключалось в том, что ей удалось, хотя это и было похоже скорее на какие–то лихорадочные действия, создать для себя новый ансамбль, Full Tilt Boogie Band. По возвращении из Бразилии она окончательно распустила своих Squeeze, и теперь по уши погрузилась в репетиции перед дебютом в Луисвилле. Всю вторую неделю июня только этим и была занята.

Те два или три раза, когда у нас получалось встретиться, при ней был парень по имени Дэвид Нейгауз. Она привезла его из Бразилии, заявив мне, что, по её мнению, она влюбилась. Ума не приложу, с чего она так решила. Долговязый парень с зубами как

у кролика, да ещё постоянно, всё время непрерывно умничает!

«Ладно, — успокоила я себя. — Этот также исчезнет с живописного полотна, как и все остальные».

Джанис всегда искала любви и воображала каждый раз, что уж точно влюбилась. Она просто была из тех людей, которые по сути своей ощущали всё время потребность в любви и любили.

Но прошло несколько дней, и конца этому видно не было, в дополнение, продолжающиеся угрозы со стороны Джанис, что она не выдержит и порвёт со мной, если я не соскочу, превратились в отвратительную невыносимую паранойю. Я начала верить, что Джанис в один прекрасный день меня бросит и всё своё внимание обратит на приятеля бедняги, Бобби Фишера, которого она тоже привезла из Бразилии. Мы все втроём раза два сходили в кино, а однажды с Кимми, и каждый раз я видела Нейгауза, который мне всё больше и больше не нравился.

Забудь о моих головоломных комбинациях, худшее зло начало накрывать меня — жестокая, беспощадная депрессия. Началось это, когда мы все, Нейгауз, Джанис, Линда Грейвнитис и я, отдыхали в Ларкспуре. Ни с того, ни с сего, Джанис, вдруг, буквально за шиворот, потащила меня в свою спальню. Меня всю передёрнуло, когда она вытащила свою верную крышечку от пепси и остальные атрибуты и предложила подкрепиться.

— Я думала ты — чиста, — сказала я.

— Да, так оно и есть. Я ни разу не подкреплялась с приезда из Рио.

— Тогда не начинай снова.

— Ерунда, — сказала она, перевязывая себе руку. — Не читай мне нотаций. Я могу себе позволить разок, без страха снова подсесть.

— Ладно, — сказала я, радуясь хоть чему–то, что мы можем сделать вместе.

Оказалось, что меня так накрыло безрадостным настроением, что вместо того, чтобы счастливо поплыть, я разразилась потоками слёз. Джанис обняла меня.

— Солнышко, что с тобой? — целуя меня в щёку, произнесла она.

— Всем из нас нужно одно, — всхлипывала я. — Любить кого–то, кто сильно любил бы нас. И всё ещё никто из нас, кажется, даже не способен найти такого человека. Никто из нас никогда не сможет найти его.

Совсем позабыв, видимо, свои же слова, «Это Дэвид, и я думаю, что влюбилась в него», когда она нас знакомила, Джанис, поглаживая меня по волосам, нежным, любящим голосом

произнесла:

— У тебя есть я.

— Никого у меня не будет, — потонула я в слезах от жалости к себе.

— Я буду у тебя.

Я подняла заплаканные глаза.

— Я буду у тебя, — повторила она, нежно улыбаясь.

Мы стали целоваться и, срывая друг с друга одежду, я увлекла её за собой на пушистый ковёр.

Джанис взглянула куда–то поверх, сквозь отяжелевшие веки и поплыла по волнам смешавшихся ощущений.

— О, Дэвид, — позвала она. — Дэвид, приди, Приди и поиграй с нами, дружок. Будет даже ещё лучше…

Не произнеси она этих слов, я не вскочила бы, не схватила свою одежду, которую она разбросала по всей комнате, не оделась бы, не выбежала за дверь, не прыгнула в машину и не понеслась бы домой.

*

В тот момент я бы дала десять к одному против продолжения наших с ней отношений, что они радикально переменятся в самом ближайшем будущем. Но шло время, дурные воспоминания загладились, и ожидание разрыва с Джанис медленно сошло на нет. Джанис появилась на ностальгическом концерте–воссоединении со Старшим Братом (к тому времени с ними играл Ник Гравенитис) в Сан–Францисском Филлморе. Исчез с поля зрения Нейгауз. Мы с Джанис по–прежнему виделись и любили друг друга довольно часто. Один сочинитель и исполнитель песен кантри, который быстро приобретал популярность, Крис Кристоферсон, жил у Джанис, но она успокоила меня, сказав, что время от времени помогает ему лишь рукой, так что его присутствие в её доме меня не беспокоило. Но скоро, как только всё, казалось, вошло на свои обычные рельсы и стабилизировалось вокруг нас, произошло нечто, что перевернуло нашу жизнь вверх дном.

Во всём оказалась замешена Кимми. Однажды, ближе к вечеру, в Трезубец, расположенный прямо у воды в Саусалито, приехали вместе Джон Кук и Бобби Нойуирт. Кристоферсон был уже там.

Кук не собирался долго задерживаться. Джанис давала бесплатный концерт в Оукленде, или каком–то местечке неподалёку, для Ангелов Ада, и он должен был забрать её оттуда после окончания. Меня несколько смутило, что он не поехал с ней, но особого значения я этому тогда не придала — я была

занята, присматриваясь к Кристоферсону.

Был там ещё один человек — неряшливая, грязная юная групи по имени Даная, широко известная своей охотой за всеми, кто хоть отдалённо связан с рок–музыкой, и куда только могли занести её, так легко раздвигаемые ноги. И Кук, и Нойуирт время от времени таскали её всюду за собой. Должна сказать, что Кристоферсона она совсем не интересовала. По крайней мере, тогда в Трезубце, когда он присоединился к нам.

Нас с Кристоферсоном разделяли несколько ярдов, но я услышала, как он спросил у Нойуирта, «Кто это?» — имея в виду меня. Нойуирт рассказал.

— Как думаешь, она станет со мой спать? — спросил его Кристоферсон, (и пяти минут не прошло, как они приехали).

— Очень может быть, — ответил Нойуирт, никто из них двоих даже не предполагал, что я, занятая другой беседой, могла слышать каждое их слово.

— Думаю, она согласится, — сказал Нойуирт, — но она — «би». Она любовница той блондинки, Кимми.

Кристоферсон мне нравился, и я не была против такой неожиданной рекомендации, которую предоставил Нойуирт Кристоферсону. В конечном счёте, мы с Кристоферсоном разговорились. Прервав на середине нашу болтовню, он просто сказал:

— Ну что, пошли.

Сказав, окей, я предупредила Кимми, что мы уезжаем.

— Куда вы? — спросила она.

Если бы в её голосе я услышала хоть лёгкое подозрение, я бы убила его прямо на месте.

— Возможно в Стинсон, — сказала я Кимми. — Я возьму Порш, а тебе оставлю Шелби.

Я вбежала наверх, в спальное место, устроенное под крышей, прямо над гостиной и открыла верхний свет, огромное окно в крыше. За мной следом поднялся Кристоферсон, и мы прокувыркались до тех пор, пока он не выдохся окончательно и не заснул. Я спустилась и стала прибираться, помыла пару тарелок, оставшихся с прошлого раза, и собиралась уже отправиться спать, как вдруг перед домом кто–то с треском врезался в ограду.

Это были Кимми, Бобби, Даная и Джон. Видимо, зависнув в Трезубце, они всю ночь пили. И когда они были уже вдрызг пьяны, кто–то предложил отправиться к одному приятелю в Мельничную долину и искупаться там нагишом. Так–быстро–образовавшегося приятеля, парня по имени Донахью, не оказалось дома. И они, проникнув внутрь и открыв бар с

напитками, пили и купались, выливая виски в бассейн и туда же бросая полупустые бутылки. Затем, нахлебавшись вдоволь смесью текилы с хлорированной водой из бассейна и еле стоящие на ногах, почти в бессознательном состоянии прибыли ко мне в Стинсон. Они были так пьяны, что не смогли остановить машину без помощи моей ограды.

240

Я вышла, выключила всё ещё работающий двигатель и, взглянув на бампер, увидела, что машина практически не повреждена. Кимми была чернее тучи. Несомненно, Кук, который после четырёх лет, таков срок наших отношений с Кимми, — всё ещё надеющийся заполучить её, всю дорогу до Стинсона отвратительно к ней приставал. Кук, по–видимому, вбил себе в голову, что Нойуирт с Кимми трахаются, хотя никаких доказательств этому у него не было. У Кимми даже и в мыслях не было кого–нибудь из них трахнуть, в то время она была сыта этим по горло.

Нойуирт с Куком ещё больше уверились в своих догадках, когда Кимми заметила спящего наверху Кристоферсона. Взобравшись по лестнице, она разделась, наклонившись, стянула с него простыню и… присосалась к нему. Как только он открыл глаза, она прыгнула на него так внезапно, что ногой зацепила один из неизолированных проводов, спускающихся с крыши. В какой–то момент мне показалось, что их обоих убьёт током, но к счастью, злополучный провод раскачивался вдалеке от неё. Кончив его трахать, Кимми совершенно голая спустилась по лестнице вниз и вдруг внезапно зашаталась. Совершенно очевидно, что для того состояния, в котором она находилась, слишком активные движения, совершённые ею только что, были явно излишни, потому что её возбуждение передалось желудку и она стремглав кинулась в туалет.

Немного погодя, уверенная, что всё в порядке, я спросила, не видел ли кто, где может быть Кимми. Никто её с тех пор не видел. Все из нас к этому времени были уже совершенно неподвижными кулями, но я услышала слабый, жалобный, доносящийся откуда–то голос, зовущий на помощь.

— Пегги, Пегги. Помоги мне.

241

Я побежала на голос, доносящийся откуда–то из–за открытой двери рядом с туалетом, выходящей на террасу. Видимо, Кимми промахнулась, пересекла террасу и со всего размаха свалилась, проскользнув сквозь ветви вишни, растущей внизу, в колючий кустарник на берегу бухты.

Даже если учесть, что она была пьяна, а двери спальни и

ванной были рядом, невдалеке от выхода на террасу, я не могла представить, как ей удалось так промахнуться. Но теперь это было неважно, теперь нужно было срочно сообразить, как её оттуда достать и вернуть в дом — свалилась–то она сама. Одной ногой застряв в развилке невысокого дерева, она лежала в объятиях колючего кустарника. Всё тело её было в порезах, царапинах и сплошь утыкано иголками. Как выяснилось потом, она порвала на ноге связки и сломала три ребра.

Кук бросился её спасать, спрыгнув прямо в кусты, чуть не сломав себе ногу, и тоже сильно ободрался, пытаясь её высвободить из ловушки. После того, как мы с превеликой осторожностью вынули из Кимми не меньше дюжины иголок, мы отнесли Кимми в дом и обмыли её. В больнице, дежурный врач даже не стал интересоваться, как это такое могло с ней случиться. Да ему это и не требовалось. Пока мы все вместе решали, нужна ли ей срочная медицинская помощь, Нойуирт, Кук, Даная и я дружно подкрепились, а Кристоферсон, который твёрдо был против всякого рода наркотиков, стоял рядом, с недоверием покачивая головой. Когда мы доставили её в приёмный покой, у врачей не возникло даже вопроса, как нам всем, чёрт побери, удалось добраться до них в целости и сохранности.

Но Кимми оказалась не единственной жертвой той ночи. Наутро позвонила мне Джанис. Она рвала и метала.

— Где вас черти носят, мать вашу? — кричала она в трубку. — Где этот чёртов ублюдок, Кук? Он с Нойуртом и Кристоферсоном обещали забрать меня после этого благотворительного концерта!

— Они были со мной и Кимми, — сказала я, чувствуя, что это только начало. — И с Данаей.

— Ага, вот где, — сказала она. — А Крис, с кем он был?

Последовала пауза.

— Со мной, — сказала я.

— Ты с ним трахалась?

— … да.

Я поняла по тому, как её голос понизился с крика до почти шёпота, что Кристоферсон не был только гостем в её доме.

— Отлично, великолепно, — тихо произнесла она, но совершенно ясно, что мои слова её глубоко ранили.

— И Кимми тоже его трахнула, — сглупила я ещё больше.

— Прекрасно, замечательно, — сквозь зубы произнесла она, но тут в её голосе я услышала яростные нотки.

— Ладно, я тоже трахалась всю ночь, — уже зло сказала она. — И ты знаешь с кем?

Я ждала.

— С Ангелом Ада, — сказала она.

Я продолжала молчать.

— И ты знаешь, как?

И не дав мне ответить, продолжила:

— Меня трахнули бутылкой виски, разбив её о мою голову, мать твою! — выпалила, и бросила трубку.

31

243

Как потом оказалось, время от времени они спали вместе, и в ней начало расти настоящее к нему чувство. Думаю, впервые она влюбилась по–настоящему. Кристоферсон, должно быть, чувствовал это и, по своей природе будучи перекати–поле, решил покончить с этим, пока ещё всё не зашло слишком далеко. И первым проявлением его намерения, очевидно, стала я. Возможно, он знал, кто я, и, переспав со мной, когда мы все встретились в Трезубце, он ожидал действенного эффекта.

Но ни Джанис, ни тем более я, в тот момент не догадывались или не понимали ни его намерений, ни его целей. Даже, если на миг предположить, что она догадывалась, то его поступок не мог не вызвать в ней не меньший на меня гнев. Поэтому меня удивил её ночной звонок из Луисвилля, 13 июня, думаю, сразу после её дебюта там с Full Tilt Boogie Band. Она была пьяна, в Луисвилле четыре или пять часов утра — так, обычный трёп, болтовня, смешки и приглушённые перешёптывания — сто против одного, что она не одна.

— Я попала, — загадочно хихикнула она в трубку.

— Что ты хочешь этим сказать?

244

— Ну, я сняла эту цыпочку, видишь ли, и притащила её с собой в гостиницу. Но только мы вошли в номер, передумала. Я не хочу её, понимаешь? И я не знаю, что мне теперь с ней делать. Пегги, помоги, как мне поступить, чёрт возьми? Как мне избавиться от неё, мать её?

— Пошли её за чем–нибудь и не открывай дверь, когда вернётся, — посоветовала я.

— Господи, как просто, Пегги, мне бы и в голову не пришло.

Затем добавила, из–за чего она, собственно, и звонила мне:

— Слушай, я тебе звоню вот почему… я собираюсь в Нью–Йорк, на носу новые гастроли.

— М-м, хорошо, — сказала я, не предполагая даже, что могло последовать за этим.

— Почему бы… почему бы тебе не отложить свой смак и не приехать, и не побыть со мной несколько дней?

Я нашла её в Пятой авеню, гостинице, расположенной недалеко от Вашингтон—Сквер—Парка в Гринвич—Виллидже, где она решила остановиться, изменив своей привычной Челси. Проходя по вестибюлю, я заметила двух её нью–йоркских дружков. Ясно, что они там просто убивали время, и мне стало

интересно, что же там происходит у неё на самом деле. Всё оказалось довольно примитивно, выяснила я это, как только позвонила ей из своего номера. Она трахалась со вторым из тех четырёх, кто позвонили ей в этот день, Брайсом, бывшим мужем старшей сестры Джоан Баез, Полины. Она уже успела затрахать одного, а те двое в вестибюле просто ждали своей очереди.

Если бы это были курицы, я с удовольствием вышвырнула бы их вон. А так, я только презрительно сморщила нос.

— Смотрю, они у тебя даже в очередь выстроились. Думаешь, тебя останется на меня?

— Конечно, — сказала она, не замечая моей насмешки. — Заходи, солнышко. Мы одного из них обязательно трахнем вместе.

— Нет, спасибо, позвони, когда кончишь с ним.

Наконец Брайс ушёл.

Она выходила из душа, когда я вошла к ней в номер. Ещё вся мокрая, она схватила только что купленный ею новенький Хаммингбёрд стоимостью в тысячу долларов.

— Я только что разучила новую песню, написанную для меня Кристоферсоном. Вот, послушай.

Она села на краешек кровати и запела Me and Bobby McGee. Джанис никогда не переставала меня удивлять. Секунду назад она с кем–то кувыркалась, но ни он, ни его ласки не занимали её больше и были не ближе, чем поход к врачу. И вот она сидит передо мной, отрешённая, вкладывая всю свою душу и увлечённо притоптывая себе в такт ногой.

— Тебе понравилось? Правда, она великолепна? Думаю, включить её в мою следующую пластинку. А сейчас, дай, я спою ещё одну, тоже написанную Крисом.

И вся ушла в Sunday Morning Coming Down.

Когда она кончила петь, то хотела ещё мне что–то сказать, но зазвонил телефон. Звонил один из тех парней, ожидающих внизу в вестибюле.

Снова я зашла к ней спустя несколько часов, и снова она с кем–то разговаривала по телефону. На этот раз с Кристоферсоном, который позвонил ей из Мемфиса, где был с концертом. Повесив трубку, она повернулась ко мне, но взглядом была где–то совсем далеко. И ни нотки злости не было в её голосе, когда она заговорила.

— Разве те не знала, что я влюблена в него, а?

— Нет, — ответила я. — Не знала.

— Да, думаю, я влюблена. Он такой хороший.

— Да, — подтвердила я. — Правда, хороший.

— Боже праведный, — вздохнула она. — Ты тоже его любишь, я права?

— Думаю, ты права, — теперь вздохнула я.

— Ты спала с ним после той ночи?

— Нет.

— И я нет.

Она подняла обе руки и, запустив их себе в волосы, начала раскачиваться из стороны в сторону.

— Почему так всегда, мать твою, происходит со мной? Почему он снимает мою самую лучшую подругу? А ты, — сказала она, снова поворачиваясь ко мне, — ты из всех мужчин на всём белом свете влюбляешься именно в того, в кого влюбляюсь я, почему?

246

Она загрустила, как всегда настроение у неё менялось быстро, возможно она передумала, а возможно и Кристоферсон сказал ей что–нибудь. Я собиралась до сумерек добраться до аэропорта, но раз всё так повернулось, то решила остаться с ней дня на четыре, на пять. Почти всё это время мы с ней провели в постели, но что–то нам стало мешать. Она даже раз спросила меня, а не разлюблю ли я его.

— Слушай, — нежно произнесла я, прижимаясь к ней и стараясь, как можно мягче выговаривать слова. — Если я люблю его, я люблю его. И я не собираюсь терять его, так же как и ты.

*

То был последний раз, как мы с ней провели вместе до самых последних дней сентября. Она почти перестала звонить и заходить навестить меня в моём магазине, когда бывала в городе. По её словам, у неё не хватало времени, принимая вихрь событий, завертевшийся вокруг неё, за что–то значительной — или, по крайней мере, заставляя себя верить, что всё что с ней происходит, делает её счастливее. Безусловно, конечно, она наслаждалась своей славой и тем, что проводила время со знаменитыми людьми.

Она начала встречаться с Майклом Пиллардом, который всё ещё нёс свой крест, продвигая свой спектакль, Бонни и Клайд. Помимо Тома Джонса, среди многих других не последнюю роль играл и Гленн Кемпбелл, и хотя по её мнению он был безнадёжен, но, тем не менее, его имя часто звучало у неё на устах, и я думаю, она тоже считала его важной фигурой. Её известность начала стучаться и в кабинет Алберта Гроссмана, через него она часто стала получать официальные приглашения на приёмы. Однажды позвонила Миа Ферроу и пригласила её к себе на обед. Справедливо ли, или нет, но Джанис восприняла это как уловку.

— Я её не хочу, я не буду с ней трахаться, — смеясь, сказала мне Джанис. — Она слишком тощая для меня.

247

Как мне потом рассказала Джанис, сразу после тех июньских четырёх–пяти дней, проведённых со мной в Нью–Йорке, она затусовалась с Джо Наматом. Ещё выступила на шоу Дика Каветта. Помимо Джанис на шоу были приглашены, из всех известных мне, Чет Хантли, в скором будущем у которого стала своя программа теленовостей, и Реквел Уелч. Перед записью программы для всех участников был устроен фуршет, где они могли познакомиться и обсудить возможные детали. На фуршете она решила, что не может находиться в одной программе ни с ним, ни с ней.

— Эта нарисованная кукла, Реквел Уелч, была совершенно не к месту, — пояснила она мне, имея в виду контраст между ними обеими.

Но Джанис ещё больше возмутила не столько её предсказуемость, сколько вызвала отвращение её наигранность. И на фуршете, и на шоу Реквел пустилась в псевдо–интеллектуальные рассуждения, по поводу премьеры фильма с её участием, Майра Брекенридж, который, конечно же, как только с него спадёт лоск первых дней ажиотажа, займёт себе достойное место на свалке. Эта поза плюс набор набивших всем оскомину психологических и философских постулатов, вложенных в уста Реквел, полностью вывели из себя Джанис.

— Ты только представь, — с возмущением говорила мне Джанис, — эти искусственные сиськи, этот фальшивый нос, эти накладные ресницы. Мне говорили, что и её зубы, и её задница, и даже её икры на ногах — искусственные!

А Хантли? Спросишь ты. Он возмутил Джанис только потому, что даже не обратил на неё внимания.

— Ты бы видела этого сукина сына. Он пустил такие слюни вокруг Реквел, что ты бы подумала, что она готова поехать с ним хоть на край света в каждое воскресенье.

Но ни Хантли, ни Реквел не остались единственными, в кого выпустила свои стрелы Джанис в своём рассказе.

— Ни за что не угадаешь! После эфира я трахнула Карветта. Представляешь? — расхохоталась она.

Я окончательно перестала всё понимать, когда же она могла всё успеть?

— Тебе никогда не угадать! — повторила она. — У Карветта больше копьё и он управляется с ним ловчее, чем Намат. Несчастный, бедный, старый бродвейский Джо, — почти крича, заходясь от хохота, сообщила она мне. — Он едва смог его

поднять.

248

Я не отважилась спрашивать её, что она намеревается с этим делать дальше.

*

С того дня началось худшее лето в моей жизни. Джанис заходила ко мне ещё пару раз, затем совсем пропала из виду. Занята, как оказалось, совсем другим. Звонила несколько раз, но неизменно лишь после того, как видела Кристоферсона то с Барброй Стрейзанд, то с Самантой Эггар, ведь карьера его теперь шла в гору, но все наши с ней разговоры сводились к моему увлечению героином. Ей по–прежнему не давала покоя моя позиция к Кристоферсону, хотя обе мы были в этом смысле давно уже за бортом, и использовать моё отношение к нему, как извинение своего отстранения и холодного ко мне отношения она уже не могла.

— Я всё ещё «чиста», — позвонила она мне однажды днём, чтобы сообщить это. — Но я знаю, что не смогу устоять, если кто–нибудь рядом будет торчать на этом дерьме.

А последний звонок вообще оказался коротким.

— Слушай, чёрт побери. Я даже не хочу говорить с тобой больше, если ты не соскочишь с этого дерьма! — выпалила она и повесила трубку.

Я ничего о ней не слышала с тех пор, пока как–то в сентябре мы неожиданно не столкнулись с ней в Лос–Анжелесе. Все эти долгие дни мысли о Джанис отдавались мне болью в самое сердце. К тому времени даже с Кимми я чувствовал себя лучше. После Вудстока я решилась оставить Кимми ради Джанис, и так как я никогда не заговаривала с ней об этом, то, как я думаю, по моему настроению, отношению и поступкам она почувствовала это сама. Продолжая жить у меня и ездить на машине, которую я ей подарила, Кимми стала понемногу отдаляться от меня, увлекаясь другими цыпочками. Пьяные побои продолжались, становясь всё жёсче и бесцеремоннее, и как следствие, чаще. Свободного времени у меня стало больше, так как моё дело процветало, требовало всё меньше внимания с моей стороны и приносило мне невероятные деньги, которые я тратила, по крайней мере, по две сотни в день. Такой поток стал понемногу истощать мой бизнес, точно также как героин истощал меня.

249

Я не замедлила воспользоваться встречей — что делает, с кем виделась, — уж это я отлично умею. Нехватка прямого контакта сделала невозможным узнать, какова её была жизнь без меня, конечно, за исключением ярких событий, которые были у всех на

виду.

В середине августа, после того, как оставив в близком к безумию состоянии сорокатысячную толпу на Гарвардском стадионе, она со своей группой Full Tilt Boogie Band отправилась в Лос–Анжелес — начинались репетиции перед записью её следующей пластинки, Pearl. В сентябре, по той или иной причине, или, возможно, чтобы утереть нос клеветникам и старым её мучителям своей славой и успехом, она вылетела в Порт—Артур на десятую юбилейную встречу выпускников. В перьях, в сандалиях, с накрашенными ногтями на пальцах ног жрица всех хиппи уж точно не подходила общепринятому в Техасе виду. Но из того, что я слышала, она насладилась собой вдоволь, играя роль леди Супер—Известность и поглощая галлонами водку. Что уж точно, так это то, что она таки смогла там произвести впечатление.

По сути на вершине мира. Так высоко и так далеко от того положения, в котором я тогда находилась, что я и мечтать не могла снова лечь с ней рядом в постель. Но мы это проделали, конечно же, только немого позже, в тот же месяц. И хотя возможность делить её с Сетом Морганом несколько меня задевала, я продолжала надеяться, что он, как и все остальные, исчезнет в недалёком будущем с горизонта, нужно всего лишь немного подождать, и… впервые с июня затеплилась в моём сердце надежда — я была почти счастлива.

32

250

Почти три недели прошли с того дня, как я снова увиделась с Джанис. Первое октября. Действие мощнейшей дозы, которой мы с Дебби подкрепились накануне вечером, нагрузило меня так, как если бы я была придавлена невидимым корабельным якорем, и, с трудом приподнявшись на локтях, я приоткрыла глаза и запаниковала, совершенно не понимая, где нахожусь. Передо мной возникли смутные ужасающе неприятные очертания номера в Шато—Мармон в псевдо–тюдоровском стиле. Я повернулась и увидела рядом с собой Дебби, неуклюже распластавшуюся на постели. Дыхание её было ровно, она спала, и мыслями я вернулась к Джанис. Пять дней я провела в Лос–Анжелесе. Ночи с Джанис, были прекрасны и многообещающие. Но вопреки ним и боли, сквозь которую я прошла тем летом, я провела сто двадцать часов с Дебби, которую встретила в Вакханках-70 в выходные двенадцатого и тринадцатого сентября там же, в Лос–Анжелесе, во время сорвавшейся операции с травой и недолгой встречи с Джанис.

Не знаю, виновато ли состояние, в котором я была, или моё отражение в зеркале ванной комнаты, но я вдруг испытала сильнейший прилив вины. Джанис продержалась «чистой» почти шесть месяцев до того как встретила меня в один из первых уикендов сентября. Но не пытайся оправдывать меня, это моя вина, что она снова подсела на иглу…

*

251

Ничего не замечая на своём пути, Джанис катилась по вестибюлю Лендмарка, когда врезалась в Джорджа, нашего поставщика.

— Что, чёрт возьми, ты здесь делаешь? — спросила она. С марта она ничего у него не покупала.

— А ты как думаешь, твою мать, что я здесь делаю? — улыбаясь, спросил он.

— Ну, могу представить… Нет, не думаю…

— Я принёс немного дерьма для Пегги.

— Пегги? — переспросила она. — Пегги здесь, в Лос–Анжелесе?

— Да, — сказал Джордж. — А ты не знала?

— Нет, где она?

— Наверху, в одном из номеров.

— Чёрт, боже ты мой, — воскликнула Джанис. — Она всё ещё

сидит на этом дерьме, так?

— Да, — подтвердил Джордж. — Но не так сильно как ты, девочка. Ладно, увидимся.

Джордж уже поднялся ко мне, передавая мне смак, как позвонила с лобби Джанис.

— Ты, мать твою! Ты, сладко–ногая факерша! Почему не позвонить мне, раз ты в Лос–Анжелесе? Почему не спуститься ко мне в номер и не сказать привет?

— Ну, — начала я. — Я не знала, что ты здесь. У меня всё кончилось, вот я и здесь, к тому же я не думала, что тебе захочется уколоться, ведь ты…

— Ого, а увидеться? Я хочу немедленно тебя видеть у себя, — с минуту помолчав, добавила:

— Чёрт, боже праведный, Столько времени утекло с тех пор… почему бы нам не увидеться, и тебе не приласкать меня?

— Джанис, ты же соскочила.

— Что это меняет, мать твою?

— Хорошо, я сейчас буду у тебя.

— Так–то лучше, моя маленькая шлюшка, — сказала она, — сделаешь своё дело, и я жду тебя.

— Слушай, — ответила я, — не делай из этого проблему, я просто не хочу, чтобы ты снова не сорвалась. Я не хочу потом чувствовать себя виноватой. Это слишком для меня большая ответственность.

— Ерунда, не бери в голову, — и повесила трубку, я и слова сказать не успела, уверяя меня, что моё появление не приведёт ни к каким последствиям.

— А я завязла в этом дерьме по уши, — сказала я, входя к ней в номер.

— Чушь, — сказала она, с важным видом удаляясь в ванную, держа в руках всё, что я захватила с собой. — Если я сделаю это разок и не смогу остановиться, тогда и…

Ну, конечно же, всё так и произошло, она не смогла остановиться, после того, как подкрепилась в тот день. Из осторожности она прикупила у Джорджа только на пятьдесят долларов, но, не смотря на все уловки, она ушла в это с головой. Я думала, что нам с Джанис следует расстаться. Вторая вещь, которая мучит меня, что я вернулась тогда в постель под бочок к Дебби. Эх, мне бы остаться тогда с Джанис. О, мой Бог, что я делаю здесь после её смерти, мне бы провести с ней рядом всё то злосчастное лето. Сет по делам улетел в Сан–Франциско. Конечно, он собирался вернуться уже на следующий день к вечеру, чтобы разыграть с нами а–ля–труа. Но как всегда, Джанис

осталась одна — крест, который она несла и в свой последний вечер, не Дебби — она. Одинокая, как всегда.

Рядом со мной пошевелилась Дебби. Простынка соскользнула, открыв моему взору её грудь.

«Господи, — подумала я. — Как она красива. Какое у неё соблазнительное тело».

Нагнулась и разбудила её поцелуем.

— Завтракать будем?

Она потянулась, и мне захотелось её снова поцеловать.

— Мммммммм, — произнесла она, обвивая меня руками. — Сначала бы я хотела немного любви.

253

Чуть позже я пробовала ей позвонить, но она уже ушла на студию. Вдруг, я решила проверить, как там идут мои дела, и сорвалась в Сан–Франциско (с Дебби, конечно же). Меня встретила возмущённая Кимми, но мне каким–то образом удалось её успокоить и мы с Дебби поехали в Трезубец поужинать. Мы уже почти кончили есть, когда краешком глаза я заметила Сета Моргана, он ужинал здесь с референтом Джанис, девушкой по имени Линдал.

Подошли поздороваться. Было очевидно, что они оба уже здорово успели надраться.

— Вы же собирались повеселиться завтра вечером, не так ли? — глупо улыбаясь, проговорил он.

— Да, — сказала я. — А ты?

— Так точно. Сегодня же вечером лечу в Лос–Анжелес.

Мы с Дебби улетели полночным рейсом. Я поискала глазами Сета, но его нигде не было. В Голливуде мы уже были в начале второго. Совершенно уверенная, что Сет уже у Джанис и, не желая им мешать, мы с Дебби направились прямо к Вакханкам-70. Мы опоздали на три четверти часа, клуб был закрыт, поэтому нам ничего не оставалось делать, как вернуться в Шато—Мармон и немного подкрепиться, перед тем как лечь спать.

В пятницу, второго числа, мы проснулись в полдень. На завтраке в Старом Свете мы встретили двух Деббиных подружек–лесби, и прямо оттуда все вместе решили съездить за джинсами в местечко, под названием Хед—Ист на Сансет–стрип. Затем снова подкрепившись и, придя в дьявольски–игривое настроение, мы спустились с Холмов, чтобы поснимать каких–нибудь юных цыпочек. Но когда ничего из нашей затеи не вышло, вернулись к Вакханкам-70. Поужинав там, я решила оставить Дебби на попечении её двух подружек, а самой поехать искать Джанис. Но тут Дебби разревелась, начала хныкать, и успокоилась только тогда, когда я поклялась, что как только найду Джанис, то

обязательно ей позвоню. Но нигде так и найдя её, я заехала за Дебби, но клуб уже закрывали, и опять нам ничего не оставалось делать, как вернуться в Шато—Мармон, где трое из нас занялись процессом, а четвёртая от страха описалась; вот так–то.

254

В субботу я проснулась около часу дня от мысли, что вчера, после того как мы вернулись в гостиницу, истратили последний запас смака. Я позвонила Джорджу и заказала на пять сотен. Ты спросишь, зачем так много? Ради меньшего он не приедет так быстро, как хотелось бы. Через час, а, может быть, чуть дольше, его Эльдорадо остановилось у главного входа. Он задержался лишь чуть–чуть, по дороге заехав к Джанис в Лендмарк, отдать ей — на полтинник.

— Сет у неё? — спросила я.

— Нет, она была одна, — ответил Джордж.

Я подумала, что Сет, может быть, выскочил за сигаретами или ещё кое–зачем.

— Чёрт, бог ты мой, — вздохнула я. — Как бы я хотела, чтобы она снова не начала.

— Ха, — рассмеялся Джордж. — Ты единственная, кто может подсадить её снова.

— Замолчи, — сказала я. — Я пыталась предостеречь её. И я не знала, что она продолжает колоться.

— Ладно, моя девочка, — успокаивающе произнёс Джордж. — Ты не хуже моего знаешь, раз уколовшись, человек не может остановиться.

— Да, — вздохнула я. — Но думаю, она достаточно сильна сама. В начале года был у неё один срыв, но потом же она держалась. Знаешь, хочу сказать тебе, чтобы ты не продал ей больше ни граммулечки.

— Ха, то же самое она сказала мне про тебя, — улыбаясь, произнёс Джордж. — Слушай, а почему бы вам вместе не собраться и не соскочить, а?

— Не знаю, — снова вздохнула я. — Не знаю…

— Эта девчонка, похоже, сильно тебя любит, — сказал Джордж. — Ты сама–то догадываешься?

— Да, я знаю.

— Пока я у неё был, она только о тебе и говорила. Сказала, что прождала тебя весь вчерашний вечер, а ты так и не объявилась и даже не позвонила. Знаешь, что она мне сказала?

— Что?

— Сказала, «Хотя она и бывает сильно нагружена, но сердцем она всё равно со мной».

— Да, — произнесла я, чувствуя, что теряю сознание. — Так

оно и есть.

255

— Ты знакома с её парнем, Сетом? — спросил Джордж. Он не сказал, что Сет был там накануне, но в том как он задал вопрос, я почувствовала, что его он там видел.

— Да, знакома.

— Что о нём скажешь?

— Э-эх, — произнесла я и добавила, так как по выражению лица Джорджа было видно, что его очень интересует моё мнение. — Я его недостаточно хорошо знаю, чтобы что–нибудь сказать.

— Ага, — сказал Джордж.

Он не стал продолжать допытываться про Сета, по крайней мере, тогда, но мне стало совершенно ясно, что он почувствовал то же, что и я.

Я позвонила в Лендмарк уже после того, как мы с Дебби и одной из её подружек подкрепились немного из новой партии, купленной у Джорджа. Джанис не было. Возможно, вышла перекусить, перед тем как пойти на студию.

— Думаешь, она захочет пойти с нами, если ты её найдёшь? — спросила одна из подружек Дебби, всё ещё не веря, что мы с Джанис подруги. — Она действительно пойдёт с нами?

— Если у неё нет других дел, или в перерыве между записью, — ответила я. — Почему нет, конечно пойдёт.

— Пожалуйста, Пегги, очень прошу, — запищала девушка, которая отказалась подкрепляться. — Пожалуйста, пригласи её.

Я звонила Джанис и в десять, и в одиннадцать, но уже из Вакханок-70. Ничего. Потом уже ночью (наступило воскресенье, четвёртого), по–моему, не было ещё часа, затем ещё несколько раз, так что ночной портье уже начал негодовать.

«Джанис вышла за сигаретами, попросила разменять пятёрку, незадолго до этого», — вот и всё, что я смогла из него вытрясти.

В номер меня он не впустил.

— Почему нельзя, мать вашу? — теперь моя очередь была негодовать.

— Очень сожалею, — сказал он. — Но у нас строжайшая инструкция никого не пускать к мисс Джанис после полуночи.

— Вы явно здесь новенький, — сказала я. — Есть, по крайней мере, четверо, кто может вызвать её в любое время.

256

— Мы не делаем исключений из правил, — холодно произнёс он.

— Послушайте, и Джон Кук, и Сет Морган, и я, мы все можем…

— Я не могу позволить вам, мисс, их нарушить.

«А пошёл ты, ублюдок, мать твою, — выругалась про себя я. — Навестить её я смогу и завтра утром. А таких как ты, чёртовых прихвостеней, она быстро ставит на место…»

И мы, вчетвером, опустошив по пути бар, вернулись в Мармон. Около трёх ночи мы ещё раз подкрепились, проболтали до восхода солнца, затем снова подкрепились — на этот раз выбрав себе побольше дозу, — и отключились. Звонок телефона разбудил меня уже воскресным вечером в девять часов. Это был Сет, звонил он из Лендмарка.

— Минутку, — ещё вся расслабленная ответила я. — Я ещё сплю. Подожди. Так. Говори, я слушаю.

Из меня вырвался нечеловеческий вопль, пронзительный настолько, что испуганных до смерти девочек буквально выбросило с постелей; вопль рождался где–то в глубине моих лёгких, сотрясая тело, слёзы потекли рекой, я кружилась, путаясь в телефонном проводе, как дервиш, а свободной рукой рвала на себе волосы, как сошедшая с ума женщина.

33

257

— Кто это, — спросила Дебби, забирая у меня трубку. — Что случилось? Я не могу ничего добиться от Пегги. Она вопит, не переставая.

— Джанис мертва, — сказал ей Сет.

Дебби положила трубку на стол.

— Возьми себя руки, — услышала я её крик, обняла меня, стала бить по щекам. Когда я чуть успокоилась, протянула мне трубку.

— Пожалуйста, приезжай, — просил Сет. — Я не могу здесь оставаться. Какое–то сумасшествие.

— Скажи, что это неправда. Скажи, что пошутил.

— Нет, это так.

— Ты лжёшь, — сказала я.

— Господи, Пегги. О таких вещах не шутят. Приезжай, Пегги, пожалуйста.

Я оставила Дебби с её двумя подружками, их всё равно не пустят в Лендмарк, и поехала по Сансет. Меня трясло, ноги не слушались, мои спазмы передались педали газа. Машина ползла медленно, и её дёргало так часто, что другие водители кричали на меня, проезжая мимо. Мне же казалось, что машина неслась, танцуя шимми, на самом деле ползла, делая не более тридцати пяти. Шимми было во мне, зубы стучали, волны проносились через всё моё тело. Я так вцепилась в рулевое колесо, что побелели пальцы.

258

Сет ждал меня снаружи. В номер Джанис, находящийся на том же этаже, что и лобби, никого не впускали. И мы поднялись в номер одного из музыкантов, где все уже собрались; помимо полного состава группы — Бобби Нойуирт, Джон Кук, какая–то незнакомая мне девица и Пол Ротшильд, новый продюсер Джанис с компании Коламбия.

— Ну, теперь ты довольна? — сверкнув глазами, тихо произнёс Кук.

Что я могла ему ответить.

«Господи, — подумала я. — После всего, он ещё по–прежнему хочет меня убить, как тебе это? Из–за Кимми!»

— Вы, должно быть, Пегги? — обратился ко мне Ротшильд, обняв по–отечески. Все стояли, и никто не решался нарушить горестного молчания. А я вдруг услышала насмешливый голос Джанис:

«Они все глупы. Я так не шучу. Передозировка? Нелепость. Думаешь, я собиралась потерять всё, к чему стремилась, убив себя раз уколовшись?»

Внизу, пара трогательных, заплаканных девчушек, каким–то образом узнавших о случившемся, устроили дежурство у двери её номера в вестибюле гостиницы, а несколько полицейских и коронер заперлись вместе с Джанис, пытаясь по мелочам понять, что же произошло на самом деле.

*

Как выяснилось, Сет прилетел в Лос–Анжелес в воскресенье не ранее самого начала вечера. До этого его в городе не было, но я так никогда и не смогла прояснить для себя, пьянствовал ли он, или был с референтом Джанис, или они пили вместе с пятницы. Единственное что я добилась от них, это то, что он позвонил Куку на Коламбию между пятью и семью часами вечера воскресенья, чтобы сказать, что никак не может связаться с Джанис. Когда Сет звонил, Кук сам как раз собирался ехать в Лендмарк искать её. И пока Кук добирался до мотеля, Сет вылетел ближайшим рейсом из Сан–Франциско. Пара роуди Джанис встретили его в аэропорту Бёрбанк.

259

Тем временем Кук нашёл Джанис. На её руках россыпью красных точек виднелись следы от недавних уколов. Мы с Сетом оставались с ней всё время, но не видели её со среды, видно, смак заменил ей нашу компанию.

Она подкрепилась после полуночи в ночь на воскресенье, незадолго до того как пошла разменивать пятёрку. И, купив пачку сигарет, вернулась к себе в номер. Несомненно, почти кварта текилы и, по крайней мере, две таблетки валиума, попав в её организм, встретились с героином, влившимся в её кровь. Если бы была передозировка, как сообщали все газеты и официальные источники, я очень сомневаюсь, что она смогла бы даже выйти из номера за сигаретами — обычно те, кто курят, испытывают неодолимую тягу закурить после укола. Если бы ты ошиблась в дозировке, даже на ненамного, то немедленно откинула бы копыта. И в этом случае, у неё бы не нашли зажатыми в её маленькой пухлой ладошке четыре с половиной доллара. И, более того, после того как она вернулась от портье в свой номер, она не могла подкрепиться снова, это очевидно: для этого ей понадобились бы обе руки.

На ней было оранжевое, до пят бархатное платье и неизменные, любимые ею дешёвые сандалии, и множество ниток искусственных драгоценностей, закрыв за собой дверь и на ходу снимая трусики, направлялась она к своей узкой, односпальной

кровати. И, наклонившись чтобы положить сдачу на ночной столик, она, должно быть, испытала удар силы паровоза от взаимодействия алкоголя, успокаивающего и героина. Упала лицом прямо на угол прикроватного столика светлого дерева. Сломала нос. Обливаясь кровью, хлынувшей из раны, потеряла сознание и застряла между ночным столиком и кроватью, где тело её и заклинило. Скорее всего, я в ту самую минуту и звонила этому топороруkому ночному портье и, может быть, ещё была возможность, если бы он попытался — а этого ему очень недоставало, — выполнить свои обязанности и сходить позвать её.

34

260

Так я дрейфовала среди мыслей о Джанис, пока Кук с Ротшильдом проверяли звонки, сделанные из её номера в Лендмарке.

— Пошли, — услышала я голос Сета.

— Куда, — ватным голосом произнесла я.

С минуту он рассматривал меня.

— Ты останешься сегодня со мной, или я сойду с ума.

— Сет, кончай. Я не только не хочу, я не могу. Я с…

Но тут меня словно прихватило, я зашаталась, стала руками хватать воздух, прислонилась к стене и собрала всю свою волю.

— Я с Дебби, — сказала я.

— Ты собираешься променять меня, ради какой–то цыпочки?

Я не верила своим ушам.

— Что ты хочешь мне сказать? Что я могу…

— …что можешь спать со мной. Ты мне нужна.

— Сет, что ты говоришь? Её тело даже ещё не остыло.

— Я чувствую себя разбитым, — сказал он.

— От чего? — спросила я. — От чувства вины?

Я ненадолго вернулась в Шато—Мармон, приняв до этого приглашение двух музыкантов из Full Tilt Boogie выпить этим вечером с ними. Вернулась я в Лендмарк уже с Дебби. Приехал Кристоферсон. Он был на фолк–фестивале Hot Springs в Биг—Суре и первым же самолётом вылетел из Монтерея.

261

— Пегги, господи, — подходя ко мне и обнимая, произнёс он. — Что со всеми нами? Что мы сделали? Как мы могли допустить?

Слёзы навернулись у него на глазах, я еле сдержалась, чтобы не обнять его, не увести его куда–нибудь, где бы мы могли с ним заняться любовью.

Сет так и не отстал от меня, зудя, чтобы я летела на следующий день с ним в Нью–Йорк, к его родителям. Я отшила его, даже тогда, когда он согласился взять Дебби, и отправилась к Вакханкам-70, где меня уже ждали те двое из Full Tilt Boogie. Поехать туда оказалось большой ошибкой. Они сильно напились и попытались снять двух лесби. Неужели они на самом деле думали, что у них что–то изменится в жизни, если вместе трахнут пару шпор. В конце концов, Сет отстал от меня и перекинулся на её поставщика.

— Вот ублюдок, — начал Сет. — Я найду его. Я убью этого сукина сына.

— Тебе лучше быть с ним осторожнее, — сказала я.

— Это он убил её.

— Разве?

— А кто ещё?

— Ну положим, он продал ей это дерьмо, которое убило её, — сказала я. — Но есть тысяча способов проверить это.

— Я кину этого ублюдка. Я собираюсь продать ему завтра вечером небольшую партию кокаина долларов на две тысячи. А подсуну ему фуфло.

— Э-э, поберегись, Сет, у него пистолет. По крайней мере, в машине точно есть.

— Не у него одного есть оружие. Знаешь, я хочу, чтобы ты пошла вместе со мной.

— Я не хочу в это влипать, — ответила я. — Тем более, если ты намереваешься кинуть этого человека. Это будет…

— Я хочу не только кинуть его, я хочу его убить.

— Не впутывай меня, — по–прежнему твердила я, помня, что мне нужно ещё отвезти Дебби домой и вернуться за Сетом и теми двумя парнями.

Но я так и не заехала за ними. Я кое–что вспомнила, пока Сет говорил о Джордже. Номер телефона нашего поставщика был записан и у неё, и у меня, в наших гостиничных книгах звонков. И пока было ещё не поздно, пока копы ещё не начали задавать вопросы, нужно было что–то срочно предпринять, чтобы этот день не стал ещё хуже, чем уже был.

Мы с Дебби выписались из гостиницы и поехали к одной из знакомых ей девиц–лесби к ней домой на самый восточный конец бульвара Сансет, неподалеку от больницы Горы Синая. До рассвета проговорили о смерти Джанис. Ненадолго вылезли из своего убежища позавтракать в Голодном Тигре в компании близких друзей Джанис и её лос–анжелесских товарищей и, вернувшись в дом нашей подруги, проспали весь день. Накануне я твёрдо решила со смака соскочить. Я боялась умереть.

«Если он убил Джанис, такое же могло случиться и со мной. Её организм был сильнее моего, и выдерживал гораздо большие нагрузки. В любой момент это могло произойти. Если она сломалась, то я и подавно, а ставки, — убеждала я себя, — были слишком высоки».

Проснулась я в конце дня, был понедельник 5 октября 1970 года, проснулась от жгучего желания подкрепиться.

В шесть мы с Дебби обедали уже в другой ресторан на Стрипе, у Сирано. Оттуда я и позвонила Джорджу.

— Думаю, ты уже видел заголовки газет, — сказала я.

— Да. Просто не могу в это поверить. Не знаю, что и сказать. Ума ни приложу, зачем она это сделала, — сказал он, уверенный, что Джанис умерла от передозировки.

— Слушай, — сказал он. — Сегодня вечером со мной хотел встретиться Сет. Не знаешь, что он хочет мне толкнуть?

— Ничего не знаю об этом, — ответила я.

263

Они встретились у Барни, но уже ближе к ночи, и сразу после этого Джордж, вдруг, собрался и на две недели куда–то уехал из города. Но почему Сет с такой злорадной усмешкой воспринял это известие, я узнала только много позднее — он, как оказалось, заранее смешал кокаин с пудрой в пропорции один к одному, чтобы нагреть Джорджа на тысячу долларов.

А я, к тому времени как они встретились, успела проваляться на полу в доме приютившей нас её подруги–лесби, выгнувшись наподобие смятой проволоки раздираемая судорогами, как потом рассказали, в полной отключке.

35

264

Джанис, всё уже позади, лучшие годы моей жизни, всё, что у нас было с тобой. Уже никогда у тебя не будет возможности, какие бы чувства не возникли у меня к нему, найти счастье, ведь ты определённо нашла бы его с Сетом. Ты никогда не услышишь окончательный отпечаток твоей новой пластинки, Pearl, и не увидишь, ты сама уверяла меня в этом, как она взлетит на самую вершину мира. У тебя никогда уже не будет времени подумать, как лучше истратить миллион, или даже больше, который ты сделала, или те бесчисленные миллионы, которые смогла бы сделать. У нас никогда не будет уже случая продолжить, разжечь и перезарядить наши отношения, после одного единственного уикенда, вновь проведённого вместе перед самой твоей смертью. И в этом мы не сможем обвинить никого, кроме самих себя. В особенности меня.

Я должна была следовать тому, что Николас фон Хоффман вынес в подзаголовок своей книги: «Дети наши родители предостерегают». Я оставалась «чистой» целых три недели после твоей смерти. Лишь недавно, после того как перешла точку, где я выяснила, что мне нужен героин, чтобы обрести себя, и испытала бездонное состояние, в котором неважно сколько смака я впустила себе в руки, этого не достаточно, попытайся я соскочить с помощью метадона.

265

Прошло уже много времени, как я потеряла свой бутик. Все оставшиеся деньги, от тех девятисот тысяч, которые я сделала за шесть лет — около тридцати тысяч, да дом в Стинсон—Бич, да пара старых дорогих автомобилей. По разным причинам, я почти растратила весь остаток. И как если бы мы были расписаны, мы с Кимми продолжаем оставаться вместе, несмотря на то, что она встречается с другими дамами, а я — с Дебби. Отношения между нами не стали лучше, чем были в то лето, когда ты умерла.

Шесть месяцев спустя после твоей смерти, выбитую из седла и одурманенную героином я дала себя соблазнить Сету Моргану, несмотря на то, что всё ещё помнила о том отпоре, который он получил в ту ночь в Лендмарке. Только не спрашивай меня почему. Я вижусь время от времени с Сэмом Эндрю, Майком Блумфельдом и с Крисом Кристоферсоном, который снова прибился к моему берегу, но мне понадобилось много времени, чтобы затащить его в постель ещё раз — и меня постоянно накрывает меланхолия, читая о нём, слыша или видя его.

Не упустила ли я что–нибудь? Ах, да — Великая Субботняя Гулянка, которая может стать долгим рассказом о тебе, как это бывало, было и будет. Сгущая краски, выделяя суть, скажу, что Великая Субботняя Гулянка означает лишь то, что мы все запрограммированы, и наши судьбы предопределены веруя, что в субботний вечер решается всё. И ждёшь, или бежишь за кем–то, или предвкушаешь, или же надеешься — и молишься, даже если не веришь в Бога, чтобы свершилось самое главное в твоей жизни в этот субботний вечер. И, конечно же, почти всегда ничего не происходит. Но даже в те редкие моменты жизни, когда всё же это свершается, приходит вечер понедельника и ты так занята бессмысленными делами, что тебе некогда осознать произошедшее с тобой, и только тогда понимаешь, когда оно безвозвратно теряется.

266

Воспоминания, как боль, уходят. О белых ночах с тобой, о телефонных звонках, о сотнях из тех, которые я получила после твоей смерти со всего света — два из них от пары давнишних подруг по Хайту, одну из них я даже не смогла узнать по имени. О вечеринке устроенной тобой заранее, на которую ты по прихоти своей оставила две с половиной тысячи долларов ещё задолго до своей передозировки, в которую всё ещё многие верят и думают, что ты убила себя нарочно.

Она прошла в местечке с названием Lion's Share в Ансельмо, в Калифорнии. Играли Старший Брат и Держатели Акций. Присутствовали — Гроссман, твоя сестра, но не брат, Нойуирт, Кук, Кристоферсон, Линдал, Линда Гравенитис, мы с Кимми и ещё семьдесят пять человек разного народа, все напились, обкурились, танцевали, плакали, предавались воспоминаниям. До сих пор твои простыни из варёнки висят задником на выступлениях Старшего Брата, хотя кто–то, может, подумает, что это слишком сентиментально.

Всё уходит или забывается. Кроме одного. Незадолго до этой вечеринки я столкнулась с Джонной, которую знала почти также долго как тебя. Мы разговорились о тебе, и я спросила её о том, кем я была недавно, и кем, возможно, уже никогда не буду.

— Как думаешь, Джанис меня любила? — спросила я её.

— Странный вопрос, — ответила она.

— Скажи, мне это очень важно.

— Будь уверена, — сказала она, приводя пример из тех лет, когда вела платоническую дружбу с тобой в Лос–Анжелесе, и поехала вместе с тобой в аэропорт встречать меня. Я тогда опоздала в Сан–Франциско на самолёт, и это сильно тебя огорчило.

— Как думаешь, Пегги прилетит следующим рейсом? — спросила ты.

— Думаю, да, — ответила Джонна. — Она же сказала, что прилетит, разве ты сомневаешься?

— Боже, сделай так, чтобы она прилетела, — произнесла тогда ты. — Всё будет хорошо, если она будет рядом.

— А что, разве сейчас что–то не так?

— Нет, всё хорошо. Но только при ней я чувствую себя счастливой. А ты разве этого не чувствуешь на себе?

— Ну, — сказала Джонна, — мне Пегги нравится, но она не действует на меня так сильно. Думаю, этим мы с тобой и отличаемся.

Ты постояла в задумчивости, окидывая взглядом пустой вестибюль зоны прибытия. Затем обернулась, и сказала:

— Отличаемся с того первого дня как я встретила её. И думаю, так будет всегда.

Это всё, что мне осталось.

19 октября 2018 года, Люксембург

Индекс

Acid King, 92, 125–8, см. Owsley Stanley
Al Kooper, 52/53, 227
Albert Grossman, 52, 61, 164–5 (покупка шубки), 172, 178 (Вудсток), 183, Альберт Гроссман, дядюшка Альберт
Albert's house, 185
Alistair Cooke, 36
«All is Loneliness», 53
Ann–Margret, 206
Arlo Guthrie, 185 (у Альберта), 193 (Вудсток), 226 (новоселье в Ларкспуре)
Atlantic City Pop Festival, 176
Austin, 103, 116
autoharp, 104, никельхарп
Avalon Ballroom, 48, 104, 107, 109, 116
B. B. King, 146
Bacchanal-70, 23, 28, 252
«Ball And Chain», 53, 133, 148 (провал в Мемфисе)
Band, The, 35, 185 (у Альберта)
Barbara Parkins, 91
Barnra Streisand, 248
Barney's Beanery, 14, 157, 263, бистро у Барни в Лос–Анжелесе, по словам Пегги, «жалкое, расцвеченное фонариками местечко с дурной едой, типичное скорее для района Миссисипи, одно из самых постыдных вонючих нор, где обитали поп–рок тусовщики, записывающиеся музыканты, их жёны и подружки, и бесконечные,
вездесущие и надоедливые их обожатели. Ты бы никогда не пригласила туда никого, даже если бы он был ранен на голову, несмотря на то, что находилось оно в самом сердце Западного Голливуда совсем рядом с бульваром Ла—Сьена.
Baskin–Robbins, 182
Beaumont, 103
Bedford–Stuyvesant, 199, где–то в Бруклине
Bendel's, 164 (покупка шубки)
Bergdorf Goodman's, 163 (покупка шубки)
Bessie Smith, 53, 103
Berkley chemistry, Berkley chemistry department labs, 92, 125
Big Brother and the Holding Company, 22, 32, 42, 48, 108, 133 (Cheap Thrills), 226 (новоселье в Ларкспуре без Сэма)
Bill Colburn, 40
Bill Graham, 110, 170 (Филлмор–Ист и бордовый цвет)

Bill Kreutzmann 40, 190 (случай у вертолёта на Вудстоке), барабанщик Мертвеца, фамилии которого, Кройцман, Пегги не хочет вспоминать
Billie Holiday, 53, 103
Biloxi, 88
Blood Sweat and Tears, 52/53
Blue Cheer, 204
Bob Dylan, 35, 52, 185 (у Альберта)
Bobby Darin, 218
Bobby Fischer, 236
Bobby Neuwirth, 185 (у Альберта), 189, 238
Boot Jack Camp, 124
«Bonnie and Clyde», 246
boutique, 95 (с апреля 1965)
Brazil, 235
Brian, 120
Bruce Hellmer, 43
Bryce, 244, бывший муж Полины, старшей сестры Джоан Баез
burgundy, 170
«Bye, Bye Baby», 53
«Call On Me», 53
Canning Company, 100
Caribbean, 52
Carmel, 35
Carmel Valley, 134
Carole Smith, 91
«Caterpillar», 53
Chateau Marmont, 24, 28, 157, 158–61 (с Мелвином), 250, гостиница на Сансет–стрип
«Cheap Thrills», 71, 131, 133, 155 (миллионные прибыли)
«Cheatin' Heart», 222
Chelsea, 71, 111, 120, 196 (после Вудстока, окно), 244
Chet Helms, 48, 52, 99, 104, 107–8, импресарио Старшего Брата
Chet Hubtley, 247
Chris Ross, 157, приятель Джанис, звезда сатирического ревю The Committee
Chronicle, 151
Civl War western, 172
«Class Favorite», 85
Clark Pierson, 22, барабанщик Full Tilt Boogie
Clint Easwood, 172
Coffee Gallery, 106, 174
Coffee Confusion, 106

Columbia Records, 22, 118, 155
Committee, The, 157, сатирическое ревю, высмеивающее политиканов и общественных деятелей
Country Joe and the Fish, 43, 117
Country Joe MacDonald, 43, 111
Covington, 85
Danae, 238–40, Даная, неряшливая, грязная юная групи, широко известная своей охотой за всеми, кто хоть отдалённо связан с рок–музыкой, и куда только могли занести её, так легко раздвигаемые ноги. И Кук, и Нойуирт время от времени таскали её всюду за собой
dark–haired girl, 186
Dave Getz, 107
David Dalton, 99, 109, журналист, написавший, в конечном счёте, о ней целую книгу
David Niehaus, 236
Debbie Nucifaro, 23, 250
Delta, 89
Dick Cavett Show, 247
Diggers, The, 47
Donahue, 239, чей–то приятель из Мельничной долины
«Down On Me», 53, 108, 110
East Palo Alto, 125
East River, 73
East Side, 179
Eisenhower, 166
El Quixote, 71
Electric Flag, 227
Elektra Records, 118
Elizaneth Taylor, 91
Enrico's, 132
Eustachian tubes, 164 (покупка шубки)
Family Dog, 133
Fillmore, 110
Fillmore Auditorium, 116, 152 (ночь в Филмор–Аудиториуме), 238 (ностальгический концерт–воссоединение со Страршим Братом и Ником Гравенитисом)
Fifth Avenue Hotel, 244
Flower Children, 47
Fort Wayne, 116
Fred Seagal's, 28
French Quartet, 89
Full Tilt Boogie Band, 22, 236, 243 (дебют в Луисвилле 13 июня)

George, 28, 262–3
George, 131–2, история с украденным псом Джорджем
«Good, The Nad, and The Ugly, The», 172
Glenn Campbell, 246
Goodwill store, 33
Golden Cast, 45
Golden Gate Bridge, 123
Greatful Dead, 40, 190 (история с вертолётом)
Golden Gate Park, 93
Greenwich Village, 73, 163 (покупка шубки)
guacamole dip, 170, мексиканский диетический соус–салат из авокадо, перца чили и лайма
HALO, 47
Haight, 116, 125, 138 (слухи о Холлинане)
Haight—Ashbury, 91
Harry, 220–22
Harward Stadium, 249 (в середине августа 1970 40–тысячная аудитория)
Hawlin' Wolf, 146
Head East, 28, 253
Hell's Angels, 199
Hertz, 219, прокат автомобилей
Hieronymus Bosch, 115
Hollywood Boulevard, 165 (покупка шубки)
Hollywood Bowl, 202 (месяц после Вудстока)
Hummingbird, 24, 245 (Me and Bobby McGee)
Hungry Tiger, 13
Ike & Tina Turner, 193 (Вудсток)
Instamatic, 116
International House, 218- , гостиница вблизи аэропорта в Лос–Анжелесе
Irish Coffee, 138
Jack Kerouac, 101
Jackson, Mississippi, 89
Jamaica, 52, 54
James Guthry, 107, 111
Jane Fonda, 218
Janis Len Joplin, 100
Joan Baez, Joannie, 35, 40, 185
Joan Oppenheim, 53
Joannie, см. Joan Baez
Joe Namath, 247
John Cooke, 36, 189, 238, роуд–менеджер Джанис
John Lee Hooker, 146

John Lennon, 180 («сам Иисус в своё второе пришествие, возможно, не мог бы стянуть такую толпу, какая образовалась на Вудстоке»)
Johnna, 228
Johnny Rivers, 117
James Gurly, 33, 51, бас–гитарист Старшего Брата
Jefferson Airplane, 40
Jim Baker, 28
Jim Morrison, 118, 120
Jimi Hendrix, 24, 117
Jimmie, 220–22, полицейский
Ken Threadgill, 103, 106–7
keypunch, 111, клавишный перфоратор ЭВМ
Kim Chappell, Kimmie, 23, 31, 73
«Kozmic Blues», 157 (нарезка), 169
Kris Kristofferson, 238-
KSAN, 131
L. A. Free Press, 205, 222
L'il Abner, 171–5
La Cienega, 14, бульвар Ла—Сьена, Западный Голливуд, Лос–Анжелес
Laguna Beach, 91, 95
Lamar Tech, 103, Lamar State College of Technology,
Landmark, 24, 130, 137 (первый укол), 202 (месяц после Вудстока), 207 (после Голливудской Чаши, Сэм снова крадёт у Джанис заначку), 211–17 (треугольник и разрыв с Сэмом), 251 (встреча с Джорджем и Пегги), гостиница в Лос–Анжелесе
Langley Porter, 35
Lankershim Boulevard, 162
Larkspur, 226–7 (покупка дома к северу от округа Марин в Лос–Анжелесе)
Laura Joplin, 100
Leadbelly, 53, 103
Lee Harey Oswald, 85
«Light Is Faster Than Sound», 53
Linda Freeman, 89
Linda Gravenites, 141, 227 (новоселье в Ларкспуре), 230 (в Рио на лечение), 236, компаньонка Джанис по Ной–стрит
Lindal, 253
«Little Girl Blue», 72, 193 (Вудсток)
Louisville, 10, 176, 236, 243 (дебют 13 июля с Full Tilt Boogie Band)
Love, Peace and Harmony, 48
LSD, 92

Lyle Stuart, 28
Madison, 116
Madison Square Garden, 229 (последний концерт вместе со Squeeze Band 29 декабря 1969)
Mainstream, 49, 111
Mamas and The Papas, The, 117
Manhattan, 196
Matrix, 31, 110, 116, Матрица, небольшой уютный клуб, расположенный на самой окраине милого района Сан–Франциско, под названием Марина.
Marin County, 31, 119
Marin General Hospital, 124
Market Street, 172
Marty Bolin, 40
Marx Brothers, 224
Max Yasgur's Woodstock farm, 180, 188 (история с вертолётом)
Max's Kansas City, 196
«Me and Bobby McGee», 245
Memphis, 145
«Mercedes Benz», 24
methadone, 9б 230–1, 235
methedrine, 30, 33, 106
Mia Farrow, 246
Miami, 89
Michael & Penelope, 71
Michael Bloomfield, см. Mike
Michael Pillard, 246
Michael Stephanian, 138
Mike Joplin, 100
Mike Bloomfield, 52/53, 148 (фестиваль в Мемфисе), 227, 265, объявление о выходе его новой пластинки Cruisin' for a Bruisin', было сделано в 15 февраля 1981 года. В этот же день его нашли мёртвым. Он сидел за рулём своего Мерседеса, а все четыре двери были изнутри закрыты. Поговаривают, что он умер на вечеринке у одного из друзей в Сан–Франциско, и его отвезли в другую часть города двое из участников вечеринки. Что произошло на самом деле и что привело к смерти достоверно неизвестно.
Milan Melvin, 157–61, 162, женат был на младшей сестре Джоан Баез, Мими, после смерти её первого мужа, Ричарда Фаринья
Mill Valley, 239
Mimi Farina, 35, 161, младшая сестра Джоан Баез
Mission district, 172
Monterey Pop Festival, 117

Motorcycle Ritchie, 199–201
Mount Tamalpis, 124
Ms. Grossman, 184–8
Muddy Waters, 146
«Myra Breckenridge», 247, фильм с участием Реквел Уелч
Myra Friedman, 63
Nancy Gurly, 33, 51, жена бас–гитариста Джеймса Гёрли
New Orleans, 85
Newsweek, 166–7 (на обложке журнала)
New York, 91 (1961–64)
New York Thruway, 179–82, 195
Nick Gravenites, 141, 227 (новоселье в Ларкспуре), 238, писал и аранжировал для Джанис, позднее — для Electric Flag
Noe Street, 140, 169
North Beach, 105, 106, 138, 150
Nudie, 162, 165 (покупка шубки)
Nyack, 179
Oakland, 238 (бесплатный концерт для Ангелов Ада)
Odetta, 53, 103
Old World, The, 28, 157, 215 (разрыв с Сэмом), 253, Старый Свет, ресторан на Сансет–стрип, основанном Джимом Бейкером и Лайлой Стюарт
Otis Redding, 110, 117, 146
Owsley Stanley, см. Acid King, Оузли «Медведь» Стенли, 12 марта 2011 года в автомобильной катастрофе на дорогах Австралии погибает в возрасте 76 лет Медведь, звукоинженер Благодарного Мертвеца и ключевая фигура контркультуры Сан—Франциска шестидесятых. Многие задаются вопросом, а могло ли вообще состояться жаркое лето любви 1967 года без этого отшельника, ведущего затворнический образ жизни? В своей в буквальном смысле подпольной лаборатории за период с 1965 по 1967 год Оузли произвёл 500 грамм lysergic acid diethylamide, что составляет немного более миллиона доз на то время. Мнгие считают, что Оузли «Медведь» Стенли разыграл свою смерть, чтобы уйти в подполье и произвести ещё не менее пяти миллионов таблеток для «проблемных детей д-ра Хоффмана!»
Panhandle Park, 37
Pat Napier, 88
Paul Rothchild, 22, 258, последний её продюсер времён Full Tilt Boogie
Paul Wailey, 204, Пол Уэйли, играющий в группе Blue Cheer
Paulina, 244, старшая сестра Джоан Баез
«Pearl», 22, 249 (начали записывать)
«Peace of My Heart», 133, 148 (провал в Мефисе), 193

(Вудсток)
Pebble Beach, 40
Peck–and–Peck–style, 38, 91
Perkinston Junior College, 88
Pet Boys store, 24
Peter Albin, 38, 107, 111
Peter Cohan, 197–8
Peter, Paul and Mary, 52
petulie oil, 75
Pickwood Theater, 218, кинотеатр в Вествуде, Лос–Анжелес
Pinnochio, 231
Pltmouth 1948, 169
Pony and the Bugaloo, the, 148
Porsche, 24
Potshots, 138, книга о марихуане, написанная адвокатом Пегги Майклом Стефанианом
Port Arthur, 100, 249 (встреча выпускников)
Port Arthur College, 103
Presidio 27, 138, группа армейских мятежников, протестующих против войны во Вьетнаме
Queen of the May Festival, 83
Ralph Gleason, 150, 226 (новоселье в Ларкспуре)
Raquel Welch, 247
Ricard Farina, 157, Ричард Фаринья, муж Мими, младшей сестры Джоан Баез
Richie Havens, 60, 193 (Вудсток)
Rick, 210, рабочий бутика Пегги
Ripple, 111, 172
Rooling Stone, 151
Rosie Maddox, 103
Russian Hill, 48
Sam Andrew, 51, 56–57, 99, 107, 116, 169 (история с Плимуто 1948 года), 202 (уволен из Squeeze), 265, был с ней рядом все дни Старшего Брата, а затем последовал за ней в Squeeze
Santa Ana, 223
Santana, 193 (Вудсток)
Saigon, 165
Samantha Eggar, 248
San Diego Zoo, 222
San Fernando Valley, 162
San Francisco, 90 (февраль 1964)
San Francisco mobilyzation committee, 138, комитет, руководящий самым обширным и самым эффективным в городе антивоенным движением

«Sunday Morning Coming Down», 245
Sanshine, 186
Sausalino, 134, 238
Serendipity, 71
Seth Joplin, 100
Seth Morgan, 19–22, 249, 253
Sheraton McAlpin, 71
Simon and Garfukel, 117
Sioux Falls, 116
Smokey Robinson, 172
Southern Comfort, 49, 62, 119, 162–64 (чек на 2,000 долларов от производителей Южного Комфорта), 170 (хронология), 174 (получить «немного комфорта», как она любила шутить), 191 (Вудстоск)
Squeeze, 22, 133, 146–7 (концерт в Мефисе), 176, 202 (без Сэма), 226 (новоселье)
Stax—Volt Records, 145, мемфисская звукозаписывающая компания, специализирующаяся на записи блюзменов, среди которых такие великаны, как Воющий Волк, Мутные Воды, Биби Кинг и Джон Ли Хукер
Stephen Stills, 52/53, 227
Stinson Beach, 119, 145, 240–42 (история с падением в колючие кусты Кимми)
«Summertime», 193 (Вудсток), 206 (в Голливудской Чаше уже без Сэма)
Sunbean, 42
«Super Sassion», 52/53, 227
Sy Amber's, 165, на Голливудском бульваре
«Take A Little Piece Of My Heart», 52
Terence Hallinan, 138–40, родился 4 декабря 1936 года
Texas Canning Company, 100
«They Shoot Horses, Don’t They?», 218
Thousand Oaks, 23
Tina Turner, 209
Tiny Tim, 117
Tom Jones TV show, 209 (декабрь 1969), 246
Travis Riers, 99, 107, Травис Риверс, кто раскопал её и вернул в Сан–Франциско во второй, а возможно и в третий раз
Trident Restaurant, 134, 238, 253 (встреча с Сетом Морганом и Линдал)
Triumph 500, 41
«Try Just a Little Bit Harder», 193 (Вудсток)
«Turtle Blues», 133
Ubangi, 94

UCLA, 139, Лос–Анжелесский Калифорнийский университет
University of Texas, 103–4
Village Voice, 76
Vince Mitchell, 178–82 (розыгрыш с любовником), звукоинженер Джанис времён Вудстока
Vincent Hallinan, 138
Virgin Islands, 52
W. C. Fields, 25
Waller Creek Boys, 104
Washington Square Park, 244
Wes Wilson, 40
West Coast, 91
Westwood, 218,
Wild Bill Hickok hair, 80
Wilson Pickett, 146
Winterland Ballroom, 150
«Wizard Of Oz, The», 179
Woodie Guthrie, 104
Woodstock, 176–8 (ехать/не ехать), 183 (фестиваль)
Woodstock Holiday Inn, 180, 188
«Women Is Looser», 53

Going Down With Janis
Peggy Caserta
Издательство: A Futura Book, Великобритания (1975)
Копирайт: Lyle Stuart, Inc., (1973)
ISBN: 0 8600 7231 2